

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра гражданского процесса и трудового права

Теоретико-прикладные аспекты защиты прав участников
цивилистических правоотношений

Сборник статей по материалам международной научно-практической
конференции, посвященной 50-летию кафедры гражданского процесса
и трудового права

Минск
2025

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета БГУ
Протокол № 5 от 27 января 2025 г.

Редакционная коллегия:

О. Н. Романова (отв. ред.), кандидат юридических наук, доцент;
И. Н. Колядко, кандидат юридических наук, доцент;
Н. Н. Никонова, кандидат юридических наук, доцент;
О. Л. Нихайчик, старший преподаватель

Рецензенты:

Мещанова М. В., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета;

Бакиновская О. А., кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя Института – начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Теоретико-прикладные аспекты защиты прав участников гражданско-правовых правоотношений: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию кафедры гражданского процесса и трудового права, Минск, 3 октября 2024 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. гражданского процесса и трудового права; редкол.: О. Н. Романова (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2025. – 141 с. – Библиогр. в конце ст.

В сборнике представлены статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь, зарубежных стран о проблемах гражданского процесса и трудового права как отраслей науки и законодательства, подготовленные по материалам докладов на международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Здрок О. Н.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И СТАДИЯХ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И БАНКРОТСТВЕ

*Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета,
ул. Советская, 14, 220030, г. Минск, Беларусь, iprk@bsu.by*

Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности», вступивший в силу 1 октября 2023 г. (далее – Закон), содержит раздел II «Судебный порядок рассмотрения дел о несостоятельности и банкротстве», который устанавливает значительный объем особенностей судопроизводства по делам о несостоятельности и банкротстве по сравнению с нормами Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), регулирующими общие правила рассмотрения судами экономических дел. Особенности производства по указанной категории дел касаются в том числе последовательности развития процесса от момента обращения заявителя (должника или кредитора) в суд с заявлением о несостоятельности или банкротстве до момента вынесения судом судебного постановления, разрешающего дело по существу. В связи с указанным представляется актуальным исследование вопроса о том, насколько к делам данной категории применима классическая модель стадийного развития процесса в суде первой инстанции, включающая стадии возбуждения производства по делу, подготовки дела к судебному разбирательству и судебного разбирательства.

Особенности процедуры судебного урегулирования неплатежеспособности, предусмотренные Законом, обусловлены спецификой предмета судебной деятельности, которая, в свою очередь, связана с наличием у суда при рассмотрении данной категории дел сопутствующей цели по профилактике и предупреждению неплатежеспособности.

Предмет судебной деятельности по делам о несостоятельности и банкротстве может быть определен как установление юридически значимого факта несостоятельности или банкротства определенного субъекта хозяйствования при содействии суда в восстановлении его платежеспособности путем осуществления судебного контроля за действиями этого субъекта хозяйствования и органов государственного управления по урегулированию неплатежеспособности в рамках специальных процедур, предусмотренных законом (в том числе процедур досудебного оздоровления, санации, конкурсного и ликвидационного производства).

Многоаспектность предмета судебной деятельности по делам о несостоятельности и банкротстве позволяет говорить о выделении данной категории дел в качестве самостоятельной и не относящейся ни к одному из известных в теории цивилистического процесса видов судопроизводства на том основании, что в этом случае имеет место сочетание черт, присущих особому производству, производству по делам, возникающим из административно-правовых отношений, а также деятельности суда, связанной с государственным содействием развитию и функционированию альтернативных способов разрешения споров (имеется в виду, в частности, принятие судом мер по обеспечению иска при рассмотрении дела третейским судом и содействие примирению сторон).

Так, предмет судебной деятельности по делам о несостоятельности и банкротстве составляют:

- установление юридически значимых фактов несостоятельности и банкротства субъектов хозяйствования (признаки особого производства);

- содействие суда в организации процедур по урегулированию неплатежеспособности (признаки деятельности суда, связанной с государственным содействием развитию и функционированию альтернативных способов разрешения споров);

- судебный контроль за действиями субъектов хозяйствования и органов государственного управления по урегулированию неплатежеспособности (признаки производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений);

В соответствии с п. 1 ст. 16 Закона дела о несостоятельности или банкротстве рассматриваются в порядке, установленном ХПК, с учетом особенностей, установленных Законом и актами Президента Республики Беларусь. С учетом особенностей, установленных Законом, осуществляются в том числе назначение и освобождение судом от исполнения обязанностей управляющего, разрешение ходатайств и иных вопросов, предусмотренных Законом для данной категории дел (п. 3 ст. 16 Закона).

Особенности рассмотрения дел о несостоятельности или банкротстве предусмотрены главой 3 Закона и связаны с многочисленными дополнениями и изъятиями по сравнению с общими правилами судопроизводства по экономическим делам. Это, в частности:

- увеличенные сроки рассмотрения дела – 8–11 месяцев (ст. 42 Закона);

- законодательный запрет на передачу дел данной категории на рассмотрение в третейский суд, международный арбитражный (третейский) суд (п. 2 ст. 17 Закона);

- введение для дел по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством (о требовании, о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов, о признании недействительной сделки должника, об исключении имущества из состава имущества должника), правил подсудности по связи дел – отнесение их к подсудности суда, в производстве которого находится дело о несостоятельности или банкротстве (ст. 17 Закона);

дополнительные требования к заявлению должника (кредитора) о несостоятельности или банкротстве, в том числе расширенный перечень документов, которые должны быть приложены к заявлению (предварительный план санации, согласованный с соответствующим государственным органом; протокол собрания работников должника с выделением представителя для участия в деле; документы, подтверждающие принятие мер по досудебному оздоровлению; документы, подтверждающие согласие предлагаемых заявителем кандидатов в управляющие на назначение в производство по делу о банкротстве, и т. п.) (ст. 22, 24, 27 Закона);

возложение обязанности направления копии заявления о несостоятельности или банкротстве лицам, участвующим в деле, на самого заявителя (п. 4 ст. 21, п. 4 ст. 23, п. 3 ст. 25 Закона);

предоставление должнику права направить в суд отзыв на заявление кредитора о признании должника банкротом с одновременным заявлением ходатайства об отложении решения вопроса о принятии заявления кредитора о банкротстве для подачи должником в суд заявления о несостоятельности (ст. 31 Закона);

расширенный состав лиц, участвующих в деле, и особенности их правового положения (ст. 35, 36 Закона);

специальные требования к судебному постановлению, завершающему рассмотрение дела по существу – при отсутствии оснований для признания субъекта хозяйствования несостоятельным или банкротом суд выносит не решение об отказе в удовлетворении заявления, а определение о прекращении производства по делу (ст. 18 Закона);

иные особенности.

Основная специфика судопроизводства по делам о несостоятельности и банкротстве связана с первоначальной стадией процесса.

Прежде всего, это значительно более длительные сроки разрешения вопроса о возбуждении дела по сравнению с общими правилами судопроизводства по гражданским и экономическим делам. Если по общему правилу вопрос о возбуждении производства по делу должен быть разрешен судом в хозяйственном судопроизводстве в течение 5 дней (ст. 161 ХПК), а в гражданском судопроизводстве – в течение 3 дней (ст. 244 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь – далее ГПК) с даты поступления в суд искового заявления (заявления, жалобы), то на разрешение вопроса о возбуждении производства по делу о несостоятельности или банкротстве отводится 1 месяц с даты поступления заявления в суд с возможностью продления указанного срока до 3 месяцев (п. 1 и 3 ст. 32 Закона).

В числе особенностей, предусмотренных Законом для этапа с момента поступления заявления о несостоятельности или банкротстве в суд до вынесения судебного определения о принятии заявления и возбуждении производства по делу, следует выделить:

возможность применения института отложения производства для предоставления должнику права, при наличии заявления кредитора о банкротстве должника, обратиться в суд с заявлением о своей несостоятельности (п. 3 ст. 32 Закона);

разрешение вопроса о принятии заявления и возбуждении производства по делу в судебном заседании (ст. 32 Закона), а не судьей единолично, как это предусмотрено ст. 161 ХПК и ст. 244 ГПК, а также возможность проведения иных судебных заседаний по разрешению поступивших на данной стадии ходатайств (п. 1 ст. 37 Закона);

возможность разрешения вопроса об отказе в принятии заявления в упрощенном порядке без назначения судебного заседания – в течение 5 дней со дня поступления заявления в суд при наличии определенных законом оснований (ст. 33 Закона);

предоставление суду права до вынесения определения о принятии заявления и возбуждении производства по делу совершать процессуальные действия по разрешению ходатайств (п. 1 ст. 37 Закона), истребованию доказательств (например, недостающих документов, которые должны быть приложены к заявлению – ст. 33 Закона), назначению судебной экспертизы в целях определения наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или препятствования проведению расчета с кредиторами (п. 6 ст. 37 Закона), принятию мер по обеспечению требований кредиторов (ст. 43 Закона) и решению иных вопросов, предусмотренных Законом (ст. 16, 31, 33, 43, п. 6 ст. 37 Закона).

Окончание данной стадии оформляется определением о принятии заявления, возбуждении производства по делу и введении защитного периода (открытии конкурсного производства), которое имеет сложное комплексное содержание, включая вывод суда о соблюдении заявителем предпосылок и условий реализации права на обращение в суд, и одновременно резолюцию суда о проведении специальных процедур, характерных исключительно для данной категории дел (ст. 32 Закона).

Указанные особенности (длительные сроки, возможность проведения судебных заседаний, истребования доказательств, принятия мер по обеспечению требований кредиторов) несвойственны традициям гражданского процесса Республики Беларусь в отношении организации стадии возбуждения дела и более соответствуют задачам и содержанию судебной деятельности на стадии подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 168, 170 ХПК, ст. 261, 262 ГПК).

В связи с этим вполне правомерна постановка вопроса о правовой природе действий, совершаемых судом, рассматривающим экономические дела, с момента поступления в суд заявления о несостоятельности или банкротстве до момента вынесения определения о принятии заявления, возбуждении производства и введении защитного периода (открытии конкурсного производства) – а именно: к какой стадии процесса эти действия относить и насколько правомерно их совершение судом без вынесения определения о возбуждении производства по делу.

Представляется правильным определить данный этап как единую стадию возбуждения производства по делу и подготовки его к судебному разбирательству. Такой подход, в принципе, не характерен для национальной правовой системы, где стадии возбуждения производства по делу и подготовки к судебному разбирательству выступают как самостоятельные по отношению друг к другу, но имеет место в процессуальном законодательстве зарубежных стран. В частности, в Великобритании, Франции на направление копии искового заявления ответчику отводится 4 месяца, в США – 90 дней. При этом в истории и мировой практике цивилистического процесса возбуждение дела обычно идет в связке с подготовкой к судебному разбирательству, объединяя обмен сторон состязательными бумагами (pleading) и представление и раскрытие доказательств (discovery).

Кроме того, на современном этапе развития гражданского процессуального права под влиянием принципа процессуальной экономии и тенденции дифференциации процессуальной формы наблюдаются многовариантность организации и изменение классических задач и границ первоначальных стадий процесса. Это проявляется, в частности, в допущении усеченного рассмотрения дела по существу на этапе возбуждения дела с возможностью отказа в принятии заявления по материально-правовым основаниям (по мотиву предъявления иска исключительно с целью преследования ответчика, желания ему досадить, создать инфоповод и т. п.); в повсеместном переходе от исключительно письменной подготовки к смешанной модели, предусматривающей возможность проведения подготовительного (предварительного) судебного заседания; в допущении рассмотрения в предварительном (подготовительном) судебном заседании вопросов по существу с вынесением решения, а также перехода из такого судебного заседания в судебное разбирательство; в интеграции в судебный процесс на самых ранних стадиях примирительных процедур.

Все вышеуказанное актуализирует вопрос о пересмотре в отечественной науке гражданского процессуального права традиционных теоретических представлений об обособленности стадий возбуждения и подготовки дела к судебному разбирательству.

Что касается права суда совершать до вынесения определения о возбуждении производства по делу о несостоятельности и банкротстве определенные процессуальные действия по собиранию доказательств, назначению экспертизы и разрешению ходатайств, то такое право принадлежит суду в силу прямого указания закона, а именно в соответствии с положениями п. 1 и 3 ст. 16 и п. 1 ст. 37 Закона.

Василевич Г. А.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО – ГОСУДАРСТВО, ОСНОВАННОЕ НА ТРУДЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАЖДОГО

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gregory5581@yandex.by*

В национальный конституционно-правовой оборот уже более трех десятков лет назад введен термин «социальное государство». В доктрине, которая имеет длительную историю, даются различные определения социального государства. Основателем теории социального государства считается Лоренц фон Штейн, который полагал наиболее важным для такого государства восстановление равенства и свободы, оказание помощи обездоленным классам.

Основным источником общественного благосостояния является труд – труд наемного работника, предпринимателя, самозанятого и др. Среди общего числа трудоспособного населения более четырех миллионов занято в экономической сфере.

В доктрине существуют различные трактовки социального государства. Например, М. В. Баглай рассматривал социальное государство в качестве субъекта, который берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии граждан, их социальной защищенности, где исключается уравниловка, увязывается свобода и социальная защита социально слабых слоев (безработных, нетрудоспособных, инвалидов) [1, с. 136]. Белорусский профессор Д. М. Демичев определяет социальное государство как особый тип современного экономически развитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государственных органов по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости [2, с. 34]. С. А. Авакьян социальным считает государство, создающее условия для реализации человеком своих способностей к труду, благодаря чему он обеспечивает себе необходимый экономический уровень жизни; такое государство заботится о здоровье людей; создает предпосылки для свободного развития личности; берет на себя либо полную заботу, либо оказание помощи в отношении тех категорий граждан, которые не в состоянии достойно жить на свои доходы [3, с. 383]. Б. С. Эбзеев подчеркивает, что социальное государство предполагает личную ответственность человека за собственное материальное благополучие [4, с. 386].

Социальное государство нельзя сводить до государства, которое занято только социальным обеспечением – платит пенсии, пособия, оказывает иную материальную помощь. Еще в 2000 г. автор данной статьи в качестве признаков социального государства указывал не только на обеспечение человеку достойного существования, но и ответственность каждого за существование общества и несение индивидом обязанности перед обществом

в целом [5, с. 3]. Такой взгляд на социальное государство был повторен в авторском научно-практическом комментарии Конституции Республики Беларусь: в Республике Беларусь, с одной стороны, государство обязуется создать условия для полной занятости, регулирует экономическую деятельность в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях, предоставляет нуждающимся жилище бесплатно или за доступную плату, создает условия для защиты социальной безопасности. С другой стороны, граждане обязаны принимать меры по сохранению и укреплению своего здоровья, проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства [6, с. 290].

Конституционный Суд Республики Беларусь в посланиях неоднократно касался природы и сущности социального государства. Он подчеркивал, что социальное государство в Республике Беларусь предполагает, с одной стороны, защиту наиболее уязвимых слоев населения, с другой – содействие развитию экономической активности граждан, преодолению иждивенческих настроений в социальной сфере [7], для социального государства характерно построение таких отношений между ним и человеком, при которых государство оказывает содействие прежде всего тем, кто по объективным причинам (в силу возраста, состояния здоровья и др.) не может обеспечить свое материальное существование. В отношении иных лиц роль государства сводится к тому, чтобы правовыми средствами, проводимой политикой содействовать реализации гражданами способностей к труду в хозяйственной (в качестве наемного работника, предпринимателя), творческой и иных сферах [8].

Изложенные автором в публикациях и в совместных решениях судьями Конституционного Суда в виде посланий идеи получили закрепление в ст. 21 белорусской Конституции по итогам референдума 2022 года, в которой предусмотрен долг каждого проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Становясь конституционным императивом, эта норма предопределяет поиск решений, направленных на оптимизацию частных и публичных интересов. Социальная ответственность касается не только государства, бизнеса, т. е. юридических, но и физических лиц, она является важным фактором формирования гражданского общества, предполагает их активность и инициативу, стимулы и ограничения, моральную и юридическую ответственность.

Одним из проявлений социальной ответственности, о которой идет речь в Конституции Республики Беларусь, является достойный и эффективный труд, концепция которого сформулирована Международной организацией труда (МОТ). В МОТ в качестве признаков достойного труда называют: продуктивную деятельность или производительный труд, способный обеспечить конкурентоспособность страны; достойный и справедливый доход для работников; безопасность на рабочем месте; социальную защиту (от безработицы, в случае беременности, необходимости ухода за ребенком, временной нетрудоспособности, пенсионное обеспечение); перспективы для

индивидуального развития и социальной интеграции; активное участие в принятии управленческих решений (через профсоюзы и ассоциации предпринимателей); равные стартовые позиции и возможности для обоих полов.

Можно утверждать, что новелла белорусской Конституции о социальной ответственности каждого, когда идет речь о наемных работниках, предполагает именно эффективный труд каждого. Конечно, этому должны способствовать, как минимум, две стороны – работник и наниматель, а также государство при осуществлении нормотворческой деятельности, профсоюзы при осуществлении, например, контроля, прокуратура – при осуществлении надзора за исполнением трудового законодательства, суды – при разрешении трудовых споров. И сами эти инстанции обязаны выполнять свои функции разумно и оптимально.

В настоящее время внимание исследователей привлечено к проблеме активирующего (развитие инициативы) и предупреждающего (предупреждение социальной нужды) государства, т. е. акцент делается на новом содержании социальной функции государства. Эта идея является продуктивной, в том числе в контексте нового конституционного подхода к социальной ответственности.

Список цитированных источников

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – М. : Норма, 2013. – 768 с.
2. Демичев, Д. М. Социальное государство и социальная политика / Д. М. Демичев // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Минск : БГУ, 2019. – С. 34–44.
3. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учеб. курс : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. – М. : Норма: Инфра-М, 2014. – Т. 1. – 864 с.
4. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – М. : Юрид. лит., 2005. – 576 с.
5. Василевич, Г. А. Социальное государство и права граждан / Г. А. Василевич // Правовое обеспечение экономических реформ в славянских государствах : тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф.. Минск : БГЭУ, 2000. – С. 3–4.
6. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. комментарий / Г. А. Василевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2005. – 486 с.
7. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2003 году : решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 06.02.2004 № Р-169/2004 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 26.
8. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2005 году : решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 01.02.2006 № Р-193/2006 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 23.

Романова О. Н.

ПРАВИЛА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ПЕНСИОННЫМ СПОРАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, romanovaon@bsu.by*

1. В судебной практике одним из актуальных вопросов, возникающих при рассмотрении и разрешении пенсионных споров, является вопрос о возможности в некоторых случаях использовать в качестве средств доказывания свидетельские показания. Проблема кроется в возможности неоднозначного толкования норм ряда нормативных правовых актов. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 54 Закона Республики Беларусь от 17.04.1992 № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» (далее – Закон о пенсионном обеспечении) стаж работы подтверждается трудовой книжкой, а при ее отсутствии – иными документами, содержащими сведения о периодах работы, либо сведениями (справками) об уплате обязательных страховых взносов в бюджет фонда. Периоды, указанные в ч. 1 ст. 51 Закона о пенсионном обеспечении, протекавшие после вступления в силу Закона Республики Беларусь от 6 января 1999 г. № 230-З «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования» на всей территории Республики Беларусь (с 1 января 2003 г.), подтверждаются на основании сведений индивидуального (персонифицированного) учета. В соответствии с ч. 3 ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении установление порядка подтверждения и исчисления стажа работы отнесено к компетенции Совета Министров Республики Беларусь. В настоящее время действует Положение о порядке подтверждения и исчисления стажа работы для назначения пенсий, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.12.1992 № 777 (далее – Положение). В п. 22 указанного Положения содержится запрет на использование свидетельских показаний для целей подтверждения периодов работы у отдельных граждан, в колхозе за периоды после 1965 г. и другие периоды, условием включения которых в стаж работы является подтверждение уплаты обязательных страховых взносов в бюджет фонда, а также характер работы, дающей право на пенсию за работу с особыми условиями труда или за выслугу лет. Исходя из приведенных выше норм возникают два основных вопроса: является ли запрет на использование свидетельских показаний, установленный в Положении, обязательным для суда и исключает ли ч. 1 и ч. 2 ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении возможность использования свидетельских показаний для подтверждения стажа работы?

2. Правила допустимости доказательств в силу ст. 181 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) могут быть установлены исключительно законом. Следовательно, решение вопроса о возможности использования свидетельских показаний будет зависеть от

результатов толкования ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении. При этом ч. 3 ст. 54 Закона, наделяющая Совет Министров Республики Беларусь полномочиями по установлению порядка подтверждения и исчисления стажа, не может быть истолкована для целей определения допустимых средств доказывания как «продолжение» закона. В постановлении Совмина правила допустимости средств доказывания для суда сформулированы быть не могут. Законом не может быть делегировано Совету Министров решение вопроса, который относится исключительно к компетенции законодательного органа в силу ст. 181 ГПК. Таким образом, содержащиеся в Положении о порядке подтверждения и исчисления стажа работы для назначения пенсий ограничения в использовании свидетельских показаний установлены исключительно для органов, осуществляющих назначение и перерасчет пенсий, и не распространяются на суды.

3. Второй вопрос касается толкования норм ч. 1 и ч. 2 ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении: содержат ли они правила допустимости доказательств (в частности, негативные, исключающие свидетельские показания)? Полагаем, что нет. В процессуальной науке во многих авторитетных источниках подразделяют правила допустимости доказательств (средств доказывания) на позитивные и негативные (М. К. Треушников, И. В. Решетникова и многие другие). Позитивные правила (нормы с «позитивным» содержанием) – это правила, предписывающие использовать определенные доказательства для установления обстоятельств дела. Негативные правила допустимости доказательств (с исключающим, «негативным» характером) – это правила, исключающие из числа средств доказывания какие-либо.

Классический пример негативного правила – ст. 194 ГПК и ст. 163 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), запрещающие в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания в том случае, когда не соблюдена письменная форма сделки. К примерам позитивных правил допустимости доказательств в доктрине, в частности, относят ст. 86 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, предписывающую суду использовать при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, заключение органа опеки и попечительства и ст. 376 ГПК, устанавливающую обязанность суда использовать заключение судебно-психиатрической экспертизы. При этом смысл позитивных правил допустимости средств доказывания объясняют так: «без средства доказывания, предписанного законом, по делу *обойтись нельзя, его нельзя заменить другим доказательством*, но при этом для подтверждения факта или его опровержения можно использовать дополнительно и другие средства доказывания, если этого требуют конкретные обстоятельства дела» (М. К. Треушников, И. В. Решетникова и многие другие).

Полагаю, что есть все основания утверждать, что анализируемые нормы ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении не содержат правил допустимости средств доказывания ни в негативном, ни в позитивном смысле. В подтверждение данного вывода могут быть приведены следующие

основные аргументы. Во-первых, негативные правила допустимости средств доказывания – это санкции для *обеих сторон* правоотношения за несоблюдение установленных законом правил *обеими сторонами* (ст. 194 ГПК, ст. 163 ГК). В случае с пенсионными спорами ситуация совсем другая. Закон устанавливает определенные правила фиксации интересующих нас фактов в трудовой книжке, а также при ведении персонифицированного учета, т. е. формирование доказательственной базы законом возложено не на обе стороны правоотношения, а на одну (хотя и у застрахованного лица есть определенные права, связанные с формированием этой доказательственной базы. Но принципиального значения это, с нашей точки зрения, не имеет). При этом негативные последствия, связанные с ошибками или утратой информации тем субъектом, который должен обеспечивать ее достоверность и сохранность, возлагаются на «слабую» сторону (если признать правильной позицию о невозможности в некоторых случаях использовать свидетельские показания). Такое положение вещей однозначно противоречит целям установления правил допустимости средств доказывания.

Во-вторых, полагаю, что в ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении не содержится и позитивного правила допустимости средств доказывания. В тех примерах позитивных правил допустимости доказательств (ст. 86 КоБС, ст. 376 ГПК), которые приводились выше, имеется одно важное обстоятельство – в них речь идет о тех средствах доказывания, наличие которых *может и должно быть* обеспечено судом. Очевидно, что ситуации, при которых отсутствует возможность назначить экспертизу или отсутствует возможность получить заключение органа опеки и попечительства, объективно исключены. В таких случаях требование закона об обязательном использовании указанных средств доказывания (наряду с возможностью использовать и другие) и правило о невозможности их заменить другими средствами доказывания – логично и понятно с точки зрения здравого смысла и однозначно соответствует принципу выяснения действительных обстоятельств дела. В случаях с пенсионными спорами требование об обязательном использовании только тех средств доказывания, которые указаны в ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении, будет явно противоречить одному из важнейших принципов судопроизводства – принципу выяснения действительных обстоятельств дела. Если допустимое доказательство отсутствует (не по вине работника) и это доказательство ничем заменить нельзя (не по вине работника) и, кроме того, возможность такая объективно отсутствует – это превращается для «слабой», «невиновной» стороны в неразрешимую проблему. Выход только один – толковать правила ст. 54 Закона о пенсионном обеспечении как рассчитанные в первую очередь на бесспорные ситуации и не распространяющиеся на ситуации спорности (неочевидности) существования искомого факта.

Колядко И. Н.

**РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА НА КАФЕДРЕ ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССА И ТРУДОВОГО ПРАВА**

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, koliadko@tut.by*

Юбилейные даты позволяют провести анализ итогов деятельности и даже прогнозировать перспективы кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета. Создание кафедры 17 июля 1974 г. было итогом предыдущего этапа формирования и расширения юридического факультета, предвестником увеличения потребностей в специалистах с высшим юридическим образованием.

Спустя 50 лет хочется отдельно оценить развитие науки гражданского процессуального права, научно-педагогической школы, создание учебников и учебных пособий, а также роль заведующих кафедрой в организации данных направлений работы по проблемам гражданского процессуального права.

Расширение юридического факультета сопровождалось появлением новых преподавателей и созданием кафедры гражданского процесса и трудового права. Профессором Н. Г. Юркевичем, инициатором создания и первым заведующим кафедрой, для более глубоких процессуальных исследований, подготовки учебных пособий в 1974 г. привлечены в качестве преподавателей Т. А. Белова, В. Г. Тихиня, а в 1977 г. – И. Н. Колядко, Г. В. Яковлева. Совместными усилиями коллектива названных преподавателей кафедры под редакцией Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини были изданы учебные пособия: «Гражданский процесс БССР» в 4 частях [1] и «Практикум по гражданскому процессу» [2]. В последующем данные книги стали основой для издания первого в Беларуси учебника по гражданскому процессу в двух частях («Общая часть», 2000 и «Особенная часть», 2002) на основе Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. [3; 4]. При этом существенно расширился коллектив авторов (И. И. Верховодко, Т. В. Сысуев, Е. А. Унукович, а затем и О. Н. Романова). Авторы соответствующих глав осуществляли анализ теории и практики как в отдельных научных публикациях, так и для последующих изданий [5–7].

Отдельно следует отметить обновление авторского коллектива в третьем издании учебника по гражданскому процессу, подготовленном в 2020 и 2022 гг. под редакцией Т. А. Беловой и И. Н. Колядко. В этом издании уже поставлен ряд проблем унификации судопроизводства по гражданским и экономическим делам.

Безусловно, заслуга создания кафедры и формирования ее коллектива принадлежит профессору Н. Г. Юркевичу, который на протяжении 1974–1978, 1981–1994 гг. обеспечивал совместно с В. Г. Тихиней разработку

учебной и научно-практической литературы по советскому гражданскому процессу для студентов Беларуси.

Представляет интерес, что кафедра гражданского процесса и трудового права, согласно приказу Министерства высшего и среднего образования БССР № 383 от 8 июля 1974 г., является правопреемницей кафедры гражданского права и процесса. Это было закреплено в приказе ректора Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина № 23-О от 17 июля 1974 г.

В 1978–1981 гг. кафедрой руководил доцент А. А. Шингель, который создал условия для издания первого (и единственного) в БССР учебного пособия с грифом Министерства высшего и среднего специального образования по советскому гражданскому процессу в четырех томах.

Автор этих строк в период заведования кафедрой (1994–2016 гг.) также приложил усилия к дальнейшему развитию и совершенствованию учебного процесса посредством организации публикации и участия в качестве автора и редактора двух изданий учебника по гражданскому процессу (2000 и 2002 гг. – первое издание [3; 4], 2006 и 2007 гг. – второе издание [5; 6]) совместно с Т. А. Беловой и Н. Г. Юркевичем.

В период с 2016 по 2019 г. кафедру возглавляла О. Н. Здрок, которая единолично подготовила пособие по медиации, а в 2019 г. успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Примирительные процедуры в гражданском процессе». Во время ее руководства кафедрой был опубликован практикум по гражданскому процессу [7].

Преемственность по организации учебного процесса, организации научно-исследовательской работы и подготовке учебной литературы обеспечила в качестве заведующего кафедрой доцент О. Н. Романова. За время ее руководства вышло третье издание учебника по гражданскому процессу (2020 и 2022 гг.). Одновременно произошло обновление и расширение авторского коллектива (Е. А. Михасева, Н. Н. Никонова, В. П. Скобелев, Е. В. Синюк, Т. С. Таранова) при сохранении авторских позиций Н. Г. Юркевича, И. А. Юхо, В. В. Тихоновича и И. М. Казей.

Определенные элементы планирования научных исследований и подведение итогов путем издания материалов международных научно-практических конференций по проблемам гражданских дисциплин на юридическом факультете как традиция сложились с конца 1990-х гг. Кроме того, в этот период существенно расширился круг аспирантов и соискателей кафедры и в процессе утверждения тем их исследований определялись актуальные направления, что содержало элементы планирования и практической значимости в свете нового законодательства о судопроизводстве. Руководителем государственных программ научно-исследовательской работы гражданских кафедр был заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права И. Н. Колядко.

Как в советский период, так и в дальнейшем, значительный познавательный и аналитический эффект имела работа над научно-практическими комментариями к кодексам [8].

В постсоветский период следует отметить научно-прикладные работы над комментариями к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь (ГПК) и Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь (ХПК), которые велись совместно с судьями Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь [9; 10].

Традиционно на кафедре осуществлялись диссертационные исследования. Следует прежде всего отметить фундаментальное исследование ряда проблем доказывания В. Г. Тихиней с привлечением смежных наук (криминалистики и др.), которое в определенной степени явилось развитием процессуальной школы профессора С. В. Курылёва в рамках советского законодательства и советской доктрины о доказывании [11]. Появление на кафедре процессуалиста – доктора юридических наук создало благоприятные условия для подготовки ряда кандидатских диссертаций под руководством В. Г. Тихини, в частности: «Судопроизводство по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях» (И. Н. Колядко, 1986), «Частные определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе» (Л. И. Василевский, 1988), «Участие адвоката в доказывании по гражданским делам» (Е. Б. Клейн, 1988), «Вещественные доказательства в гражданском процессе» (А. П. Петров, 1989), «Участие прокурора в пересмотре судебных решений, определений и постановлений по гражданским делам, вступивших в законную силу (по материалам Белорусской ССР)» (В. С. Каменков, 1990), «Становление и развитие гражданского процессуального права Белорусской ССР (1917–1937 гг.)» (И. М. Казей, 1990), «Проблемы участия общественных организаций и объединений трудовых коллективов в советском гражданском процессе» (В. Г. Голованов, 1991).

Одновременно профессор Н. Г. Юркевич часть своих научных интересов от проблем гражданского, семейного права и социологии переместил в сферу гражданского процесса, и под его руководством была защищена кандидатская диссертация «Процессуальные проблемы возмещения вреда, причиненного здоровью рабочих и служащих при исполнении ими трудовых обязанностей в государственных организациях» (Т. А. Белова, 1989).

Появление новых высококвалифицированных процессуалистов создало перспективы развития научно-педагогических школ профессоров Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини за счет руководства диссертационными исследованиями их учениками (Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. М. Казей), а впоследствии и научно-педагогических школ других их учеников.

Под руководством Т. А. Беловой были осуществлены диссертационные исследования о защите прав и интересов несовершеннолетних (О. Н. Здрок, 1999), рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации в гражданском и хозяйственном судопроизводстве (О. Н. Романова (Герасимович), 2001), законной силе постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе (В. П. Скобелев, 2005), процессуальной ответственности в судопроизводстве по гражданским делам (Н. Н. Никонова (Тумащик), 2006). Под руководством И. Н. Колядко защищены диссертации о

признании недействительными актов государственных и иных органов в хозяйственных судах (И. И. Верховодко, 2001), процессуальных особенностях судебной защиты жилищных прав граждан (Н. В. Козловская, 2004), защите прав и законных интересов граждан при причинении вреда нанимателем жизни и здоровью работника (Т. В. Воронович, 2008), об оценке доказательств в суде первой и второй инстанции по гражданским делам (В. В. Паращенко, 2009), о предварительном судебном заседании в гражданском судопроизводстве (Ю. В. Кочурко, 2012), об особенностях рассмотрения и разрешения судами дел о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (Е. А. Михасева, 2015); под руководством И. М. Казей – о реализации права на судебную защиту в приказном производстве в общих судах (Д. В. Сысоев, 2006).

Профессор Н. Г. Юркевич, доцент И. Н. Колядко и профессор В. С. Каменков были инициаторами ряда исследований и подготовки диссертаций сотрудниками других учреждений [12].

Следует также отметить первый опыт успешного руководства диссертационными исследованиями нового поколения ученых-процессуалистов. Так, И. И. Верховодко руководил диссертацией М. Н. Мадудиной, посвященной порядку производства в хозяйственном суде кассационной инстанции (2013), О. Н. Здрок – диссертацией А. В. Лаевской об электронных доказательствах в гражданском и хозяйственном процессе (2017). К руководству диссертационными исследованиями подключились О. Н. Романова, В. П. Скобелев и Н. Н. Никонова.

Результаты произведенных диссертационных исследований и публикации ряда аспирантов, соискателей и преподавателей кафедры содействовали обсуждению актуальных проблем реформирования процессуального законодательства о гражданском, хозяйственном и арбитражном (третейском) судопроизводстве, выработке практических рекомендаций по совершенствованию данного законодательства и таким образом способствовали восприятию этих рекомендаций законодателем.

Следует отметить фундаментальное исследование по вопросам унификации доказывания в гражданском и хозяйственном судопроизводстве соискателем кафедры Т. С. Тарановой (2012).

Полагаем, что эта работа стала предпосылкой постановки задачи по унификации гражданского и хозяйственного судопроизводства, которая была обозначена в заключении кафедры в 2016 г., подготовленном О. Н. Здрок и И. Н. Колядко, и ряде наших публикаций. Так, нами предлагалось внедрение концепции административного иска, которая фактически нашла отражение в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь, анализировались проблемы видов производства, необходимости их расширения и форм унификации проверочных стадий [13–16]. На содержание Кодекса гражданского судопроизводства оказали влияние работы и других членов кафедры (В. П. Скобелев, О. Н. Здрок и др.) [17; 18].

На протяжении всего периода существования кафедры ее сотрудники не только обеспечивали учебный процесс, но и участвовали в нормотворческой деятельности (ГПК 1999 г., ХПК в редакции 2004 г. и др.). Сотрудники кафедры выявляли актуальные проблемы, требующие обновление законодательства (в частности, необходимость унификации, внедрения примирительных процедур и др.).

Представляется, что, несмотря на произошедшую смену поколений сотрудников кафедры, обеспечивающих преподавание гражданского процесса и смежных дисциплин, традиции, заложенные профессорами Н. Г. Юркевичем и В. Г. Тихиной, продолжились за счет деятельности их учеников Т. А. Беловой и И. Н. Колядко, а в последующем новым поколением ученых-процессуалистов (О. Н. Романовой, В. П. Скобелевым, Н. Н. Никоновой, И. И. Верховодко, Т. В. Сысуевым, Е. А. Унукович, Е. А. Михасевой).

Список цитированных источников

1. Гражданский процесс БССР : учеб. пособие : в 4 ч. / под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. – Минск : Вышэйшая школа, 1979–1982.
2. Практикум по гражданскому процессу БССР : учеб. пособие для студ. юрид. фак. и вузов / под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. – Минск : Вышэйшая школа, 1984. – 200 с.
3. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2000. – 576 с.
4. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2002. – 592 с.
5. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2006. – 576 с.
6. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2007. – 592 с.
7. Практикум по гражданскому процессу : учеб. пособие / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – Минск : Амалфея, 2018. – 348 с.
8. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР / под общ. ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. – Минск : Беларусь, 1989. – 544 с.
9. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л. И. Бакиновская, Т. А. Белова, Н. Н. Бобков [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мирониченко. – Минск : Тесей, 2005. – 864 с.
10. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / А. Д. Авдеев [и др.] ; под общ. ред. В. С. Каменкова, И. Н. Колядко – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 735 с.

11. Тихиня, В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве / В. Г. Тихиня. – Минск : Высш. школа, 1983. – 159 с.

12. Колядко, И. Н. Основные направления и итоги развития науки на кафедре гражданского процесса и трудового права / И. Н. Колядко, Т. М. Петоченко // Юрыдычная навука і адукацыя ў Беларускім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац. / рэдкал.: Т. М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.]; пад рэд. Т. М. Міхалёвай [і інш.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 288–300.

13. Колядко, И. Н. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам / И. Н. Колядко // Развитие судебной власти в Республике Беларусь : материалы междунар. круглого стола, 20 апр. 2017 г., Минск / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.), О. В. Петрова, В. И. Самарин. – Минск, 2017. – С. 45–50.

14. Колядко, И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь / И. Н. Колядко // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тезисы докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 495–498.

15. Колядко, И. Н. Кодекс гражданского судопроизводства как итог и этап судебной реформы / И. Н. Колядко // Современные тенденции развития цивилистического процессуального права : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. кругл. стола, приуроч. к 70-летию проф. кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета И. Н. Колядко, 15 апреля 2022 г., Минск, Беларусь / Белорус. гос. ун-т ; под ред.: О. Н. Романовой, И. Н. Колядко. – Минск, 2022. – С. 49–57.

16. Колядко, И. Н. О некоторых проблемах системы Кодекса гражданского судопроизводства / И. Н. Колядко // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – Вып. 6. – С. 260–266.

17. Скобелев, В. П. К вопросу о разработке единого процессуального кодекса для рассмотрения гражданских и экономических дел / В. П. Скобелев // Право.by. – 2016. – № 2. – С. 42–50.

18. Здрок, О. Н. Примириительные процедуры в цивилистическом процессе / О. Н. Здрок. – Минск : БГУ, 2018. – 283 с.

Петоченко Т. М.

**ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ НАУКИ ТРУДОВОГО ПРАВА
И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НА КАФЕДРЕ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА И ТРУДОВОГО ПРАВА**

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, p-t-m-08@mail.ru*

Формирование в конце 60-х гг. XX в. в Белорусском государственном университете одного из основных научных центров создало предпосылки для подготовки научных кадров и проведения научно-прикладных исследований в области трудового права. Под научным руководством кандидата юридических наук, профессора юридического факультета БГУ Г. А. Поветьева были подготовлены диссертационные исследования Ю. П. Смирнова о роли советских профсоюзов в области охраны труда (1960) и Л. Я. Островского по проблемам рабочего времени в промышленности по материалам БССР (1961).

В 70–80-е гг. XX в. на кафедре гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ проводились актуальные научно-прикладные исследования в социально-трудовой сфере, что ознаменовало начало формирования научной школы трудового права и права социального обеспечения на юридическом факультете Белорусского государственного университета. Круг научных интересов кандидатов юридических наук, доцентов кафедры В. П. Дуюна, Х. Т. Мелешко и старшего преподавателя Е. М. Онуфриева охватывал институты рабочего времени и времени отдыха, трудовой дисциплины, аттестации рабочих и служащих и др. [1; 2]. Ими был подготовлен Практикум по советскому трудовому праву, на основе которого в течение нескольких десятилетий велась подготовка студентов юридического факультета [3].

Окончательное формирование белорусской научной школы трудового права и права социального обеспечения связано с деятельностью члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь В. И. Семенкова и его учеников. Основные научно-прикладные исследования Виктора Ивановича посвящены вопросам охраны труда, надзора и контроля [4].

Под руководством В. И. Семенкова подготовлены и защищены диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук доцентами кафедры: О. С. Курылёвой (Судебная практика и совершенствование трудового законодательства – 1986 г.); А. А. Войтиком (Правовые проблемы согласования интересов собственника и трудового коллектива в сфере управления трудом – 1991 г.), Т. М. Петоченко (Проблемы правового положения женщин в связи с материнством по трудовому законодательству – 1995 г.), Е. В. Мотиной (Возмещение морального вреда в трудовом праве – 2002 г.), С. Л. Жвиридовской (Правовое регулирование материальной ответственности работников за ущерб, причиненный

нанимателю – 2004 г.). Результаты диссертационных исследований нашли отражение в публикациях и оказали влияние на развитие законодательства о труде Республики Беларусь.

Под руководством кандидатов юридических наук, доцентов кафедры были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: под руководством доцента О. С. Курылёвой – О. В. Чесалиной (Коллективные договоры в Беларуси, России, Польше: сравнительно-правовой аспект – 2002 г.), К. Л. Томашевским (Изменение трудового договора – 2003 г.), Я. В. Кривым (Правовое регулирование заемного труда: международно-правовой, сравнительный и национальный аспекты – 2006 г.); под руководством доцента Х. Т. Мелешко – Т. А. Постоваловой (Правовое регулирование пособий по временной нетрудоспособности – 2001 г.), М. П. Капыльским (Охрана прав граждан на пенсионное обеспечение в Республике Беларусь – 2003 г.); под руководством доцента Т. М. Петченко – Т. Э. Шпилевской (Особенности правового регулирования труда профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения – 2010 г.); под руководством доцента К. Л. Томашевского – Е. А. Волк (Нормативные соглашения в трудовом праве – 2011 г.); под руководством доцента Т. А. Постоваловой – П. А. Гуцко (Правовое регулирование профессионального стажа – 2020 г.).

В публикациях членов кафедры нашли отражение научные подходы, определяющие перспективы и направления развития важнейших институтов трудового права и права социального обеспечения. Отдельные выводы и предложения были учтены при совершенствовании законодательства в социально-трудовой сфере.

В частности, в круг научных интересов доцента О. С. Курылёвой входят вопросы противоречий в праве, коллизий, пробелов в трудовом праве, применения аналогии закона, аналогии права. Большое внимание в своих исследованиях она уделяет вопросам судебной практики как самостоятельного явления в праве, ответственности в трудовом праве, трудовым спорам, примирению и посредничеству и др.

В своих публикациях доцент Т. М. Петченко исследует вопросы функций и принципов трудового права, дифференциации правового регулирования труда отдельных категорий работников, гендерных аспектов правового регулирования трудовых отношений, альтернативных способов разрешения и урегулирования трудовых споров, материальной ответственности сторон трудового договора и др. [5–8].

Научные интересы доцента Е. В. Мотиной связаны с международным и сравнительным трудовым правом, с вопросами компенсации морального вреда и сроков в трудовом праве, дифференциации правового регулирования труда отдельных категорий работников, трудовых споров и др.

Исследованием вопросов форм и способов защиты трудовых прав и законных интересов граждан Республики Беларусь, самозащитой трудовых прав занимается старший преподаватель кафедры О. Л. Нихайчик.

Основные результаты научно-прикладных исследований сотрудников кафедры в сфере трудового права нашли отражение в учебниках «Трудовое право» (годы: 2002, 2006, 2011, 2016, 2022 [9]), учебных пособиях «Курс трудового права. Общая часть» (2010 г.) [10], «Курс трудового права. Особенная часть. Индивидуальное трудовое право. В 3 томах» (2014 г.) [11; 12], «Трудовое право» (2019 г.) [13], учебно-методическом пособии «Трудовые споры и их урегулирование» (2015 г.) [14].

Доценты кафедры О. С. Курылёва, Е. В. Мотина и Т. М. Петоченко входят в состав редакционных советов (коллегий) научных и научно-практических журналов, научных сборников и монографий по трудовому праву и праву социального обеспечения.

После каждой новой кодификации законодательства о труде сотрудники кафедры А. А. Войтик, О. С. Курылёва, А. П. Дубовец, Х. Т. Мелешко, Е. В. Мотина, Т. М. Петоченко, К. Л. Томашевский регулярно принимали участие в издании «Постатейного комментария к Трудовому кодексу Республики Беларусь» под общей редакцией Г. А. Василевича (годы: 2000, 2003, 2005, 2008, 2014, 2020, 2024 [15]).

Сотрудники кафедры имеют значительный практический опыт и связь с практикой применения законодательства в социально-трудовой сфере. Доценты и преподаватели кафедры являются авторами практикумов по трудовому праву [16] и праву социального обеспечения [17]. Ими обобщен обширный современный правоприменительный опыт в сфере трудового права, в том числе судебная практика по рассмотрению трудовых споров, и в то же время сохранена преемственность подготовки аналогичных учебных пособий несколькими поколениями доцентов и преподавателей кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Большой вклад в развитие науки права социального обеспечения Республики Беларусь внесли кандидаты юридических наук, доценты Х. Т. Мелешко и Т. А. Постовалова. Доцент Х. Т. Мелешко исследовала конституционные основы социального обеспечения Республики Беларусь и основные права личности в сфере социального обеспечения. Под ее редакцией издано учебное пособие по праву социального обеспечения [18]. Доцент Т. А. Постовалова занимается исследованиями правовых вопросов социальной защиты, социальных рисков, профессиональных рисков, обосновывая их необходимость для распределения материальной ответственности между государством и нанимателем, анализом международно-правовых актов о социальном обеспечении и социальном страховании и др. Итоги научных исследований доцента Т. А. Постоваловой вошли в подготовленные ею учебные пособия [19–21].

Представители белорусской науки в области трудового права и права социального обеспечения продолжают исследования актуальных теоретических и практических проблем в целях выявления особенностей применения законодательства, локальных правовых актов, соглашений

и коллективных договоров для определения перспективных направлений развития национального законодательства в социально-трудовой сфере.

Выводы, представленные в монографиях, статьях и учебных пособиях, могут служить основой для дальнейших теоретико-прикладных исследований, научных дискуссий и совершенствования законодательства Республики Беларусь в социально-трудовой сфере.

Список цитированных источников

1. Дуюн, В. П. Рабочее время и время отдыха / В. П. Дуюн. – Минск : Беларусь, 1985. – 81 с.
2. Мелешко, Х. Т. Правовые проблемы аттестации рабочих и служащих / Х. Т. Мелешко. – Минск : Университетское, 1990. – 100 с.
3. Дуюн В. П. Практикум по советскому трудовому праву : учеб. пособие для юридических специальностей высших учебных заведений / В. П. Дуюн, Е. М. Онуфриев, Х. Т. Мелешко. – Минск : Университетское, 1984. – 206 с.
4. Семенов, В. И. Избранные труды / В. И. Семенов. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2013. – 535 с.
5. Петоченко, Т. М. Формы закрепления и особенности реализации принципов трудового права в Республике Беларусь / Т. М. Петоченко // Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в социально-трудовой сфере : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. – Минск : Колорград, 2019. – С. 119–143.
6. Петоченко, Т. М. Материальная ответственность в трудовом праве как самостоятельный вид ответственности / Т. М. Петоченко // Теоретико-прикладные аспекты ответственности в трудовом праве и праве социального обеспечения в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь / А. Г. Апенюк А. Н. Арушаньянц, И. А. Комоцкая [и др.] ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. – Минск : ИВЦ Минфина, 2021. – Гл. 4. – С. 146–194.
7. Петоченко, Т. М. Теоретико-правовые особенности и направления обеспечения гендерного равенства в трудовой сфере / Т. М. Петоченко // Правовое обеспечение достойного труда в современных условиях развития Республики Беларусь: вопросы теории и практики : монография / А. Г. Апенюк, А. Н. Арушаньянц, Е. А. Волк [и др.] ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, 2022. – Гл. 3. – С. 147–192.
8. Петоченко, Т. М. Развитие внесудебных форм урегулирования трудовых споров как гарантия обеспечения достойного труда / Т. М. Петоченко // Реализация концепции достойного труда в социально-трудовой сфере Республики Беларусь / А. Г. Апенюк, Е. А. Волк, И. А. Комоцкая [и др.] ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, 2023. – Гл. 6. – С. 274–324.

9. Трудовое право : учеб. пособие / А. А. Греченков, Е. А. Астапов, И. А. Комоцкая [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича, К. Л. Томашевского. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 632 с.
10. Курс трудового права. Общая часть : учеб.-метод. пособие / А. А. Войтик, Е. А. Волк, О. С. Курылёва [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылёвой и К. Л. Томашевского. – Минск : Тесей, 2010. – 601 с.
11. Курс трудового права. Особенная часть. Кн. 1 : Индивидуальное трудовое право : в 3 т. Т. 1 / А. А. Войтик, О. С. Курылёва, Х. Т. Мелешко [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылёвой и К. Л. Томашевского. – Минск : Амалфея, 2014. – 372 с.
12. Курс трудового права. Особенная часть. Кн. 1 : Индивидуальное трудовое право : в 3 т. Т. 2 / А. А. Войтик, О. С. Курылёва, Х. Т. Мелешко [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылёвой и К. Л. Томашевского. – Минск : Амалфея, 2014. – 460 с.
13. Трудовое право : учеб. пособие / О. С. Курылёва, Т. М. Петоченко, К. Л. Томашевский [и др.] ; под ред. Т. М. Петоченко. – Минск : РИПО, 2019. – 322 с.
14. Петоченко, Т. М. Урегулирование индивидуальных трудовых споров в досудебном порядке / Т. М. Петоченко // Трудовые споры и их урегулирование : учеб.-метод. пособие / А. Г. Авдей, С. В. Агиевец, О. С. Курылёва [и др.] ; под ред. У. Хелльманна [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – С. 64–99.
15. Постатейный комментарий Трудового кодекса Республики Беларусь / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. А. Греченкова. – Минск : РегистрМедиа, 2024. – 1360 с.
16. Практикум по трудовому праву : учеб.-метод. пособие / А. А. Войтик, А. П. Дубовец, В. П. Дуюн [и др.] ; под ред. О. С. Курылёвой, Е. В. Мотиной, Т. М. Петоченко. – Минск : БГУ, 2019. – 275 с.
17. Постовалова, Т. А. Практикум по праву социального обеспечения : учеб.-метод. пособие / Т. А. Постовалова, Х. Т. Мелешко, Д. В. Скородулин ; под ред. Т. А. Постоваловой. – Минск : БГУ, 2013. – 175 с.
18. Право социального обеспечения : учеб. пособие / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, И. Г. Воробьев [и др.] ; под ред. Х. Т. Мелешко. – Минск : Амалфея, 2013. – 544 с.
19. Постовалова, Т. А. Трудовое и социальное право зарубежных стран : учеб.-метод. пособие / Т. А. Постовалова. – Минск : БГУ, 2010. – 111 с.
20. Постовалова, Т. А. Право социального обеспечения Республики Беларусь / Т. А. Постовалова. – Минск : Пересвет, 2013. – 654 с.
21. Постовалова, Т. А. Социальное право Европейского союза: теория и практика / Т. А. Постовалова. – М. : Проспект, 2016. – 384 с.

Таранова Т. С.
ИСК ПРОКУРОРА В ЗАЩИТУ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ
(НЕКОТОРЫЕ НОВЕЛЛЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь*

Новый Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), который вступает в законную силу 1 января 2026 г., устанавливает единый процессуальный порядок для рассмотрения и разрешения судом гражданских и экономических дел, вносит изменения в действующее правовое регулирование ряда процессуальных вопросов, в том числе указывает новое основание обращения прокурора в суд общей юрисдикции в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (далее – иск прокурора о защите неопределенного круга лиц).

В КГС о полномочиях прокурора на обращение в суд в защиту неопределенного круга лиц указано в ст. 71 КГС. В соответствии с ч. 1 ст. 71 КГС прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, если это необходимо для защиты прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

Указание в новом гражданском процессуальном законодательстве о праве прокурора на обращение в суд в защиту неопределенного круга лиц затрагивает задачи прокуратуры. Согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» одной из задач прокуратуры является защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. Данная задача может быть уточнена в связи с новыми полномочиями прокурора на обращение в суд для защиты неопределенного круга лиц.

Иски о защите неопределенного круга лиц открывают возможность упрощенной защиты интересов частных лиц путем освобождения их от обязанности доказывания факта правонарушения. Данный институт позволяет избежать ситуации, когда в случае массового нарушения прав граждан защиту получает только тот, кто обратился в суд [1, с. 119–131].

В действующем Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) об обращении в суд в защиту неопределенного круга лиц не указывается. В данном кодексе используется термин «защита прав других лиц» (ст. 87, 88, 89 и другие статьи ГПК). При этом под другими лицами понимаются конкретные лица, необходимые персональные данные о которых представлены суду, т. е. по правилам ГПК осуществляется защита прав и законных интересов лиц, которые известны суду.

Рассмотрение и разрешение в суде обращений в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц расширяет возможности участия в деле нескольких лиц, в том числе, когда число таких лиц не является персонально установленным, возникновению новых категорий дел.

Например, обращение прокурора в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц может быть обусловлено необходимостью обеспечения прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в случае отсутствия у медицинского работника сертификата специалиста (свидетельства об аккредитации специалиста) [2, с. 38–41].

В КГС термин «неопределенный круг лиц» повторяется довольно часто, но что он означает, законодатель не разъясняет. В юридической литературе обращения в защиту неопределенного круга лиц зачастую связывают с понятиями «неопределенный иск» и «групповой иск». Использование в этих понятиях слова «иск» вполне объяснимо, учитывая модельную процессуальную конструкцию искового производства для всех других видов гражданского судопроизводства.

В теории групповые иски с учетом степени определенности группы лиц подразделяются на определенные иски (групповой иск представителя, иск к многочисленной группе ответчиков) и неопределенные иски, связанные с защитой неопределенного круга лиц [3]. Групповой иск – иск лиц, имеющих однородные требования, круг которых не определен к моменту подачи заявления в суд, но может быть установлен к моменту разрешения дела путем извещения всех заинтересованных лиц [4, с. 292].

Неопределенный иск рассматривается как случай группового иска, но в котором невозможно установить четкий круг субъектов, чьи права подлежат судебной защите [5]. Такой же подход к пониманию неопределенного иска сформирован и в российской судебной практике. Верховный Суд Российской Федерации указал, что под неопределенным кругом лиц (потребителей) понимается такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела [6].

Различия группового иска и неопределенного иска также обусловлены характером заявляемых требований. В отличие от группового иска, в иске о защите неопределенного круга лиц могут быть заявлены только неимущественные требования. На такую особенность исков в защиту неопределенного круга потребителей, указано в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2010 г. № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей». Верховный Суд разъясняет, что в защиту прав неопределенного круга потребителей могут быть заявлены лишь требования неимущественного характера, целью которых является признание действий продавца, изготовителя, исполнителя противоправными, условий договора недействительными в отношении всех потребителей как заключивших, так и имеющих намерение заключить договор на приобретение или использование товара, выполнение работы, оказание услуги и прекращение таких действий.

Теория выделяет элементы иска (предмет иска, основание иска). Предмет иска о защите неопределенного круга лиц составляют требования к ответчику о прекращении нарушений прав, свобод и законных интересов,

имеющих однородный характер и возникающих из правоотношений, в которых участвуют лица, индивидуально не определенные на момент обращения суд с иском и разрешения иска, а также ответчик, которым выступает конкретное физическое или юридическое лицо (лица). В качестве оснований такого иска выступают обстоятельства, подтверждающие право требования неопределенной группы лиц.

В тех случаях, когда по спору о том же предмете и по тем же основаниям в отношении того же ответчика вынесено решение по иску, иск в защиту неопределенного круга лиц не может подлежать судебному рассмотрению. Это следует из содержания п. 8 ч. 1 ст. 241 КГС, в соответствии с которым судья отказывает в возбуждении производства по делу, если заявление подано в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц и имеется вступившее в законную силу решение суда, принятое по спору о том же предмете и по тем же основаниям в отношении того же ответчика.

Данное основание для отказа в возбуждении дела, является новеллой гражданского процессуального законодательства. Действующий ГПК в ст. 245 кодекса в качестве основания для отказа в возбуждении производства по делу, предусматривает случай наличия вступившего в законную силу судебного решения по тождественному делу (т. е. по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям). При отказе в возбуждении дела в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц на основании п. 8 ч. 1 ст. 241 КГС речь не идет о тождественных исках, поскольку тождественным является дело, в котором совпадают стороны, предмет и основание требований. В данном случае в качестве истца могут выступать разные лица.

Иск прокурора в защиту неопределенного круга лиц отличается от других исков, которые прокурор вправе заявить в защиту свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо юридических лиц, имеющих в уставном фонде долю государственной собственности. При этом заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, в силу недееспособности или по другим уважительным причинам не может самостоятельно обратиться в суд (ст. 71 КГС). В отличие от последнего условия, прокурор при обращении в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц не должен обосновывать причины, которые подтверждают невозможность указанных лиц самостоятельно обратиться в суд.

Исковое заявление прокурора в защиту неопределенного круга лиц является разновидностью искового заявления и должно соответствовать требованиям ст. 238 КГС, посвященной форме и содержанию искового заявления. В то же время можно выделить некоторые недостаточно урегулированные в данной норме процессуальные аспекты, связанные с особенностями искового заявления прокурора в защиту неопределенного круга лиц. Одним из них является обоснование искового заявления.

В соответствии с ч. 5 ст. 238 КГС в исковом заявлении прокурора, обратившегося в суд в случаях, предусмотренных данным кодексом и иными законодательными актами, в целях защиты государственных и (или) общественных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц, должно быть указано, в чем заключается государственный и (или) общественный интерес, какие права, свободы и законные интересы других лиц нарушены. Как видно из содержания вышеприведенной нормы, в ней ничего не указано относительно обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц. В связи с этим можно предположить три варианта причин для этого: 1) в данной норме законодатель отождествляет обращение в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц с обращением в защиту общественных интересов; 2) отождествляется обращение в защиту неопределенного круга лиц с обращением в суд в защиту других лиц; 3) в исковом заявлении в защиту неопределенного круга лиц не требуется указывать, какие права, свободы и законные интересы неопределенного круга лиц нарушены.

По вопросу о том, охватывает ли защита общественного интереса защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, имеются различные мнения. Зачастую авторы высказываются положительно, так как во многих случаях при защите неопределенного круга лиц защищается и общественный интерес. Однако, как указывает Д. А. Туманов, не исключены ситуации, когда при обращении в суд для защиты неопределенного круга лиц вопрос о защите общественного интереса не ставится, поскольку неопределенность лиц еще не означает обязательного наличия некоего общего блага. Единственным объединяющим началом для таких лиц может служить лишь то, что всех их невозможно персонифицировать, и то, что защищаются их однородные права [10, с. 3–11].

Трудно сделать вывод и о том, что обращение в защиту неопределенного круга лиц означает защиту других лиц. Исходя из анализа процессуальных правил КГС, также как и ГПК, под другими лицами понимаются персонально определенные лица, участвующие в деле, что не характерно для понимания неопределенного круга лиц. Например, ч. 2 ст. 14 КГС предусматривает, что стороны высказывают мнения, в том числе в отношении доводов *других лиц*, участвующих в деле. В соответствии с ч. 1 ст. 78 КГС государственный орган, юридическое лицо, гражданин могут обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов *других лиц* в качестве истца (заявителя) по письменным просьбе или согласию таких лиц.

Третью из указанных причин также можно отрицать, учитывая то, что исковое заявление является процессуальным документом. В соответствии со ст. 238 КГС процессуальный документ должен соответствовать ст. 100 этого кодекса. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 100 КГС процессуальный документ должен содержать сущность заявленного требования или ходатайства, а также их обоснование. Это предполагает, что прокурор в исковом заявлении в защиту неопределенного круга лиц обязан обосновать, какие права, свободы и законные интересы неопределенного круга лиц нарушены. Вместе с тем данный

вывод не подменяет необходимую детальную регламентацию требований к форме и содержанию искового заявления. Процессуальное законодательство предусматривает оставление искового заявления без движения, если оно подано с нарушением установленных требований (ст. 243 КГС).

Следует также отметить, что анализируемая ч. 5 ст. 238 КГС указывает о конкретных случаях обращения прокурора в суд, в которых должно быть указано, какие права, свободы и законные интересы других лиц нарушены, но не затрагивает исковых заявлений в защиту неопределенного круга лиц. Все это приводит к выводу о необходимости процессуального уточнения на предмет обязательности указания в рассматриваемом исковом заявлении о том, какие права, свободы и законные интересы неопределенного круга лиц нарушены. По результатам формирования судебной практики Пленум Верховного Суда в соответствии со ст. 58 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей может дать в порядке судебного толкования судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения ч. 5 ст. 238 КГС относительно искового заявления о защите неопределенного круга лиц.

Внимание следует уделить также вопросу о подписи искового заявления о защите неопределенного круга лиц. Согласно ч. 6 ст. 238 КГС исковое заявление должно быть подписано истцом или его представителем (при наличии у него полномочий на подписание заявления и предъявление его в суд). При подаче искового заявления в виде электронного документа оно подписывается электронной цифровой подписью истца или его представителя.

Прокурор выступает в гражданском процессе представителем государства. Процессуальный статус прокурора определен в ст. 55 КГС как лица, участвующего в деле, которое имеют государственный, общественный или иной интерес в его исходе. Прокурор не является стороной по делу, в том числе истцом. Лица, понимаемые под термином неопределенный круг лиц, являются истцами. Они, как и обычные истцы, предполагаются лицами, имеющими юридический интерес в исходе дела.

Прокурор не является представителем по делу в защиту неопределенного круга лиц, с которым он обращается в суд. Например, в отличие от представителя, который вправе заключить мировое соглашение, если об этом указано в доверенности, прокурор не может участвовать в заключении мирового соглашения. Инициатива на заключение последнего должна исходить непосредственно от сторон по делу, также как и на подписание мирового соглашения. По этой причине целесообразно в ч. 6 ст. 238 КГС уточнить, что при обращении прокурора в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, исковое заявление подписывается прокурором.

В заключение можно указать, что введение в гражданское процессуальное законодательство норм об обращении прокурора в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц должно сопровождаться выработкой новых научных знаний в данной области, а также детализацией механизма судебной защиты неопределенного круга лиц на основании обращения прокурора в суд.

Список цитированных источников

1. Долова, М. О. Практика применения норм о защите неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве / М. О. Долова // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2019. – Вып. 24. – С. 119–131.
2. Дивеева Н. И. О некоторых особенностях судебного способа защиты права неопределенного круга лиц на оказание медицинской помощи / Н. И. Дивеева // Медицинское право. – 2017. – № 5. – С. 38–41.
3. Ярков, В. В. Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц (§ 5 глава 15) / В. В. Ярков // Арбитражный процесс: учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий [и др.]; отв. ред. В. В. Ярков). – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 752 с. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система. – М., 2024.
4. Коршунов, Н. М. Гражданский процесс: учебник для вузов / Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев. – М.: Норма, 2006. – 848 с.
5. Абушенко, Д. Б. Виды исков в арбитражном процессе (§ 3 глава 9 раздел II) / Д. Б. Абушенко // Арбитражный процесс: учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий [и др.]; отв. ред. В. В. Ярков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система. – М., 2024.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 23.06.2004, 30.06.2004. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 11 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система. – М., 2024.

Мотина Е. В.

О МОМЕНТЕ НАЧАЛА ДЕЙСТВИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С БЫВШИМ СОВМЕСТИТЕЛЕМ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, motina@bsu.by*

В 2019 г. в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) появилось специальное основание прекращения трудового договора с совместителем (п. 2 ст. 350 ТК). В настоящее время правовое положение совместителя, как правило, изменяется посредством увольнения и заключения нового трудового договора.

Однако полагаем, что сложности процедуры прекращения договора и другие многочисленные юридические аспекты отягощают выбор данного правового решения. Рассмотрим лишь один из таких аспектов, а именно, момент начала действия трудового договора, когда совместитель утратил свой статус, но стороны желают продолжить трудовое отношение, заключив новый трудовой договор.

В соответствии с ч. 6 ст. 50 ТК день увольнения, по общему правилу, это последний день работы. В случае увольнения по п. 2 ст. 350 ТК идеальным вариантом будет совпадение дней увольнения с основного места работы и с работы по совместительству. Это обусловлено тем, что работник не является совместителем, если не имеет основного места работы (ч. 1 ст. 343 ТК). Однако увольнение по п. 2 ст. 350 ТК возможно и в другой день (фактически любой), когда работник предъявит трудовую книжку с записью об увольнении с основного места работы. При этом логично предположить, что в случае согласия нанимателя на продолжение трудового отношения, новый трудовой договор лучше всего заключить на следующий день после увольнения по п. 2 ст. 350 ТК. Главное, чтобы этот день был рабочим. Если же следующий день является нерабочим, то возникает ситуация, неоднозначно оцениваемая специалистами.

Рассмотрим конкретный пример. Работник увольняется с основного места работы и с места работы по совместительству на основании п. 2 ст. 350 ТК 31 августа 2024 г. Согласно поданному заявлению, работник просит принять его на работу 1 сентября 2024 г. Однако это воскресенье. Организация не работает. Как поступить?

Аналогичный пример можно привести и в отношении прекращения трудового договора 31 декабря, и просьбы работника заключить новый трудовой договор 1 или 2 января, которые являются праздничными днями.

В справочной литературе авторы, рассматривая такие ситуации, указывают, что датой приема на работу после увольнения работника с работы по совместительству может быть любая дата (рабочий или выходной день) [1]. Далее отмечается, что «законодательство не содержит каких-либо сроков по оформлению приема на работу. Точнее, обязанности нанимателя принять кандидата на следующий день после его увольнения с предыдущего места работы или с работы по (внешнему) совместительству» [1]. Однако, «так как ТК для данной ситуации не предусмотрено иное (специальное правило), то дата приема на работу определяется сторонами и может быть любым днем, не обязательно рабочим» [1].

Здесь, на наш взгляд, необходимо разграничивать возможную дату заключения трудового договора и дату вступления договора в силу. Согласно ч. 1 ст. 25 ТК началом действия трудового договора является день начала работы, определенный в нем сторонами, ТК. День начала работы подразумевает, что работник приступит к выполнению работы. Полагаем, не всегда можно поставить знак равенства между заключением трудового договора и датой приема на работу, как делают это указанные авторы [1]. Отметим, что в науке трудового права также встречается данная точка зрения. Так, по мнению В. Н. Толкуновой, когда говорят о заключении трудового договора, это одновременно означает и прием работника на работу. Соответственно, «прием на работу» относится к работнику, «заключение» – к трудовому договору [2, с. 108]. Другие ученые полагают, что процесс заключения трудового договора – это прием гражданина на работу в качестве работника [3, с. 84]. По нашему мнению, эти понятия пересекаются, но не

совпадают. Заключение трудового договора – это необходимая, но недостаточная стадия приема на работу, особенно когда трудовое правоотношение возникает из сложного юридического состава. Этот вывод также подтверждается и содержанием ст. 54 ТК, определяющей обязанности нанимателя при приеме на работу: они шире, чем простое заключение трудового договора.

Когда говорят о трудовом договоре как о юридическом факте, то имеют в виду не договор-обязательство, а лишь акт заключения трудового договора, т. е. факт вступления его в силу [4, с. 273].

Как указывалось выше, согласно ст. 25 ТК началом действия трудового договора является день начала работы, определенный в нем сторонами, ТК. Именно в день начала работы трудовой договор вступает в силу и порождает трудовое правоотношение. В этот день работник приобретает такой статус. Согласно ст. 1 ТК работник – это физическое лицо, *состоящее в трудовых отношениях с нанимателем* на основании заключенного трудового договора. Таким образом, трудовой договор вступает в силу со дня начала выполнения работы работником. В связи с этим полагаем, что дата приступления работника к работе означает вступление трудового договора в силу, поскольку она определяется правовой природой трудового договора. Характерно, что и российские ученые разделяют такой подход. В частности, предлагается установить в ТК РФ норму о том, что «трудовой договор вступает в силу со дня приступления работника к работе, если иное не предусматривается нормативными актами или трудовым договором» [5, с. 44].

Стороны могут предусмотреть дату начала работы, не совпадающую с датой подписания договора. Например, заключить трудовой договор 1 сентября, а дату начала работы оговорить 2 сентября. В таком случае этот договор будет порождать обязательства нанимателя допустить работника к работе в указанный день и произвести другие «отсроченные» действия, связанные с приемом на работу.

До тех пор, пока предмет трудового договора – предоставление рабочей силы – отсутствует, это не что иное, как обещание предоставить работу в будущем. Здесь, полагаем, нельзя вести речь и о предварительном договоре, как он трактуется в гражданском праве, так как будущий работник может передумать вступать в трудовые отношения с нанимателем к моменту заключения «основного» трудового договора в силу принципа свободы труда. В соответствии с п. 1 ст. 399 Гражданского кодекса Республики Беларусь по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. Для заключения трудового договора недостаточно достижения соглашения сторон, требуется еще и совершение иного действия. В нашем случае – приступить к выполнению работы по трудовому договору.

Полагаем, что в области применения норм о совместительстве существует проблема искусственного прерывания трудового правоотношения, когда стороны вынуждены прекращать один трудовой договор, чтобы

заключить новый, в условиях продолжения фактически прежнего трудового правоотношения, опосредованного двумя видами договора: договора на условиях совместительства и договора по основному месту работы.

Многослойность процедуры прекращения договора, необходимость уведомления различных органов, несохранение непрерывного трудового стажа для работника, фактически продолжающего выполнять прежнюю работу, но на условиях полного рабочего времени; отсутствие гарантий запрета необоснованного отказа в заключении нового трудового договора делают вариант прекращения трудового договора с совместителем и последующего заключения нового трудового договора крайне сложным для обеих сторон отношения. В случае выбора именно такого подхода важно учитывать не обусловленную подлинной природой данной правовой связи возможность прерывания трудового отношения, когда следующий за увольнением день является нерабочим. Заключить новый трудовой договор с бывшим совместителем с нерабочего дня невозможно, поскольку по общему правилу именно в день начала работы трудовой договор как юридический факт порождает трудовое правоотношение (ч. 1 ст. 25 ТК).

Список цитированных источников

1. Самосейко, В. Э. С какой даты наниматель обязан принять на основное место работника, уволенного в связи с тем, что работа по совместительству стала для него основной? Возможно ли оформить прием на работу и заключение контракта с выходного дня? / В. Э. Самосейко. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/44037/можно%20ли%20принять%20на%20работу%20в%20выходной%20день?searchKey=lruf&docSwitcherKey=k9dz&searchPosition=20#M100001> (дата обращения: 24.08.2024).

2. Толкунова, В. Н. Трудовое право. Курс лекций / В. Н. Толкунова. – М. : ООО «ТК Велби», 2002. – 320 с.

3. Договоры о труде в сфере действия трудового права : учеб. пособие / К. Н. Гусов, К. Д. Крылов, А. М. Лушников [и др.] ; под ред. К. Н. Гусова. – М. : Проспект, 2010. – 256 с.

4. Курс российского трудового права : в 3 т. / под общ. ред. С. П. Маврина, А. С. Пашкова, Е. Б. Хохлова. – Т. 1 : Общая часть / А. В. Гребенщиков, С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов ; под ред. Е. Б. Хохлова. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 573 с.

5. Лушникова, М. В. Условия действительности договоров о труде / М. В. Лушникова // Российский ежегодник трудового права. – 2008. – № 4. – С. 22–46.

Скобелев В. П.
МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА:
ИМЕЕТСЯ ЛИ ДУБЛИРОВАНИЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ?

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Беларусь, г. Минск, s_v_p@tut.by*

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» рассматривает дублирование нормативных правовых предписаний в качестве нежелательного для юридической сферы явления и ориентирует правотворческие органы на то, чтобы подобное явление в процессе их деятельности не допускалось (см. ч. 2 п. 3 ст. 28, п. 6 ст. 30, ч. 1 п. 37 приложения «Требования нормотворческой техники»). В связи с этим стоит обратить внимание на правовое регулирование в Законе Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об ИП) мер по обеспечению исполнения исполнительного документа.

1. В качестве самостоятельных обеспечительных мер ч. 4 ст. 60 Закона об ИП называет «запрещение должнику совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа» (абз. 5) и «запрещение должнику пользоваться принадлежащим ему имуществом или установление пределов пользования этим имуществом» (абз. 6). На первый взгляд, содержание абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП охватывается логическим объемом абз. 5 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, поскольку пользование имуществом, в том числе в каких-то пределах, есть не что иное, как совершение с данным имуществом определенных действий, а значит, абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП дублирует регулирование, предусмотренное абз. 5 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП.

Вместе с тем стоит обратить внимание на один весьма существенный нюанс: абз. 5 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП позволяет запрещать должнику совершать только те действия, которые препятствуют исполнению исполнительного документа. Подобной оговорки в абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП нет, что, вероятно, указывает на то, что в соответствии с абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП должнику может быть запрещено и то пользование принадлежащим ему имуществом, которое (пользование) реализации исполнительного документа никак не препятствует, причем запрещено в любых формах, пределах и в отношении любого имеющегося у должника имущества. В частности, по смыслу абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП судебный исполнитель полномочен запретить должнику пользоваться жилым помещением, земельным участком, транспортным средством, телевизором, мобильным телефоном и т. д., даже если это имущество ни малейшего (ни прямого, ни косвенного) отношения к предмету возбужденного против должника исполнительного производства не имеет (в частности, когда содержащееся в исполнительном документе предписание имеет неимущественный характер).

Получается, что в силу своей буквальной редакции норма абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП позволяет пресекать (прекращать, предупреждать) не только то поведение должника, которое имеет негативный (отрицательный) для исполнительного производства характер (т. е. которое способно привести к невозможности или затруднениям в исполнении), но и то поведение должника, которое по отношению к исполнительному производству является нейтральным (ни к каким неблагоприятным последствиям для исполнительного производства оно не может привести). Пресечением (прекращением, предупреждением) подобного нейтрального поведения должника последнему создаются определенные неудобства (лишения), основная цель которых – побудить (стимулировать) должника к как можно более скорой и полной реализации исполнительного документа своими собственными действиями [1, с. 70–72]. И в этом плане норма абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП заслуживает критики.

Мы уже писали о том, что обеспечительным мерам, которые преследуют цель ограничить (предотвратить, предупредить) нейтральное для исполнительного производства поведение должника, должны сопутствовать более высокие правовые гарантии, чем всем остальным мерам по обеспечению исполнения исполнительного документа [1, с. 72–73]. Во-первых, возможность применения подобных мер должна быть четким и недвусмысленным образом закреплена на уровне закона, чего нельзя сказать в отношении абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, поскольку содержащееся в нем предписание допускает различные варианты истолкования. Во-вторых, принятие указанных мер должно относиться к компетенции суда, в то время как названная в абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП обеспечительная мера применяется судебным исполнителем (см. ч. 5 ст. 60 Закона об ИП).

Отсутствие подобных гарантий способно привести к злоупотреблениям со стороны судебных исполнителей и, как следствие, к ущемлению и даже нарушению прав (интересов) должника, поскольку возложенные на него ограничения по сравнению с характером и объемом требований исполнительного документа могут быть или непропорционально велики (обременительны), или нецелесообразны, или неэффективны. Например, преследуя цель обеспечить исполнение исполнительного документа, обязывающего должника передать взыскателю индивидуально определенную вещь небольшой стоимости, судебный исполнитель может ограничить должника в пользовании дорогостоящим и весьма значимым для него (прежде всего с точки зрения удовлетворения насущных социальных и иных потребностей) имуществом – земельным участком, транспортным средством, мобильным телефоном и т. п.

В связи с этим любопытно обратить внимание на то, каким специфическим образом судебные исполнители умудряются использовать даже те меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, которые направлены на пресечение (предупреждение, прекращение) негативного для исполнительного производства поведения должника. В частности, мы имеем в виду меру в виде наложения ареста на имущество

должника. Очевидно, что арест налагается на имущество для того, чтобы предотвратить его уничтожение, сокрытие или отчуждение должником (т. е. чтобы обеспечить сохранность имущества), поскольку в последующем на данное имущество предполагается обратить взыскание. Однако в правоприменительной практике имеют место случаи, когда судебный исполнитель налагает арест на транспортное средство при исполнении исполнительного документа, не связанного с обращением взыскания на данное транспортное средство, и одновременно ограничивает право пользования им путем установления для должника запрета на использование транспортного средства за пределами Республики Беларусь. Полагаем, что подобная практика искажает истинный смысл обеспечительной меры, предусмотренной абз. 2 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (арест имущества должника), частично подменяет собой обеспечительные меры, закрепленные в абз. 8 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (временное ограничение права должника на выезд из Республики Беларусь) и абз. 9 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (временное ограничение права должника на управление транспортным средством), а также чревата нарушением прав и законных интересов должника.

С учетом всего вышеизложенного считаем, что абз. 6 из ч. 4 ст. 60 Закона об ИП следует исключить, а абз. 5 этой же части дополнить словами «, в том числе запрещение должнику пользоваться принадлежащим ему имуществом или установление пределов пользования этим имуществом». Обновленная редакция абз. 5 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП позволит судебному исполнителю запрещать (ограничивать) должнику только такое пользование имуществом, которое препятствует исполнению исполнительного документа. Например, пользование жилым помещением может быть ограничено для должника тогда, когда исполнительный документ предписывает вселить взыскателя в данное помещение или произвести переоборудование этого помещения, его раздел, приведение его в первоначальное состояние; пользование земельным участком – когда исполнительный документ предписывает установление земельного сервитута, устранение препятствий в пользовании соседним земельным участком; пользование определенным технологическим оборудованием – когда исполнительный документ предписывает устранить недостатки выполненной должником работы и применение соответствующего технологического оборудования не позволяет эти недостатки качественно устранить.

2. В контексте сказанного обращает на себя внимание содержание абз. 7 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП: «запрещение иным лицам совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа, передавать имущество должнику или исполнять другие обязательства в отношении этого должника». Из буквального смысла данной нормы вытекает, что судебный исполнитель вправе запрещать иным лицам передавать имущество должнику или исполнять другие обязательства в отношении должника даже тогда, когда подобные действия никак не препятствуют реализации исполнительного документа, т. е. запрещать такое поведение иных лиц, которое имеет по отношению к исполнительному производству

нейтральный (а не отрицательный) характер. С учетом же того, что должника с иными лицами может связывать широкий спектр различного рода обязательств, то и диапазон соответствующих лишений (ограничений) для должника может быть очень широк.

По поводу данной обеспечительной меры (в той части, в которой она позволяет запрещать иным лицам передавать имущество должнику или исполнять в отношении его другие обязательства, даже если подобные действия не могут отрицательным образом сказаться на исполнительном производстве) актуальна вся та же критика, которую мы приводили относительно абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП. Думается, что устанавливать запрет на исполнение иными лицами в отношении должника определенных обязательств можно только тогда, когда исполнение таких обязательств может воспрепятствовать исполнению исполнительного документа. Например, если требования исполнительного документа носят имущественный характер, то, очевидно, имеет смысл запретить иным лицам передавать должнику любое имущество, включая денежные средства, поскольку должник может это имущество сокрыть (уничтожить и т. п.), что не позволит реализовать требования исполнительного документа. И наоборот, в описанной ситуации было бы чрезмерным ущемлением и даже нарушением прав должника установление для иных лиц запрета на исполнение в отношении должника обязательств в рамках договоров на оказание образовательных, медицинских, жилищно-коммунальных услуг, услуг сотовой мобильной связи, услуг цифрового телевидения, услуг доступа к сети Интернет и т. д.

Чтобы отразить отстаиваемую нами идею (о том, что иным лицам можно запрещать исполнять в отношении должника обязательства, только если это будет препятствовать исполнению исполнительного документа) на законодательном уровне, необходимо абз. 7 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП после слов «исполнительного документа,» дополнить словами «в том числе».

3. Обращение к абз. 8 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП («временное ограничение права должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, должностных лиц должника – юридического лица на выезд из Республики Беларусь»), абз. 9 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП («временное ограничение права должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, на управление механическими транспортными средствами, моторными маломерными судами, мощность двигателя которых превышает 3,7 киловатта (5 лошадиных сил), права на охоту, за исключением случаев, когда пользование указанными правами необходимо должнику в связи с инвалидностью либо в качестве единственного средства получения дохода») и абз. 10 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП («временное ограничение должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участия в азартных играх») может создать впечатление о том, что они являются частными случаями обеспечительной меры, предусмотренной абз. 5 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП («запрещение должнику совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа»), а значит, дублируют этот абзац своим содержанием.

Однако это впечатление является обманчивым. Мы уже подробно обосновывали, что меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, закрепленные в абз. 8, 9 и 10 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, направлены прежде всего на предупреждение (пресечение, прекращение) именно того поведения должника, которое является нейтральным для исполнительного производства (т. е. поведения, не создающего препятствий для реализации исполнительного документа), и имеют своей целью создать для должника такие неудобства (лишения), которые стимулируют (побуждают) его к как можно более скорому исполнению исполнительного документа своими собственными действиями (хотя при определенных условиях указанные меры могут пресекать и негативное для исполнительного производства поведение должника; например, именно такую направленность будет иметь временное ограничение права должника на выезд из страны в ситуации, когда требование исполнительного документа имеет неимущественный характер и тесно связано с личностью должника) [1, с. 71–72].

4. Закрепленный в ч. 4 ст. 60 Закона об ИП перечень мер по обеспечению исполнения исполнительного документа не является исчерпывающим, поскольку последний абзац этого перечня гласит – «иные меры, предусмотренные настоящим Законом и иными законодательными актами». В связи с этим возникает вопрос: какие иные предусмотренные Законом об ИП меры можно и нужно считать обеспечительными? В частности, возможно ли к обеспечительным мерам относить (по крайней мере, некоторые из них) исполнительные действия, которым посвящена ст. 63 Закона об ИП (например, в правоприменительной практике уже возникал вопрос, является ли осмотр жилого помещения и земельного участка должника без его согласия мерой по обеспечению исполнения исполнительного документа [2])? К слову, перечень исполнительных действий в ч. 1 ст. 63 Закона об ИП тоже не является закрытым, согласно абз. 20 ч. 1 ст. 63 Закона об ИП судебный исполнитель при исполнении исполнительных документов имеет право «совершать другие необходимые исполнительные действия, предусмотренные настоящим Законом и иными актами законодательства». По-видимому, подобная формулировка дает повод для вывода о том, что обеспечительные меры также представляют собой разновидность исполнительных действий или, иными словами, все обеспечительные меры являются исполнительными действиями, но не все исполнительные действия являются обеспечительными мерами.

Проблема определения соотношения норм ч. 4 ст. 60 и ч. 1 ст. 63 Закона об ИП усугубляется еще тем, что некоторые из закрепленных в том и другом перечне действий практически полностью совпадают друг с другом. Например, о таком совпадении можно говорить в отношении: абз. 2, 3 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП («арест наличных денежных средств и (или) иного имущества должника, принадлежащих ему и находящихся у него и (или) третьих лиц», «арест денежных средств и (или) иного имущества должника, находящихся на его банковских счетах, во вкладах (депозитах) или на хранении в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях,

электронных денег») и абз. 11 ч. 1 ст. 63 Закона об ИП («налагать арест на денежные средства и (или) иное имущество должника, принадлежащие ему и находящиеся у него и (или) третьих лиц»); абз. 5, 6, 7 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП («запрещение должнику совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа», «запрещение должнику пользоваться принадлежащим ему имуществом или установление пределов пользования этим имуществом», «запрещение иным лицам совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа, передавать имущество должнику или исполнять другие обязательства в отношении этого должника») и абз. 9 ч. 1 ст. 63 Закона об ИП («запрещать должнику и иным лицам совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа, в отношении денежных средств и (или) иного имущества должника»).

При этом решение вопроса о том, является то или иное исполнительное действие обеспечительной мерой, имеет большое практическое значение. Например, если исполнительное действие в виде приостановления операций по банковским счетам граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц (абз. 13 ч. 1 ст. 63 Закона об ИП) рассматривать как обеспечительную меру, то это значит, что операции по банковским счетам должника могут приостанавливаться не только в тех случаях, когда планируется обращение взыскания на зачисляемые на эти счета денежные средства, но и тогда, когда на данные денежные средства взыскание обращаться не будет, т. е. когда приостановление операций по банковским счетам применяется исключительно с целью побудить (стимулировать) должника исполнить требования исполнительного документа, не связанные с обращением взыскания на его имущество. Далее, если исходить из того, что задержание, принудительная отбуксировка (эвакуация) и помещение на охраняемую стоянку арестованного транспортного средства должника является обеспечительной мерой (абз. 15 ч. 1 ст. 63, ст. 67 Закона об ИП), то отсюда следует, что в соответствии с ч. 1, 6 ст. 61 Закона об ИП взыскатель вправе выступать инициатором применения данной меры, а должник – инициатором ее отмены (в то время как абз. 15 ч. 1 ст. 63, ст. 67 Закона об ИП взыскателя и должника в качестве таких инициаторов не называют).

Список цитированных источников

1. Скобелев, В. П. Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: о проблемах правового регулирования / В. П. Скобелев // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 68–78.

2. Осмотр судебным исполнителем жилого помещения и земельного участка без согласия должника не относится к мерам по обеспечению исполнения исполнительного документа и обжалованию в апелляционном порядке не подлежит [извлеч. из ответа должностного лица Верхов. Суда Респ. Беларусь на надзорную жалобу] // Судовы веснік. – 2021. – № 4. – С. 53–54.

Кирвель И. Ю.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРИМИРЕНИЮ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, kirvel_ij@grsu.by*

Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. (далее – КГС) с вступлением в силу 1 января 2026 г. привнесет ряд новаций, в том числе расширение диспозитивных начал при урегулировании споров в гражданском судопроизводстве. Одной из задач гражданского судопроизводства согласно ч. 1 ст. 9 КГС является поощрение и развитие сотрудничества при разрешении споров. При этом многократное использование термина «переговоры» в КГС показывает, что решению обозначенной задачи в новом кодексе действительно уделено значительное внимание. Реализация этой задачи находит свое отражение в расширении возможностей сторон спора по примирению, которому посвящена гл. 20 КГС. Пункт 5 ч. 1 ст. 249 КГС в качестве задачи подготовки дела к судебному разбирательству также предусматривает принятие мер к примирению сторон.

Согласно ч. 4 ст. 165 КГС примирение спорящих сторон возможно путем проведения переговоров по выработке условий мирового соглашения, переговоров сторон при содействии их адвокатов, примирительной процедуры и медиации. Переговоры сторон при содействии их адвокатов дополнили уже апробированные на практике процедуры примирения в суде. В то же время нельзя не согласиться с тем, что «наличие широких возможностей по примирению сторон после возбуждения дела в суде является демотивирующим фактором к использованию примирительных процедур на досудебном этапе и в целом препятствует развитию внесудебной сферы гражданской юрисдикции» [1, с. 79].

На наш взгляд, не совсем удачным является термин «примирительная процедура», используемый в КГС для обозначения одного из видов примирения, поскольку он охватывает только примирение сторон в суде с участием примирителя. В то же время в белорусской процессуальной науке О. Н. Здрок предложена подробная научная классификация примирительных процедур в гражданском процессе, которая показывает, что примирительная процедура является общим понятием для ряда других процедур, направленных на примирение как в досудебном, так и судебном порядке [2, с. 6–7]. Такого же подхода придерживается и российский законодатель, регламентируя в ст. 153.3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) виды примирительных процедур, относя к ним проведение переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения и другие примирительные процедуры. Полагаем, что во избежание совпадения общего и частного понятий для обозначения примирительной процедуры с участием примирителя могут быть использованы различные варианты – судебное посредничество, судебное примирение (ст. 153.6 ГПК РФ) и другие, а понятие «примирительные процедуры» может быть использовано для названия гл. 20 КГС.

В отличие от Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) в КГС не дано определение понятия «примирительная процедура». Согласно абз. 12 ст. 1 ХПК примирительная процедура рассматривается как медиация, по сути – судебная медиация. Сужение в КГС перечня лиц, имеющих право выступать примирителями в суде, до лиц, занимающих государственную гражданскую должность в суде (ч. 1 ст. 172 КГС), логически приводит к отходу от понятия «медиация», которое согласно абз. 5 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» предполагает переговоры с участием медиатора.

Кроме того, полагаем, что нет никаких оснований использовать закрепленную в КГС примирительную процедуру только в экономическом суде. Если мы говорим об унификации норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и ХПК, то установление особенностей правового регулирования, как представляется, должно иметь место в тех случаях, когда приведение к единообразию невозможно по объективным причинам. Полагаем, таковые отсутствуют в вопросе проведения примирительной процедуры как экономическими судами, так и другими судами общей юрисдикции.

Анализ видов примирения, изложенных в гл. 20 КГС, свидетельствует о том, что законодатель возлагает полномочия по достижению результата примирения прежде всего на лиц, участвующих в деле, суд не принимает непосредственного участия в процессе урегулирования спора, что способствует сохранению им беспристрастной и независимой позиции. Так, переговоры сторон по выработке условий мирового соглашения ведут сами стороны. Переговоры сторон при содействии их адвокатов предполагают помощь адвокатов в достижении соглашения. В медиации также предполагается совместная работа сторон по выработке взаимоприемлемого соглашения при содействии медиатора. Определенная вовлеченность суда в организационном плане имеет место в примирительной процедуре, поскольку от него может исходить инициатива урегулирования спора с участием примирителя (ч. 1 ст. 171 КГС), суд назначает примирителя из числа лиц, занимающих государственную гражданскую должность в суде (ч. 1 ст. 172 КГС). В целом ч. 3 ст. 165 КГС предусматривает наряду с инициативой сторон спора и инициативу суда по урегулированию спора путем примирения, но основная роль суда в примирении заключается в утверждении достигнутых в результате примирения соглашений сторон.

В ч. 1 ст. 165 КГС обозначено, что «суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора на всех стадиях гражданского судопроизводства». В связи с этим непонятно, почему законодатель ограничил возможность применения всех видов примирения на всех стадиях процесса. Исключение составляют переговоры сторон по выработке условий мирового соглашения, которое может быть заключено на любой стадии гражданского судопроизводства либо в исполнительном производстве (ч. 1 ст. 166 КГС). При этом переговоры сторон при содействии их адвокатов, примирительная процедура, урегулирование спора путем проведения медиации могут быть реализованы в судах первой и

апелляционной инстанций (ч. 1 ст. 171 КГС, ч. 2 ст. 176 КГС, ст. 569 КГС). Законодатель не определил стадии, на которых допустимы переговоры сторон при содействии их адвокатов, при этом КГС не содержит указаний на возможность их проведения на иных стадиях, кроме как в судах первой и апелляционной инстанций.

На наш взгляд, такая ситуация является ограничением действия принципа диспозитивности. Получается, что ограничивая действия одних видов примирения на определенных стадиях, мы выстраиваем некую систему более значимых или предпочтительных видов, к которым относится мировое соглашение, но ведь, по сути, все соглашения, достигнутые в результате примирения, должны соответствовать требованиям, предъявляемым к мировым соглашениям, и все они являются равнозначными.

Сегодня проблему неопределенности в вопросе относительно стадий цивилистического процесса, на которых допустимо примирение, устраняет п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2016 г. № 3 «О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров». В ч. 1 п. 2 данного постановления указывается на то, что «примирение сторон допускается в суде на любой стадии гражданского или хозяйственного процесса с момента возбуждения производства по делу, а также в исполнительном производстве». Т. С. Таранова также обращала внимание на необходимость в едином процессуальном кодексе урегулировать особенности проведения медиации в суде надзорной инстанции [3].

Д. Г. Фильченко, обосновывая неминуемое сокращение объема распорядительных полномочий сторон в вышестоящих инстанциях, поскольку они могут выступить препятствием к проверке законности и обоснованности судебного акта, при этом отмечает, что действия, которые направлены на прекращение спора, например, заключение мирового соглашения, применимы в любых проверочных инстанциях, поскольку исключают потребность в проверке законности и обоснованности судебного постановления [4]. Полагаем, что данную задачу решает не только мировое соглашение, но и все закрепленные в КГС виды процедур, направленных на примирение, поскольку они способствуют урегулированию спора и прекращению производства по делу.

Согласно ч. 4 ст. 165 КГС итогом переговоров сторон по выработке условий мирового соглашения является заключение мирового соглашения. Переговоры сторон при содействии их адвокатов могут быть завершены заключением соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов. Соответственно, в результате проведения примирительной процедуры может быть заключено соглашение о примирении. После заключения сторонами медиативного соглашения по спору, находящемуся на рассмотрении в суде, они могут подать заявление в суд об утверждении мирового соглашения (ст. 177 КГС). Результатами примирения сторон согласно ч. 5 ст. 165 КГС могут быть: отказ от иска, признание иска, признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения.

Следует обратить внимание на тот факт, что к соглашению об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов применяются правила КГС для мирового соглашения, признания иска либо отказа от иска (ч. 2 ст. 170 КГС). Аналогичные правила применяются к соглашению о примирении (ч. 2 ст. 175 КГС). По результатам проведения медиации стороны также могут просить суд утвердить мировое соглашение, истец может отказаться от иска, а ответчик признать иск.

Основное отличие заключаемых соглашений – это субъектный состав лиц, участвующих в процедуре и содействующих заключению соответствующего соглашения. При этом все соглашения сторон направлены на урегулирование спора. Логичным было бы, во избежание путаницы и недопонимания со стороны лиц, участвующих в деле, чтобы в случае достижения соглашения по результатам примирения стороны заключали мировое соглашение.

Согласно ч. 1 ст. 166 КГС мировым соглашением является соглашение сторон о прекращении спора на основе взаимных уступок. Норма сформулирована таким образом, что не допускает односторонних уступок, хотя таковые возможны, например, когда одна сторона соглашается на рассрочку исполнения обязательства, она делает уступку второй стороне, не заявляя встречных условий. В связи с этим, на наш взгляд, уступки в мировом соглашении есть всегда, но не всегда они носят обоюдный характер, т. е. являются взаимными, есть только взаимные усилия по согласованию условий.

Таким образом, расширение возможностей по примирению само по себе положительное явление, но введение новых договорных конструкций усложнит процесс прежде всего для обычных граждан. КГС по своей сути является нормативным правовым актом для профессионалов – юристов, адвокатов. Обычный гражданин не сможет эффективно защищать свои права, даже с учетом того обстоятельства, что суд разъясняет процессуальные права и обязанности участникам процесса, однако сущность примирения, отличие одной процедуры от другой никто им не разъясняет, они столкнутся с необходимостью прибегать к платной юридической помощи, которую могут позволить себе не все лица, участвующие в деле. На наш взгляд, это угрожает реализации принципа доступности правосудия, поэтому, несмотря на то, что в основу КГС положен ГПК, участники гражданского судопроизводства, участвующие в процессе через своих профессиональных представителей или наряду с ними, оказываются в более выигрышном положении по сравнению с гражданами, не обладающими знаниями в области права. Таким образом, напрашивается мысль о необходимости введения института бесплатной юридической помощи за счет государства для лиц с низким уровнем дохода.

Еще одной новацией в КГС является возможность проведения переговоров сторон по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (ст. 358 КГС). Расширение диспозитивных начал по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, свидетельствует о новом подходе законодателя к правовому

регулированию данного производства по сравнению с тем, который закреплён в действующих ГПК и ХПК. Так, в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, чётко прослеживается наличие спора о праве, который является не гражданско-правовым, а административно-правовым или публично-правовым. О наличии спора о праве в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, свидетельствуют применение институтов, характерных для искового производства: наличие сторон, возможность заявить встречное заявление для рассмотрения с первоначальным, провести переговоры и др.

Безусловно, проведение переговоров в рамках данного производства требует соблюдения определенных требований с учетом субъектного состава, поскольку, например, должностное лицо, наделенное государственными или иными публичными полномочиями, действовавшее в рамках закона, не может пойти на уступки другой стороне, так как это повлечет нарушение закона, поэтому и результаты переговоров чётко определены в ч. 2 ст. 358 КГС (отказ от требований, признание требований; соглашение о распределении судебных расходов и др.). Однако, несмотря на специфику таких переговоров, полагаем, их также следует обозначить в гл. 20 и относить к примирению не с точки зрения уступок, а с точки зрения направленности на урегулирование спора, наличие которого законодатель признает. И если переговоры сторон по выработке условий мирового соглашения и переговоры сторон при содействии их адвокатов можно было бы объединить как переговоры сторон, в том числе при содействии их адвокатов, по выработке условий мирового соглашения, то переговоры сторон по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, как обладающие определенной спецификой, можно рассматривать как отдельный вид переговоров в гл. 20 КГС. Таким образом, проведенный в статье анализ показывает, что правовое регулирование примирения по КГС требует оптимизации.

Список цитированных источников

1.Здрок, О. Н. Актуальные вопросы примирения сторон в гражданском процессе Республики Беларусь / О. Н. Здрок // Судовы веснік. – 2016. – № 2. – С. 76–84.

2. Здрок, О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Оксана Николаевна Здрок ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2019. – 50 с.

3. Таранова, Т. С. Новые вопросы о применении медиации в надзорном производстве в судах общей юрисдикции / Т. С. Таранова // ЭТАЛОН. Правоприменительная практика. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02200349&q_id= (дата обращения: 14.09.2024).

4. Фильченко, Д. Г. Последствия реализации распорядительных прав сторон при обжаловании судебных актов в арбитражном (хозяйственном) процессе / Д. Г. Фильченко // ЭТАЛОН. Правоприменительная практика. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02102444&q_id= (дата обращения: 14.09.2024).

Постовалова Т. А.
СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ
ИЗ ПЕНСИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, luboko@mail.ru*

В Конституции Республики Беларусь каждому гражданину гарантируется право на судебную защиту (ч. 1 ст. 60 Конституции).

Судебная защита прав граждан в сфере социального обеспечения осуществляется в общих судах в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), которые сгруппированы в гл. 29 ГПК «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений» и характеризуются рядом особенностей (предметом судебной деятельности, правилами подведомственности и др.).

Среди особенностей рассмотрения социально-обеспечительных споров судами общей юрисдикции следует выделить:

- субъектный состав участников спорного процессуального отношения;
- подведомственность спора, вытекающего из социально-обеспечительных правоотношений;
- подсудность спора, вытекающего из социально-обеспечительных правоотношений;
- определение размера государственной пошлины;
- правила действия нормативных правовых актов при разрешении спора.

Целесообразно, чтобы судебная практика по вопросам пенсионного обеспечения как можно чаще становилась предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в целях ликвидации пробелов в законодательстве.

Споры в сфере социального обеспечения представляют собой достаточно широкий спектр разногласий по порядку назначения, получения и предоставления отдельных видов социального обеспечения, а также установления и подтверждения фактов, имеющих юридическое значение для возникновения, изменения и прекращения правоотношений по социальному обеспечению.

Наиболее распространенными спорами, возникающими из социально-обеспечительных правоотношений, являются пенсионные споры.

Пенсионные споры обладают рядом материально-правовых и процессуально-правовых особенностей. М. Г. Седельникова и А. А. Пузырёва выделяют ретроспективность действия пенсионного законодательства. «Пенсионные правоотношения являются длящимися, а право на соответствующее обеспечение “зарабатывается” в течение всей трудовой жизни граждан, когда неизменно возникают ситуации реформирования законодательства. Любые преобразования в данной сфере должны

предусматривать механизм сохранения ранее приобретенных пенсионных прав граждан» [1].

О. В. Ерофеева отмечает, что в зависимости от видов отношений, из которых вытекают споры, их следует классифицировать на споры, возникающие: 1) из отношений, связанных с установлением юридических фактов; 2) отношений, связанных с реализацией права на пенсионное обеспечение; 3) собственно пенсионных отношений [2, с. 102].

Е. Г. Азарова, анализируя судебные споры по пенсионным вопросам, сгруппировала их следующим образом: 1) незнание законодательства органами, осуществляющими пенсионное обеспечение, и судами; 2) споры, вызванные ненадлежащим правовым регулированием пенсионных отношений; 3) применение правил исчисления и учета специального стажа, действовавшего в период его приобретения; 4) включение некоторых периодов в стаж работы, дающий право на досрочное пенсионное обеспечение; 5) подтверждение занятости на работах с особыми условиями труда в течение полного рабочего дня; 6) установление тождества работ с особыми условиями труда; 7) допустимость и оценка доказательств при разрешении пенсионных споров; 8) признание права на пенсию со дня первоначального обращения; 9) выбор нормативного акта, подлежащего применению; 10) толкование судами материальных и процессуальных норм; 11) толкование судами законодательства при разрешении споров граждан государств СНГ [3, с. 167].

А. Ю. Гусев отмечает, что к дефектам пенсионного законодательства Российской Федерации, влияющим на обращение граждан в суд по пенсионным вопросам, как свидетельствует судебная практика, относятся: 1) неправомерное сужение круга лиц, имеющих право на ту или иную выплату или льготу; 2) наличие в законах большого количества отсылочных норм и, как следствие, появление подзаконных нормативных актов, имеющих значение для правильного правоприменения, с большим отрывом во времени; 3) несоответствие наименований профессий рабочих, должностей служащих в тарифных квалификационных справочниках и в перечнях, утвержденных специально для различных вариантов досрочных пенсий по обязательному пенсионному страхованию; 4) недостаточно полное правовое решение вопросов исчисления общего и специального страхового стажа и различия в правилах включения в страховой стаж нестраховых периодов для целей пенсионного страхования и в целях обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством; 5) резкое изменение правил пенсионного обеспечения без экспериментальной проверки их преимуществ перед ранее действовавшими положениями (несоблюдение преемственности правовых норм) без достаточных к тому оснований [4, с. 54].

Целый спектр фактов, значимых для возникновения, изменения и прекращения социально-обеспечительных отношений требует подтверждения в судебном порядке, например: факт родственных отношений для оформления права на пенсию по случаю потери кормильца, факт нахождения

на иждивении для назначения пенсии или возмещения вреда в случае потери кормильца, факт получения заявителем заработной платы за конкретный период в определенном размере для целей пенсионного обеспечения и др.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 1994 г. «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» отмечается, что согласно действующему законодательству (ст. 353–358 ГПК, законам Республики Беларусь от 6 января 2009 г. № 9-З «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий», от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХІІ «О пенсионном обеспечении», от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» и др.) в судебном порядке могут быть обжалованы принятые должностными лицами, административными и иными органами решения, основанные на наличии или отсутствии фактов, устанавливаемых этими же лицами и органами до принятия или в процессе принятия решений. Несмотря на то, что названные факты устанавливаются в административном и ином порядке, споры об их наличии или отсутствии рассматриваются по существу судом при разрешении жалоб в порядке, предусмотренном ст. 353–358 ГПК, и заявлений в порядке искового производства, когда рассмотрение жалоб связано с разрешением споров о праве.

По мнению Ю. А. Коростелевой, по делам, связанным с защитой права граждан на социальное обеспечение, в связи с их сложностью целесообразным является участие представителей. «Необходимо законодательно закрепить возможность обеспечения участия адвоката в делах по защите права граждан на социальное обеспечение, причем оплата его услуг должна осуществляться, исходя из имущественного положения гражданина за счет средств местного бюджета. В ГПК необходимо включить положение о возможности суда назначать адвоката в качестве представителя по делам о защите права граждан на социальное обеспечение, исходя из имущественного положения заявителя» [5, с. 7].

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 1999 г. № 6 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с применением пенсионного законодательства» применяется в части, не противоречащей законодательству согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23.12.2021 № 11 «Об изменении постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь».

В связи со значительным изменением пенсионного законодательства, полагаем, что целесообразно разработать и принять новое постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами дел, связанных с применением пенсионного законодательства».

При подготовке постановления Пленума Верховного Суда заслуживают внимания следующие предложения Д. Р. Казанбековой:

«Гражданин с момента заключения трудового договора вправе требовать уплаты работодателем страховых взносов на обязательное пенсионное страхование. В случае неуплаты работодателем страховых взносов на

обязательное пенсионное страхование, гражданин (застрахованное лицо) вправе обратиться в суд с требованием о взыскании недоимки по страховым взносам на его индивидуальный лицевой счет. У граждан, работающих по гражданско-правовым договорам, указанное право возникает с момента фактической уплаты за них страховых взносов.

Обязательность или факультативность процессуального соучастия должна определяться с учетом характера спорного материального правоотношения, ставшего предметом судебного рассмотрения. В случае неуплаты или неполной уплаты работодателем страховых взносов, послужившей причиной сниженного размера трудовой пенсии или отказа в ее назначении в делах по спорам, связанным с реализацией гражданами права на трудовую пенсию, в качестве обязательного соответчика должно привлекаться государство в лице уполномоченного органа для погашения недоимки по страховым взносам в рамках субсидиарной ответственности.

При наличии трудовой книжки установленного образца с записью, подтверждающей факт работы в определенное время и в определенной должности, должна действовать презумпция занятости на работах с особыми условиями труда в течение полного рабочего дня. Это позволит в процессе судебного разбирательства, во-первых, перераспределить бремя доказывания, во-вторых, избежать случаев необоснованного отказа в удовлетворении требований в связи с отсутствием документального подтверждения выполнения работы в особых условиях труда в течение полного рабочего дня. При этом указанная правовая презумпция должна быть законодательно закреплена в действующем пенсионном законодательстве» [6, с. 9–10].

Заслуживают внимания и предложения Е. А. Серебряковой:

«1. Должен быть установлен максимальный предельный срок рассмотрения судами дел по искам, жалобам граждан по вопросам социального обеспечения и заявлениям об установлении фактов, имеющих юридическое значение для социального обеспечения.

2. Для решения задачи компенсации потерь гражданина, вызванных необоснованным отказом в назначении конкретного вида социального обеспечения, предлагается принятие нормы, предусматривающей уплату процентов, начисляемых на стоимостной эквивалент такого вида социального обеспечения, за весь период, когда гражданин был незаконно лишен права на социальное обеспечение.

3. В случае отмены решения суда, исполненного в части предоставления гражданину вида социального обеспечения, недопустимо применять поворот исполнения решения, за исключением случаев, когда отмененное решение было принято вследствие злоупотребления со стороны гражданина (предоставление документов, содержащих заведомо ложные сведения; сокрытие обстоятельств, имеющих существенное значение для дела и т. п.)» [7, с. 6–7].

Проблемы доказывания в спорах о назначении досрочных пенсий анализирует А. С. Николаев, который считает, что существенно улучшит процессуальное положение истцов по такой категории пенсионных споров

возложение бремени доказывания постоянной занятости работника на ответчика [8, с. 53]. А. С. Николаев отмечает, что в судебной практике уже сейчас встречаются примеры, когда при принятии решений исходят из презумпции добросовестности граждан как участников социально-обеспечительных правоотношений и считают, что объективная невозможность получить уточняющую справку о характере работы не может являться основанием для ущемления пенсионных прав истцов.

Необходимо, чтобы судебная практика по вопросам пенсионного обеспечения как можно чаще становилась предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в целях ликвидации пробелов в законодательстве.

В связи со значительным изменением пенсионного законодательства полагаем, что целесообразно разработать и принять новое постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами дел, связанных с применением пенсионного законодательства».

Список цитированных источников

1. Седельникова, М. Г. Судебная защита пенсионных прав: проблемы теории и практики / М. Г. Седельникова, А. А. Пузырёва // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 164–179.
2. Ерофеева О. В. Защита прав граждан на пенсионное обеспечение / О. В. Ерофеева. – М. : Проспект, 2014. – 176 с.
3. Азарова, Е. Г. Судебная защита пенсионных прав : научно-практическое пособие / Е. Г. Азарова. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2009. – 408 с.
4. Гусев, А. Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение / А. Ю. Гусев. – М. : Проспект, 2018. – 112 с.
5. Коростелева, Ю. А. Особенности рассмотрения отдельных категорий дел, связанных с защитой права граждан на социальное обеспечение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Коростелева Юлия Александровна. – Екатеринбург, 2004. – 28 с.
6. Казанбекова, Д. Р. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с пенсионным обеспечением : автореф. дис ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Казанбекова Джавгарат Рамазановна. – М., 2012. – 26 с.
7. Серебрякова, Е. А. Правовые аспекты рассмотрения споров по вопросам социального обеспечения : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Серебрякова Елена Алексеевна. – М., 2002. – 27 с.
8. Николаев А. С. Проблемы доказывания в спорах о назначении досрочной пенсии по старости / А. С. Николаев // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 1. – С. 49–53.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Курылёва О. С.

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАЩИТА СУБЪЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Заслуженный работник БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Полноценная защита субъективных прав, полагаю, невозможна без развитой системы судебного нормоконтроля. Данным понятием охватывается деятельность судебных органов, имеющая назначением контроль судов за законностью нормативных правовых актов. Разделяем точку зрения С. В. Никитина и полагаем, что классификация с целью научного анализа судебного нормоконтроля предполагает критерии, позволяющие выделить специфические черты нормоконтрольной судебной деятельности. В соответствии с данным подходом в зависимости от процессуальной формы (процедуры) выделяется конституционный нормоконтроль, который осуществляется в рамках конституционного судопроизводства, и общий судебный нормоконтроль, осуществляемый судами общей юрисдикции в рамках производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Время вступления в силу подлежащего контролю нормативного правового акта является основанием для разграничения судебного нормоконтроля на предварительный и последующий, что характерно для конституционного судопроизводства. По своей форме судебный нормоконтроль может быть прямым либо косвенным [1, с. 25]. Термины «прямой контроль» и «косвенный контроль» были предложены А. Т. Боннером [2]. Прямой нормоконтроль осуществляется при рассмотрении юридического дела, специально начатого с целью проверки законности нормативного правового акта. В решении по такому делу может быть признана законность нормативного правового акта либо утрата им полностью или же в части юридической силы или действия. Косвенный нормоконтроль осуществляется при разрешении конкретных дел, начатых вне связи с проверкой законности данного нормативного правового акта. Как отмечает С. В. Никитин, суть его «...заключается в том, что суд при вынесении решения по конкретному делу отказывается от применения...» незаконного правового акта. Речь идет «...не просто о правильном выборе судом правовой нормы, подлежащей применению к данным правоотношениям, а ... о сознательном отказе судом от применения правовых норм, регулирующих данные правоотношения, но делающих это неправомерно, например, в нарушение норм, обладающих большей юридической силой» [1, с. 26].

Представляется наиболее эффективной с точки зрения защиты субъективных прав система, в которой как минимум функционируют все

вышеуказанные виды судебного нормоконтроля. В России система, включающая все виды судебного нормоконтроля, сформировалась и действует более 30 лет. Статистика свидетельствует о том, что такая система реально работает, поскольку предусматривает в том числе востребованную, легальную процедуру по оспариванию нормативных правовых актов, а компетенцией в этой области наделены также суды общей юрисдикции. Широкий круг субъектов, в том числе указанных в ст. 208 гл. 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС), вправе обратиться с административным иском о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части. К их числу относятся и лица, чье субъективное право нарушено либо имеются препятствия в его реализации. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 Постановления от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» разъяснил, что оспаривание нормативного правового акта, а также акта, содержащего разъяснения законодательства и обладающего нормативными свойствами, является самостоятельным способом защиты прав и свобод граждан и организаций. Отмечено также, что последствием «...признания судом нормативного правового акта, а также акта, обладающего нормативными свойствами, недействующим является его исключение из системы правового регулирования полностью или в части». Такой самостоятельный способ защиты субъективных прав актуален и для Беларуси, особенно в сфере трудовых правоотношений. Эта наиболее чувствительная сфера с точки зрения социального напряжения, которое может возникнуть, если недостаточно легальных возможностей для защиты субъективного права. Принятие нормативных правовых актов (далее – НПА), регулирующих трудовые отношения, и содержащих различные дефекты, не редкость в Беларуси [3, с. 296, 297]. Для исключения дефектных актов из системы правового регулирования важны общеправовые механизмы судебного нормоконтроля, в частности, прямого. Основы такого механизма предусмотрены в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. с изменениями от 27 февраля 2022 г.

Система судебного нормоконтроля в Беларуси, в отличие от России, предусматривала и предусматривает возможность прямого нормоконтроля только для Конституционного Суда (ст. 116, 116-1 Конституции), который дает заключения, в том числе о неконституционности НПА, по предложению узкого круга уполномоченных субъектов. В компетенцию Конституционного Суда, согласно ст. 116-1 Конституции с учетом изменений от 27 февраля 2022 г., также входит принятие решений: по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод на основе проверки конституционности законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты; по запросам судов, на основе проверки конституционности нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел. Анализ норм Закона Республики

Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон) в новой редакции от 17 июля 2023 г. позволяет сделать вывод об определенных возможностях обращения в Конституционный Суд граждан. В частности, нормы гл. 23 Закона регулируют производство по делу о конституционности закона, примененного в конкретном деле, по конституционной жалобе. Право обращения с конституционной жалобой предусмотрено для гражданина, чьи конституционные права и свободы, нарушены законом, примененным в конкретном деле (ст. 152 Закона). Конституционная жалоба допустима, если исчерпаны все другие средства судебной защиты конституционных прав и свобод гражданина при разрешении конкретного дела (ст. 153 Закона). Таким образом, теоретически заинтересованное лицо может воспользоваться правом прямой конституционной жалобы. Какие же могут быть препятствия для реализации этого права?

- Нормами гл. 23 охватывается лишь проверка конституционности закона, примененного в конкретном деле, что следует из ст. 2, 116–1, п. 1.3 ч. 1 ст. 154 Закона. Обратим внимание на то, что термин «закон» употребляется в ст. 2 Закона, раскрывающей основные термины, и в контексте изложения норм конституционного производства не как обобщенная характеристика, а в своем прямом значении. Следовательно, гражданин может поставить вопрос о проверке конституционности закона, но не подзаконного НПА, примененного в конкретном деле. Нормативные акты, не имеющие статуса закона, не могут быть проверены по конституционной жалобе гражданина.

- В тех случаях, когда предметом проверки является закон, реализация права на конституционную жалобу возможна, «если исчерпаны все другие средства судебной защиты», на что нужны немалые время и деньги.

- Следует иметь в виду нормы ст. 83 Закона, регулирующей юридическую силу заключения, решения Конституционного Суда. Часть 8 ст. 83 Закона предусматривает, что решение по делу о конституционности закона, примененного в конкретном деле, по конституционной жалобе, которым примененный закон или его отдельные положения признаны не соответствующими Конституции, влечет пересмотр судебного постановления, в отношении заявителя в случаях, когда в том числе «судебное постановление, вынесенное в порядке гражданского судопроизводства, не исполнено». Обратим внимание, что период, в течение которого гражданин обращается ко всем другим средствам судебной защиты, может быть весьма значительным, поэтому оспариваемое решение весьма вероятно будет исполнено. Например, по делу о материальной ответственности работника, ущерб с него в пользу нанимателя может быть полностью взыскан к моменту вынесения решения Конституционного Суда. Напомним, что согласно ст. 402 Трудового кодекса Беларуси работники, как правило, несут полную материальную ответственность за ущерб, причиненный по их вине нанимателю. Содержание ч. 8 ст. 83 Закона в указанной части, позволяет предположить, что все усилия гражданина по

защите своего субъективного права могут оказаться безрезультатными и не приведут к пересмотру судебного постановления, если оно исполнено.

С учетом новой редакции Закона неясна компетенция Конституционного Суда по рассмотрению вопросов относительно дефектов НПА, кроме их неконституционности. До принятия новой редакции Закона компетенция предусматривала не только рассмотрение вопросов неконституционности НПА, но также вопросов о наличии в них пробелов, коллизий, правовой неопределенности. Отметим, что в разделе VII Закона в прежней редакции, предусматривающем реализацию иных полномочий Конституционного Суда, содержалась гл. 24 (ст. 158–160), регулирующая самостоятельный вид производства по делу об устранении в НПА пробелов, исключения в них коллизий и правовой неопределенности. В данной главе законодатель выделял иную цель, прямо указанную в названии главы о судебном нормоконтроле, а не проверку их неконституционности. В ст. 158 данной главы был предусмотрен широкий круг субъектов обращения в Конституционный Суд с информацией о дефектных НПА, в том числе граждан, индивидуальных предпринимателей, организаций. Производство по такому делу могло быть возбуждено также по инициативе Суда. Правом прямого обращения иные субъекты активно пользовались. Например, в 2014 г. в Конституционный Суд поступило 760 обращений граждан и юридических лиц в порядке ст. 158 Закона [4]. Количество обращений субъектов свидетельствовало о потребностях практики в таком виде нормоконтроля. В новой редакции Закона компетенция Конституционного Суда не предусматривает производства по такому делу. Представляется, что потребность судебного нормоконтроля с целью выявления в НПА пробелов, исключения в них коллизий, правовой неопределенности и иных дефектов не уменьшилась, однако, полагаем, возможности граждан по обращению к прямому нормоконтролю Конституционного Суда весьма ограничены.

Имеются ли процессуальные возможности оспаривания дефектных актов в системе судов общей юрисдикции в Беларуси? Действующий ГПК не предусматривает производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Кодекс гражданского судопроизводства (далее – КГС, Кодекс), принятый 11 марта 2024 г. № 359-З и вступающий в действие 1 января 2026 г., также такую разновидность судопроизводства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, не закрепляет (ст. 7, 351 КГС). Часть 6 ст. 5 КГС, где закреплено право на обращение за судебной защитой, предусматривает, что не допускается отказ в судебной защите по мотивам отсутствия, неполноты, противоречивости, неясности нормативного правового акта, что соответствует ст. 60 Конституции. Но в ст. 6 Кодекса, предусматривающей способы судебной защиты, такой способ защиты, как оспаривание НПА, не предусмотрен. Приведенный в данной норме перечень способов судебной защиты не является исчерпывающим, поскольку п. 5 предусматривает применения других предусмотренных законодательством способов. Такие

способы в законодательстве Беларуси прописаны, в частности, в ст. 12 ГК, которая предусматривает в том числе признание судом недействительным акта законодательства. Этот способ защиты, предусмотренный материально-правовой нормой, практически не может быть реализован ввиду отсутствия соответствующих процессуальных норм. ГПК и КГС регламентируют процедуру рассмотрения судами обращений заинтересованных субъектов только в отношении оспаривания ненормативных актов, нарушающих субъективное право. Процедура признания нормативных актов недействительными в ГПК, КГС не урегулирована. Приходится констатировать, что прямой нормоконтроль судов общей юрисдикции в Республике Беларусь не предусмотрен. Не останавливаясь на проблемах косвенного нормоконтроля, осуществляемого судами общей юрисдикции в Республике Беларусь, отметим следующее. В тех случаях, когда суд общей юрисдикции по конкретному гражданскому делу может принять решение, в котором откажется от применения дефектного НПА, применение такого акта не исключается при рассмотрении иных дел. Только признание судом НПА недействующим или недействительным означает его исключение из системы правового регулирования полностью или в части. Полагаю, без возложения на суды общей юрисдикции функции по прямому нормоконтролю полноценная защита субъективных прав в целом и трудовых в частности не может быть обеспечена.

Список цитированных источников

1. Никитин, С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе / С. В. Никитин. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 304 с.
2. Боннер, А. Т. Применение нормативных правовых актов в гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Боннер Александр Тимофеевич. – М., 1980. – 33 с.
3. Томашевский, К. Л. Проблемы реализации права на труд и института трудового договора в условиях возможных конституционных преобразований / К. Л. Томашевский // Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований : монография / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. Ф. Вишневого, В. А. Кучинского, К. Л. Томашевского. – Минск : Амалфея, 2022. – С. 275–297.
4. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 20 янв. 2015 г., № Р-975/2015 // Конституционный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <http://www.kc.gov.by/document-39043> (дата обращения 02.10.2024).

Бритова Т. К.
ЗАЩИТА ПРАВ РАБОТНИКОВ
ПРИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, britovatatyana62@yandex.by*

Право работника на здоровые и безопасные условия труда, а также их защиту нашло свое закрепление на всех уровнях правового регулирования. В соответствии со ст. 41 и ст. 45 Конституции Республики Беларусь, гл. 16 Трудового кодекса и Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З «Об охране труда» (с изм. и доп.) определены главные направления государственной политики в области охраны труда и предусмотрены средства ее обеспечения.

Одно из основных направлений государственной политики в сфере охраны труда – расследование несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Несмотря на предпринимаемые государством меры по совершенствованию организации труда и производства, улучшению условий труда непосредственно на рабочих местах и целого ряда профилактических мер, проблема, связанная с производственным травматизмом, по-прежнему является одной из самых острых проблем во всех современных государствах. Она является актуальной и для Республики Беларусь, особенно в условиях цифровизации экономики, использовании нестандартных форм занятости, поэтому действующее трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, претерпевают изменения, соотносящиеся с изменениями в экономической политике государства.

Далее обращаясь к научной составляющей, отметим, что в науке трудового права вопросы существования мер защиты наряду с мерами ответственности интересовали и интересуют многих ученых в области теории права. Еще в начале 60-х гг. XX в. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский обратили внимание на то обстоятельство, что среди мер государственного принуждения есть меры, применение которых не требует условий, установленных для применения юридической ответственности. В связи с этим они выступали против смешивания мер ответственности и других юридических санкций. С мнением этих ученых солидарен С. С. Алексеев, который выделил в числе мер государственного принуждения, кроме юридической ответственности, еще и меры защиты субъективных прав и обеспечения юридических обязанностей, являющиеся мерами восстановления, а также дал общую характеристику мерам защиты. С. С. Каринский, В. Г. Малов и В. Н. Смирнов также говорили о наличии в трудовом праве мер, которые не могут быть отнесены к юридической ответственности, так как являются мерами защиты (прежде всего профилактического характера), например, защиты при несчастных случаях и профессиональных заболеваниях на производстве.

В этом контексте С. А. Иванов и Р. З. Лившиц отмечают, что «...интересы личности и общества требуют стремиться ... все время совершенствовать механизм правового регулирования труда. В условиях постоянно растущих интересов и потребностей личности значительно повышаются требования к правовому регулированию (в том числе и мер защиты), которое должно совершенствоваться. В противном случае создается напряженность между увеличившимися потребностями, обусловленными объективными обстоятельствами, и их удовлетворением. Эта напряженность отрицательно сказывается на личности работника и на производстве. Она способствует нарушениям законодательства о труде, которые нередко вызываются не столько субъективными намерениями, сколько несоответствием новых потребностей старым правовым положениям» [1, с. 31].

Как видится, теоретические и законодательные обоснования, рассматриваемой проблемы, связанной с защитой прав работников при расследовании несчастных случаев на производстве, не вызывают сомнений. Но в связи с этим требуется еще и статистическое обоснование. Так, по данным Департамента государственной инспекции труда, в 2023 г. в сравнении с 2022 г. в организациях республики отмечается: рост общего числа травмированных на производстве с 1781 до 1850 (+3,9 %); снижение количества потерпевших, находящихся в момент травмирования в состоянии алкогольного опьянения с 81 до 55 (– 32,1 %) и случаев гибели потерпевших с 22 до 9 (– 59,1 %). При этом также отмечено, что наибольшее количество несчастных случаев на производстве, в том числе со смертельным исходом, произошло в Минской области. С одной стороны, такая положительная динамика обнадеживает и свидетельствует об отсутствии проблем, связанных с производственным травматизмом, но как показывает практика, они все же существуют. Во-первых, они связаны с тем, что многие работодатели скрывают травмы, полученные работниками, чтобы не платить штрафы и повышенные ставки взносов в Фонд социального страхования. Во-вторых, другая проблема связана с существованием объективных трудностей квалификации несчастного случая, связанного с производством. «Помимо вопросов, возникающих при квалификации несчастных случаев, подлежащих расследованию и учету в соответствии со статьями Трудового кодекса, Закона «Об охране труда» и др., на практике также трудно бывает доказать наличие трудовых отношений между нанимателем и работником, с которым произошел несчастный случай на производстве, особенно в ситуациях, когда трудовые отношения не были оформлены надлежащим образом. В настоящее время эта проблема представляется наиболее трудно решаемой не только в Беларуси, но и в других странах ближнего зарубежья, например в Российской Федерации» [2, с. 284].

В связи с этим считаем также уместным упомянуть о разобщенности правовых норм в сфере расследования несчастных случаев на производстве в многочисленных источниках трудового права, которые уже были перечислены выше, и это тоже в определенном смысле является проблемой. Следует обратить внимание и на тот важный факт, что практически все эти

нормативные правовые акты за короткий промежуток времени претерпели значительные изменения и дополнения, что свидетельствует об их несовершенстве. Так, например законодатель уже планирует в 2025 г. очередное реформирование Закона Республики Беларусь «Об охране труда», последние изменения в который были внесены Законом от 17 июля 2023 г. № 300-З, и заметим, что они касались лишь уточнения некоторых формулировок. Тем не менее закрепленные в них нормы, связанные с правовым регулированием безопасных условий труда, не получили должной регламентации, а следовательно, не могут надлежащим образом защитить трудовые права и интересы работников, с которыми произошел несчастный случай на производстве. Все эти неувязки в законодательстве о несчастных случаях создают, в свою очередь, благоприятную почву для нарушений недобросовестными нанимателями безопасных условий труда, порождая трудовые споры.

В связи с рассмотрением трудовых споров, основанных на возникновении несчастного случая на производстве, встает вопрос: как же восстанавливаются права пострадавших работников? Согласно гл. 16 Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» (далее – Указ № 530) обеспечение по страхованию осуществляется не только в виде различных выплат, оплат и пособий, возмещения вреда, но и других мероприятий, таких как: медицинская помощь, приобретение лекарств и медицинских изделий, проезд, уход, санаторно-курортное лечение, изготовление и ремонт протезов, обеспечение транспортными средствами и т. д. Особо следует отметить, что защита прав пострадавших на производстве работников осуществляется не только с помощью денежных выплат, а связана также с целым комплексом мероприятий, действительно способствующих выздоровлению работника. Если же полное выздоровление невозможно, законом предусмотрена возможность предоставления качественной реабилитации.

Подводя итоги, следует сделать акцент на том, что перечень способов, с помощью которых происходит восстановление прав работников, пострадавших от несчастных случаев на производстве, согласно Указу № 530 и другим нормативным правовым актам, достаточно обширный. Законодатель стремится в целом создать гарантии для комфортной жизни и производственной деятельности работника, даже если он частично или полностью теряет свою прежнюю трудоспособность. Такие правовые механизмы создают благоприятную среду для обеспечения и соблюдения гарантированных законом прав работнику. Однако не все работники после рассмотрения их дела комиссией или судом признаются пострадавшими не по своей вине, такое решение лишает их возможности восстановить свои права.

Институт защиты прав работников при несчастных случаях является важной составляющей обеспечения охраны труда, так как осуществляет эту защиту именно на локальном уровне, с учетом особенностей деятельности на производстве. Он функционирует в определенных законом рамках, некоторые из которых, на наш взгляд, необходимо расширить, чтобы избежать

неоднозначных ситуаций, не подлежащих регулированию. По этой причине законодательство в сфере труда, несмотря на положительную тенденцию его совершенствования, все же необходимо реформировать именно в сфере защиты прав работников при несчастных случаях на производстве.

Список цитируемых источников

1. Иванов, С. А. Личность в советском трудовом праве / С. А. Иванов, Р. З. Лившиц. – М. : Наука, 1982. – 232 с.

2. Бритова, Т. К. О проблемах защиты трудовых прав и законных интересов работников при расследовании несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний / Т. К. Бритова // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., Минск 3 апреля 2014 г. – Минск : Академия МВД, 2014. – С. 284–285.

Василевич С. Г.

О ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЕ АКТОВ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
sergey.workmail.135@gmail.com*

Основными правовыми источниками, позволяющими решать вопросы, связанные с определением юридической силы актов трудового законодательства, включая соотношение между ними, являются Трудовой кодекс Республики Беларусь (ТК, если иное не предусмотрено) и Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах». Конечно, ряд основополагающих ответов, например о соотношении Конституции, законов, декретов, указов, постановлений Правительства и других, можно получить исходя из анализа конституционных норм.

Трудовой кодекс содержит множество бланкетных норм. Несколько десятков раз в ТК имеются отсылки на «законодательство», причем не конкретизируются действия органов (Правительства или иной инстанции), которые будут реализовывать нормы ТК. По сути, это давно сложившийся стандарт, когда нормы ТК получают дальнейшее развитие в подзаконных актах. Более 50 раз в ТК конкретно сделано поручение Правительству или уполномоченному им органу решить тот или иной вопрос. Например, согласно ч. 3 ст. 18 ТК примерная форма трудового договора утверждается Правительством Республики Беларусь или уполномоченным им органом. В некоторых случаях законодатель дает определенные «ориентиры» при принятии решения в порядке делегирования полномочий. Так, согласно ст. 328 ТК продолжительность основного отпуска работникам, работающим на территории радиоактивного загрязнения в зоне первоочередного отселения, зоне последующего отселения и зоне с правом на отселение, устанавливается Правительством Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь. При этом предусмотрено, что

указанный отпуск предоставляется без учета дополнительного трудового отпуска за работу с вредными и (или) опасными условиями труда. Когда идет речь о конституционных полномочиях Главы государства, то в ТК воспроизводится соответствующая конституционная норма: согласно ст. 393 ТК в случае создания реальной угрозы национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения, правам и свободам других лиц, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством, Президент Республики Беларусь вправе отложить проведение забастовки или приостановить ее, но не более чем на трехмесячный срок.

При делегировании законодателем полномочий иному органу (например Правительству, министерству) на реализацию норм ТК желательно осуществлять парламентский контроль за тем, насколько точно исполняется предписание законодателя. Именно в таком случае будет обеспечиваться действенный правовой мониторинг и можно осуществлять эффективную, своевременную оценку регулирующего воздействия правового акта на общественные отношения.

Определенный интерес для анализа представляет ч. 5 ст. 7 ТК, согласно которой в случае противоречия норм законодательства о труде равной юридической силы применяется норма, содержащая более льготные условия для работников. На наш взгляд, при такой редакции указанной части вопросы остаются. Так, в Законе «О нормативных правовых актах» предусмотрено, что кодексы обладают большей юридической силой, а новый акт обладает приоритетом по отношению к ранее принятому, поэтому по указанным причинам такие акты, как, например, законы (кодекс – разновидность закона) не обладают равной юридической силой. Идея законодателя понятна и заслуживает одобрения, но предпочтительнее было бы ч. 5 ст. 7 ТК изложить в следующей редакции: «В случае противоречия между одноуровневыми актами законодательства о труде применяется норма, содержащая более льготные условия для работников». Под одноуровневыми актами понимаются акты, принимаемые одним и тем же органом. В качестве варианта предлагаем несколько иную редакцию ч. 5 ст. 7 ТК: «В случае противоречия между актами законодательства о труде одного вида (законодательные акты, постановления Правительства, ведомственные акты, акты органов местного управления и самоуправления) применяется норма, содержащая более льготные условия для работников».

Обратимся к некоторым иным проблемным, как представляется, вопросам. В ст. 23 Закона «О нормативных правовых актах» изложена позиция законодателя относительно соотношения нормативных правовых актов с учетом статуса органов государственной власти и должностных лиц, видов актов, форм, в которых они изложены, времени принятия и некоторых иных обстоятельств. Анализируя ее содержание во взаимосвязи со ст. 7 ТК, можно сделать несколько выводов.

Трудовой кодекс обладает, как отмечено, более высокой юридической силой, чем иные акты текущего законодательства. В ст. 7 ТК ничего не сказано относительно соотношения решения Всебелорусского народного

собраний (ВНС) и норм трудового законодательства. Полагаем, что акты ВНС обладают большей юридической силой, чем ТК. При принятии решений ВНС на основании ст. 89 (3) Конституции, которые касаются трудовых и связанных с ними иных отношений, приоритет принадлежит актам ВНС.

Законом от 29 июня 2023 г. «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» в ст. 7 ТК предусмотрено право Президента Республики Беларусь устанавливать особенности правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений, регламентированных законодательством о труде. Такая норма явилась, на наш взгляд, компромиссным вариантом преодоления некоторого противоречия между статусом Главы государства (Конституция определяет по своей сути форму правления нашей республики как президентскую) и требованием о непротиворечии указов Президента законам. Конечно, важно учитывать, какие могут быть установлены особенности правового регулирования актами Главы государства. Это могут быть дополнения норм ТК, их развитие.

Коснемся еще вопроса о совместных нормативных правовых актах, принимаемых органами государственного управления и руководящими органами профсоюзов. Полагаем, что такого рода акты должны обладать приоритетом, пока они не отменены или не утратили силу, по отношению к новым актам, принятым единолично органом государственного управления.

Можно было бы рассмотреть также вопрос об изменении правила, установленного в ст. 23 Закона «О нормативных правовых актах» о том, что новый нормативный правовой акт, в том числе временный, имеет большую юридическую силу по отношению к ранее принятому (изданному) по этому же вопросу нормативному правовому акту этого же нормотворческого органа (должностного лица). На наш взгляд, устанавливать приоритет «нового», «старого» акта следует исходя из даты вступления его в силу, а не даты принятия. Это обеспечит учет всех возможных особенностей, в том числе необходимость установления более длительного переходного периода для подготовки к реализации принятого акта.

Горуна Т. А.

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина
б-р Космонавтов, 21, 224025, г. Брест, Беларусь, taharupa21@gmail.com*

Социальное обслуживание как деятельность по организации оказания социальных услуг населению есть важная составляющая социальной сущности современных государств, которые закрепляют ее, как правило, в конституциях как нормативных правовых актах высшей юридической силы,

¹ Статья написана в рамках проекта БРФФИ «Теоретико-методологические и прикладные основы правового обеспечения социальной сферы как основы экономической безопасности государства в условиях региональной интеграции» номер госрегистрации 20231010 от 22.06.2023.

в том числе ст. 1 Конституции Республики Беларусь определяет нашу страну как социальное государство. Социальное обслуживание, как часть социальной сферы, наряду с образованием, здравоохранением, социальным обеспечением, призвано создавать условия для формирования человеческого капитала. По этой причине можно согласиться с авторами, что «основными направлениями социальной политики в Республике Беларусь должны выступить ... повышение социальной защиты нуждающихся на основе усиления адресности оказания помощи, рационализации системы льгот, улучшения социального обслуживания» [1, с. 92].

Социальное обслуживание позволяет в минимальном объеме сформировать ряду лиц (инвалидам, пожилым, многодетным матерям и т. д.) человеческий капитал хотя бы в минимальном объеме, с помощью которого человек должен обеспечить свое достаточное физическое существование, а также стать полноценным членом общества. Соответственно, социальное обслуживание является фактором, влияющим на национальную безопасность, прежде всего социальную и экономическую.

Представляется, что объективность исследования социального обслуживания вполне возможно проводить через категорию его принципов, так как «анализ современного законодательства о социальном обеспечении дает основания сформулировать не только отраслевые принципы права социального обеспечения, но и принципы института социального обслуживания» [2, с. 7].

Национальный Закон Республики Беларусь от 22.05.2000 № 395-З «О социальном обслуживании» (далее – Закон № 395-З) в ст. 4 закрепляет восемь принципов социального обслуживания: адресность; гуманность; доступность; приоритетность сохранения пребывания граждан в привычной благоприятной домашней среде; добровольность; конфиденциальность; профилактическую направленность; социальное равенство и социальную справедливость. Каждый из принципов отражает в целом общую направленность социального обслуживания на заботу о человеке, который оказался в трудной жизненной ситуации.

Адресность социальных услуг означает их персонификацию и оказание лишь конкретно определенному законодательством кругу лиц. С одной стороны, данный принцип вытекает из отраслевого принципа дифференциации различных видов, условий и уровня социального обеспечения [3, с. 45]. С другой стороны, отдельные социальные услуги, оказываемые детям, пожилым людям, жертвам торговли людьми и т. д. имеют прямое отношение к обеспечению права человека на жизнь и должны оказываться всем нуждающимся. В связи с этим адресность все же вступает в определенное противоречие с отраслевым принципом всеобщности социального обеспечения для всех граждан независимо от пола, расы, национальности и вероисповедания [3, с. 45], а также с законодательно определенным принципом доступности социальных услуг.

Доступность социальных услуг означает не только их территориальную доступность или транспортное обеспечение, как это трактует ст. 15 Закона № 395-З, но и реальность обеспечения всех нуждающихся в таких услугах.

Таким образом, не вдаваясь вглубь выявленных противоречий вышеназванных принципов адресности и доступности социальных услуг, стоит отметить, что в целях реализации общеправового принципа социальной справедливости, отраслевого принципа всеобщности социального обеспечения, принципа доступности института социального обслуживания и обеспечения национальной безопасности должны быть законодательно определены условия реального получения социальных услуг. Это подразумевает получение, во-первых, гарантированного минимального объема бесплатных общедоступных социальных услуг для всех людей независимо от гражданства в целях обеспечения права на жизнь, а во-вторых, получение необходимых услуг для каждой социально-уязвимой группы на основе законодательных критериев возмездности/безвозмездности для граждан в целях обеспечения права человека на достойный уровень жизни.

В настоящее время Закон Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 322-З «О государственных минимальных социальных стандартах» не гарантирует бесплатность и общедоступность социальных услуг. Сам же перечень социальных услуг определяется постановлением Правительства Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. № 1218 «О некоторых вопросах оказания социальных услуг», а критерии платности – гл. 3 Инструкции о порядке и условиях оказания социальных услуг государственными учреждениями социального обслуживания, утвержденной постановлением Правительства Республики Беларусь от 26 января 2013 г. № 11 «Об оказании социальных услуг государственными организациями, оказывающими социальные услуги». На наш взгляд, Правительством должен быть утвержден отдельный Перечень гарантированных бесплатных и общедоступных социальных услуг для лиц, независимо от гражданства, который должен быть конкретным и понятным гражданам, не имеющим юридического образования, чтобы осваивать сложный текст гл. 3 Инструкции и определять, какие из услуг будут безвозмездными, а какие нет. В такой Перечень должны войти как минимум все консультационно-информационные услуги по вопросам социального обслуживания, а также иные услуги, которые в настоящее время оказываются бесплатно на основании вышеназванной Инструкции и вышеназванного постановления (к примеру, п. 15 перечня определяет бесплатные услуги для жертв торговли людьми, лиц, пострадавших от домашнего насилия, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и т. д.).

Гуманность социальных услуг как принцип социального обслуживания реализуется через возложение обязанностей на поставщиков социальных услуг «обеспечивать гуманное, уважительное и не допускающее дискриминационных действий отношение к получателям социальных услуг» (ст. 17 Закона № 395-З).

Новая редакция Закона № 395-З закрепляет гражданско-правовую сущность договора оказания социальных услуг (ст. 22) и возлагает, по сути, несвойственную обязанность для равных субъектов гражданского оборота (поставщик социальной услуги – получатель социальной услуги) проявления

гуманности. Безусловно, социальная услуга специфична, так как оказывается уязвимым группам людей – детям, пожилым, инвалидам и т. д., имеющим свои диагнозы, привычки. Может ли конструкция гражданско-правового договора, основывающегося на равенстве и свободе, обеспечить наиболее полную реализацию прав граждан-получателей такой услуги? На наш взгляд, именно право социального обеспечения, в котором «используется преимущественно метод императивного регулирования, которое дополняется диспозитивным регулированием» [3, с. 39], должно разработать конструкцию социально-обеспечительного договора в целях полной реализации принципа гуманности социального обслуживания.

Такие принципы социального обслуживания, как приоритетность сохранения пребывания граждан в привычной благоприятной домашней среде, добровольность, конфиденциальность, реализуются в новой редакции Закона № 395-З. Так, ст. 21 определяет, что задачей долговременного ухода является создание условий для максимально возможного продления периода пребывания граждан, нуждающихся в уходе, в привычной благоприятной домашней среде. В свою очередь добровольность обеспечивается правом получателя услуги на выбор поставщика и отказа от получения социальной услуги (ст. 13) через подачу соответствующего заявления о расторжении договора оказания социальных услуг. Конфиденциальность реализуется через определение в ст. 23 Закона № 395 условий распространения, предоставления информации о получателе социальных услуг, которые возможно реализовать исключительно с согласия получателя социальных услуг (его законного представителя). Однако не совсем понятно, на кого норма возлагает обязанность брать согласие и в какой форме, что требует уточнений.

Принцип общей профилактической направленности проводимых мероприятий в области социального обслуживания, хотя и определен как самостоятельный принцип, все же относится в большей степени к принципам государственной политики всей социальной сферы, которая должна формировать систему выявления и устранения всех социальных рисков.

И последний принцип социального равенства и социальной справедливости в большей степени имеет общепрофессиональную природу, но, безусловно, должен быть реализован и в институте социальных услуг через всеобщность и доступность таких услуг.

На наш взгляд, безопасность и качество социальных услуг еще один принцип, который должен быть определен в ст. 4 Закона № 385-З. Безопасность как отсутствие опасных свойств услуги для жизни, здоровья гражданина обеспечивается рядом мер государственного регулирования – институтом лицензирования, применяемого для стационарного социального обслуживания, согласно п. 2 ст. 127³ Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании»; введением ограничений для поставщиков социальных услуг – физических лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость (ч. 5 ст. 22 Закона № 395-З).

Качество услуг понимается как соответствие их требованиям законодательства и условиям договора. В настоящее время это постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 1 декабря 2017 г. № 84 «О требованиях к содержанию и качеству социальных услуг». Данный вопрос находится в компетенции местных органов власти, которые проводят оценку качества социальных услуг (ст. 9 Закона № 395-3). Вместе с тем в законодательстве нерешенным является вопрос участия представителей гражданского общества в оценке таких услуг.

Таким образом, все принципы социального обслуживания базируются на общеправовых и отраслевых социально-обеспечительных принципах и весьма важны для социальной и экономической стабильности общества. Данные принципы отражают ценности публично-правового порядка, когда государство проявляет высшую гуманность и заботу обо всех своих гражданах без исключения, и одновременно ценности, которые сформировались в недрах частноправового порядка – это безопасность и качество социальной услуги.

Список цитированных источников

1. Сивец, С. М. Теоретические и прикладные проблемы формирования и реализации социальной политики Республики Беларусь: конституционно-правовое исследование / С. М. Сивец ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 236 с.

2. Буянова, М. О. Принципы института социального обслуживания / М. О. Буянова // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 8(92). – С. 6–10.

3. Василькович, В. П. Право социального обеспечения : учеб.-метод. пособие для студ. юрид. фак. / В. П. Василькович, Н. Н. Маслакова ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2017. – 146 с.

Нихайчик О. Л.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, molchanol@bsu.by*

Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к изменениям во всех сферах экономики, которая на современном этапе характеризуется новыми методами генерирования, обработки, хранения и передачи информации. Активное внедрение информационных технологий в трудовые отношения способствует оптимизации процессов обработки информации, снижению трудоемкости использования ресурсов, применению новых форм информационной поддержки любых видов деятельности, что в целом способствует экономии труда и времени.

Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) претерпел ряд изменений, которые связаны с активным внедрением информационных

технологий в трудовые отношения. Так, Законом Республики Беларусь от 29.06.2023 № 273-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» ТК был дополнен статьей 29-1, которая закрепила возможности совершения действий в электронном виде сторонами трудовых отношений. Часть 1 ст. 29-1 ТК устанавливает, что ознакомление, в том числе под роспись, с локальными правовыми актами, приказами (распоряжениями) нанимателя, уведомлениями, требованиями и иными документами, ведение которых предусмотрено законодательством о труде, могут совершаться в электронном виде. Поскольку в данном случае действия совершаются в электронном виде путем направления электронных документов, то и ознакомление с этими документами под роспись невозможно. По нашему мнению, законодатель, перечисляя виды документов, с которыми наниматель может ознакомить работника в электронном виде, хотел акцентировать внимание на тех документах, ознакомление с которыми является обязательным в соответствии с нормами ТК и осуществляется путем проставления собственноручной подписи на бумажном экземпляре документа (например, в соответствии с ч. 6 ст. 199 ТК).

В разных статьях ТК использует два разных слова для обозначения одного и того же действия. Так, ст. 18 говорит о подписании документов, а ст. 25, 29-1, 32-1 и т. д. указывают на ознакомление работника с документами под «роспись». При этом следует обратить внимание, что ознакомление с документами в электронном виде осуществляется путем проставления электронной цифровой подписи, аналога собственноручной подписи, т. е. с электронными документами работник знакомится под подпись. В соответствии с п. 202 Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19.01.2009 № 4, в документах в электронном виде при оформлении реквизитов, в состав которых входит собственноручная подпись, все составные части таких реквизитов, за исключением собственноручной подписи, при внешнем представлении документа должны быть отражены непосредственно в формуляре документа в электронном виде (общей части электронного документа). Если же обратиться к Толковому словарю русского языка под редакцией С. И. Ожегова, то роспись – это письменный перечень чего-нибудь, а также живопись на стенах, потолках, предметах быта, а подпись – это собственноручно написанная фамилия [1]. По нашему мнению, в целях совершенствования юридической техники в ТК следует заменить слово «роспись», которое имеет совершенно иное лексическое значение, на слово «подпись», а ч. 1 ст. 29-1 ТК изложить в следующей редакции: «Предупреждение работника, получение от него согласия, ознакомление, в том числе с теми документами, *которые требуют проставления собственноручной подписи работника*, с локальными правовыми актами, приказами (распоряжениями) нанимателя, уведомлениями, требованиями и иными документами, ведение которых предусмотрено законодательством о труде, а также обращение работника к нанимателю и иные действия,

предусмотренные ТК, кроме заключения, продления и изменения трудовых договоров, договоров о полной материальной ответственности, могут совершаться в электронном виде при условии, что программно-технические средства, используемые нанимателем, позволяют однозначно идентифицировать работника, а также с использованием электронной цифровой подписи».

Анализ ст. 29-1 ТК позволяет сделать вывод о том, что надлежащее совершение действий в электронном виде осуществляется путем направления одной из сторон трудового правоотношения другой стороне документов в электронном виде, а в качестве способов надлежащего совершения действий в электронном виде устанавливается подписание документов электронной цифровой подписью, которая в соответствии с ч. 5 ст. 23 Закона Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» является аналогом собственноручной подписи, а также использование иного способа, совершения действий в электронном виде, который должен быть закреплён в локальных правовых актах. Наниматель должен определить порядок совершения действий в электронном виде, а также определить, какие программно-технические средства при этом им будут использоваться с целью надлежащей идентификации работника. Слово «идентифицировать» происходит от латинского слова *identificare* – установить (устанавливать) полное совпадение, соответствие одного предмета, явления другому [2, с. 630]. По нашему мнению, в локальных правовых актах наниматель в качестве надлежащего способа идентификации работника может установить порядок получения работником логина и пароля для доступа к системе или выбрать иной способ идентификации, который будет использоваться системой для определения, существует ли конкретный пользователь. Право на доступ к системе может также подтверждаться пин-кодом, биометрическими данными работника и другими способами. При этом каждый пользователь системы наделяется определенным набором прав и привилегий, предоставленных ему. По мнению автора, с целью защиты прав работника, а также с учетом отсутствия возможности у нанимателя однозначно идентифицировать работника, следует ограничить права нанимателя на закрепление в локальных правовых актах в качестве надлежащего способа совершения действий в электронном виде использование различных мессенджеров, которые установлены у работника, социальных сетей, в которых зарегистрирован работник, использование личной электронной почты работника и т. д.

Хотелось бы также обратить внимание на те действия, которые в соответствии со ст. 29-1 ТК нельзя совершать в электронном виде – это заключение, продление и изменения трудовых договоров, договоров о полной материальной ответственности, однако ТК устанавливает исключение из данной статьи. Так, при выполнении дистанционной работы в соответствии со ст. 307-1 ТК условия обмена между нанимателем и работником электронными документами и документами в электронном виде, связанные с изменением и прекращением трудового договора, определяются трудовым

договором, локальными правовыми актами, а в соответствии со ст. 307-2 ТК дополнительные соглашения об изменении определенных сторонами условий трудового договора с работником, выполняющим дистанционную работу, могут заключаться путем обмена электронными документами. Следует отметить, что ТК запрещает заключать трудовой договор путем обмена электронными документами или документами в электронном виде, на что прямо указывается в ст. 29-1 ТК, а также в ст. 307-2 ТК.

Бесспорно, развитие информационно-коммуникационных технологий будет продолжаться, все с большей силой влияя на трудовые отношения в целом и на способы коммуникации между нанимателем и работником в частности. Принятие ст. 29-1 ТК является своевременным решением законодателя, позволяющим упростить совершение некоторых действий в трудовом праве с помощью использования электронных документов и документов в электронном виде, однако с учетом особенностей трудовых отношений следует ограничить право нанимателя на закрепление в локальных правовых актах в качестве надлежащего способа совершения действий в электронном виде использование различных мессенджеров, социальных сетей, использование личной электронной почты гражданина и т. п., поскольку это не позволяет нанимателю однозначно идентифицировать лицо, которое использует все вышеперечисленные средства связи, как работника.

Список цитируемых источников

1. Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21803> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1 : А–Й. – 1981. – 696 с.

Новиков Д. А.

АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7-9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
d.novikov@spbu.ru*

Количественная оценка труда с помощью показателей производительности уже давно является важнейшей чертой контроля над трудом в производстве и сфере услуг. Как отмечается в исследованиях, в современном мире работодатели все больше применяют алгоритмы и большие данные, чтобы количественно и в режиме реального времени оценивать производительность работников [1, с. 381]. Опосредованная платформами гиг-экономика, которая «характеризуется независимыми контрактами, заключаемыми через, посредством и на цифровых платформах» [2, с. 11], усиливает тенденцию к количественной оценке благодаря

использованию алгоритмических технологий для управления работниками в трудовых отношениях. Необходимо заметить, что под трудовыми отношениями в данном случае имеются в виду все фактические трудовые отношения в рамках платформенной экономики, которые на сегодняшний день практикуются при занятости на цифровых платформах. К сожалению, в большинстве стран мира еще не выработан качественный подход к регулированию таких отношений вне классического трудового права, применять которое к занятым на платформах объективно достаточно сложно, в том числе из-за такой правовой неопределенности не обозначены пределы алгоритмического контроля работников.

Одной из заметных особенностей алгоритмического контроля является интеграция метрик, таких как рейтинги, полученные от клиентов, и поведенческие показатели, генерируемые системой в алгоритмическую оценку. Платформы используют систему поощрительных баллов и рейтинговых показателей эффективности, такие как готовность принимать заказы и удовлетворенность/жалобы клиентов, для формирования поведения работника, тем самым осуществляя контроль подобно работодателю [3, с. 76]. Работники, получившие определенное количество жалоб, попадают в черный список, и их услугами больше не пользуются. А. Алоизи приводит пример платформу заказа такси Uber, на которой поведение водителей напрямую влияет на рейтинг, согласно которому они получают шанс быть нанятыми снова в будущем. Пользователи могут оценивать поездку, выставляя оценки от 1 до 5 звезд. Если рейтинг опускается ниже определенного порога (4, 6 из 5), водитель может потерять доступ к приложению Uber [4, с. 674]. На платформе TaskRabbit рейтинги влияют на видимость онлайн-профилей работников. Кроме того, генерируемые системой поведенческие показатели часто призваны способствовать эффективному проведению операций по предоставлению услуг. В качестве примера можно привести показатели принятия работниками заданий, показатели отмены и показатели скорости (например, сколько времени требуется курьеру для доставки, как быстро работник TaskRabbit отвечает на запрос об услуге и как быстро едет водитель).

Аналогичные правила для отключения используют российские платформы. На макетплейсах Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет продавцов блокируют за задержку выдачи товаров и частые жалобы покупателей, приводящие к падению индекса качества продавца до определенных платформой баллов. Сервис доставки Яндекс.Еда ограничивает доступ к заказам за низкий рейтинг доставщика (оценки доставщику, как и на других платформах, выставляют пользователи). Постоянное отключение доставщика Яндекс.Еда возможно в случаях: предоставления своей учетной записи другому человеку; злоупотребления возможностями сервиса и приложения (например, путем манипуляции с промокодами); регулярного нарушения условий оферты сервиса; использования данных пользователей сервиса в личных целях; непрохождения тренинга или тестирования на знание стандартов сервиса и т. п. Временное отключение от платформы осуществляется алгоритмом на основании показателей рейтинга, а

постоянное отключение производят специальные службы цифровой платформы после выявления нарушения или получения жалобы от пользователя.

Как отмечают К. Ванг, Я. Чен и Я. Янг, «алгоритмическое управление, особая организация бизнеса, специальные соглашения, применяемые цифровыми платформами, могут сделать их свободными от обязанностей и ответственности работодателя» [5, с. 154]. Здесь можно провести аналогию с индустриальной эпохой, когда именно экономическая составляющая при отсутствии правовой защищенности стимулировала максимизации рабочего времени рабочих фабрик и заводов. Так и в современном контексте алгоритмический контроль, наряду с неопределенными условиями труда, способствует тому, что работники испытывают нестабильность [6, с. 321]. Зарубежные коллеги считают, что работники цифровых платформ могут вернуть себе «ощущение стабильности», научившись ориентироваться в метриках и, в более широком смысле, в алгоритмическом контроле, с помощью которого их отслеживают, оценивают и дисциплинируют [7; 8]. Указанный подход к решению проблемы алгоритмического контроля представляется ошибочным, так как он не носит системного характера, не предполагает установления пределов и стандартов алгоритмического управления, снимая ответственность работодателя в отношении последствий его применения. Работники, выполняющие команды алгоритма, могут иметь меньше возможностей для обсуждения конкретных аспектов своего рабочего графика и подвергаться более жестким и требовательным формам контроля на рабочем месте. Возможности новой технологии увеличивают вычислительную асимметрию между работодателем и работниками и позволяют первым вмешиваться на более тонком уровне, что невозможно, если бы это делал человек.

Для решения обозначенной проблемы необходимо обратить внимание на несколько фундаментальных вопросов: какова природа отношений с работниками цифровых платформ; обладает ли алгоритм субъектностью в принятии решений; какие пределы применения алгоритмического контроля государство должно и может установить.

Правовая природа отношений с работниками цифровой платформы наиболее близка к отношениям по применению наемного труда, т. е. трудовым отношениям, где место работодателя занимает цифровая платформа, которая систематически использует труд работника, оплачивает и контролирует его (все это делается опосредованно через приложения, поэтому и возникают формальные проблемы с признанием таких отношений трудовыми в классическом понимании). Существенная степень гибкости отношений данного типа не дает однозначной возможности заявлять о необходимости включения занятых на цифровых платформах в сферу трудового права. Отношения по применению труда на цифровых платформах требуют разработки специального правового режима в рамках так называемой платформенной занятости, который в том числе будет включать положения, касающиеся алгоритмического контроля.

Алгоритм является средством автоматизации трудовых процессов, цифровым интерфейсом взаимодействия между элементами производственной

системы. В правовой реальности алгоритм может существовать исключительно в качестве объекта права. Алгоритм не может обладать правосубъектностью в трудовых отношениях, так как его функционирование осуществляется через датификацию всех их участников без цели достижения общественно значимого результата и установления взаимодействия между субъектами права по поводу удовлетворения их потребностей. Все решения, принятые алгоритмом, должны быть объяснимы работодателем, и соответственно, цифровая платформа несет ответственность за принятые алгоритмом решения.

Следовательно, в принимаемых государством нормативных документах необходимо отразить содержание протоколов общей цифровой безопасности внедрения алгоритмов перед их допуском к использованию, в том числе для принятия решений в сфере труда. Кроме того, цифровые платформы, использующие алгоритмы автоматического принятия решений (алгоритмического контроля), и разработчиков программного обеспечения в данной сфере следует обязать сертифицировать протоколы цифровой безопасности программного обеспечения, работающего на основе технологий искусственного интеллекта. Содержание сертификационных требований должно исходить прежде всего из позиций обеспечения безопасности работников и заказчиков услуг. Работники должны также иметь право обжаловать решение, принятое алгоритмом, в специальную службу платформы, а в дальнейшем – в органы государственного контроля и суд.

Наиболее оптимальным в связи с этим представляется создание государственной системы алгоритмического и цифрового контроля над платформами в сфере применения ими наемного труда (социально-трудовая платформа). Такое решение предполагает интеграцию всех субъектов хозяйствования и платформенно занятых на единой государственной платформе с алгоритмами, отражающими стандарты применения труда, правила обмена информацией между платформами, работниками и государственными контролирующими органами. Платформа в автоматическом режиме должна не допускать случаев нарушения пределов алгоритмического контроля и передавать спорные ситуации на рассмотрение контролирующим органам. По нашему мнению, исключительно внедрение всеобщего государственного алгоритмического контроля над субъектами рынка труда платформенной экономики обеспечит стабильность возникающих отношений и безопасность его участников. Но обязательно алгоритмический контроль, в том числе на государственном уровне, должен финализироваться принятым решением уполномоченного должностного лица, в компетенцию которого входит верификация выявленных алгоритмом несоответствий и нарушений.

Список цитированных источников

1. Kellogg, K. Algorithms at work: The new contested terrain of control / K. Kellogg, M. Valentine, A. Christin // *Academy of Management Annals*. – 2020. – Vol. 14 (1). – P. 366–410.

2. Woodcock, J. The Gig Economy: A Critical Introduction / J. Woodcock, M. Graham. – Cambridge, UK: Polity, 2020. – 160 p.
3. Cockayne, D. Sharing and neoliberal discourse: the economic function of sharing in the digital on-demand economy / D. Cockayne // *Geoforum*. – 2016. – Vol. 77. – P. 73–82.
4. Aloisi, A. Commoditized workers. Case study research on labour law issues arising from a set of «on-demand/gig economy» platforms / A. Aloisi // *Comparative Labour Law and Policy*. – 2016. – Vol. 37 (3). – P. 653–690.
5. Wang, Q. Unpacking the legal status of platform workers in China: an empirical analysis of judicial attitudes and challenges in the food delivery sector / Q. Wang, Y. Chen, Y. Yang // *Asia Pacific Law Review*. – 2024. – Vol. 32 (1). – P. 149–171.
6. Gregory, K. «My life is more valuable than this»: Understanding risk among on-demand couriers in Edinburgh / K. Gregory // *Work, Employment and Society*. – 2021. – Vol. 35 (2). – P. 316–331.
7. Cameron, L. Expanding the locus of resistance: Understanding the co-constitution of control and resistance in the gig economy / L. Cameron, H. Rahman // *Organization Science*. – 2022. – Vol. 33 (1). – P. 38–58.
8. Chan, N. The rating game: The discipline of Uber’s user-generated ratings / N. Chan // *Surveillance & Society*. – 2019. – Vol. 17 (1/2). – P. 183–190.

Ясинская-Казаченко А. В.

ГАРАНТИИ ПРАВ НАНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Рокоссовского 65, 220088, г. Минск, Беларусь, angelina_jas@mail.ru*

С учетом определения понятия трудового спора в ст. 233 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) стороной трудового спора с нанимателем является лицо, которому отказано в заключении трудового договора. В ч. 3 ст. 241 ТК перечислены трудовые споры, которые подлежат непосредственному рассмотрению в суде и всегда являются исковыми. Несмотря на термин «обжалование», который используется в ч. 3 ст. 16, применяются правила искового производства [1, с. 888]. При этом в ч. 2 ст. 16 предусмотрена обязанность нанимателя известить гражданина о мотивах отказа в письменной форме не позднее трех дней после обращения.

В судебной практике по трудовым спорам в разные исторические периоды можно выделить примеры дефектов и ошибок, часть из которых впоследствии была преодолена, а часть – по-прежнему сохраняется. Зачастую это приводит к снижению определенности нормативных предписаний, пробелам и иным дефектам трудового права [2, с. 172], к невозможности защиты прав нанимателей как участников трудовых и тесно связанных с ними отношений. Отдельные судебные ошибки создают повторяющиеся злоупотребления своими трудовыми правами со стороны работников и не гарантируют прав нанимателей при заключении трудового договора.

Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» (далее – постановление Пленума Верховного Суда № 9) оставляет без внимания споры об отказе в заключении трудового договора и тем самым порождает в этом положении несоблюдение общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом. При этом законодательство о труде учитывает правила об обжаловании в суд отказа в заключении трудового договора. Так, в случаях предоставления дополнительных гарантий отдельным категориям граждан наниматель обязан заключить трудовой договор (ст. 16, 100, ч. 1, 2 ст. 268, 280, 281, 283 ТК). В противном случае будет иметь место необоснованный отказ [1, с. 78].

Раскрывая содержание положений об отказе в заключении трудового договора, следует напомнить, что нормы законодательства о труде, Кодексы законов о труде (далее – КЗоТ) 1918 г., 1922 г. напрямую такого подхода об отказе в заключении трудового договора не содержали. При этом в ст. 36–39 КЗоТ 1918 г. было закреплено право гражданина обжаловать отказ в заключении трудового договора в профсоюз.

Профессиональный союз, если признает данную жалобу основательной, вступает в переговоры с лицом, отказавшим гражданину в предоставлении постоянной работы. В случае неуспешности переговоров дело переходит в местный исполнительный комитет и его отдел труда. В свою очередь отдел труда может обязать учреждение или лицо, неосновательно отказавшее трудящемуся в принятии на работу, впредь предоставить гражданину работу и присудить к уплате гражданину вознаграждения по тарифу за весь период времени с момента лишения работы до момента предоставления работы на основании постановления отдела труда.

В более поздний период Кодекс о труде БССР 1929 г. был расширен и дополнен ст. 6, содержащей подход о том, что в коллективных договорах (ст. 13) могла устанавливаться обязанность найма рабочей силы через биржи труда. Постановлением ЦИК и СНК от 13 сентября 1931 г. № 60, ст. 385 было разрешено нанимать граждан без обращения в органы труда. Затем в п. 1 Постановления Комиссии советского контроля, утвержденного Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 30 мая 1936 г. было установлено правило о том, что не допускается отказ в приеме на работу граждан по таким мотивам, как судимость, осуждение родителей или родственников и др.

И. С. Войтинский в 1927 г. отмечал, что согласно циркуляру ВЦСПС от 30 июня 1925 г. подростки, впервые предлагающие свой труд, должны приниматься на работу наравне с членами профсоюзов. Законодательство о труде особо предусматривает, что к членам профсоюзов приравниваются при приеме на работу также лица, уволенные из Красной армии и флота (при условии регистрации в посреднических органах Народного комиссариата труда (НКТ) в течение года со дня взятия их на учет военным комиссариатом). Необоснованный отказ в приеме на работу является

незаконным и должен обжаловаться в конфликтном порядке, т. е. в народный суд [3, с. 26]. Ориентация *только на работника* при определении гарантий проявляется в науке трудового права и далее в советский период [4, с. 10; 5, с. 30]. В советский период сформировалась позиция, что в законодательстве о труде должно быть закреплено правило о запрете необоснованного отказа физическому лицу в приеме на работу, научная дискуссия заключалась только в вопросе, какой именно орган целесообразно наделить компетенцией по рассмотрению таких трудовых споров: суд, комиссию по трудовым спорам, фабричный, заводской, местный комитет профсоюза, органы прокуратуры или специально создаваемую в таких случаях экспертную комиссию [2, с. 174–176].

В настоящее время необоснованный отказ трактуется как не основанный на законе отказ в приеме на работу лицам, с которыми наниматель обязан на основании законодательства о труде заключить трудовой договор. Запрещение необоснованного отказа отдельным категориям граждан в заключении трудового договора закреплено в ст. 16 ТК [1, с. 989].

Вместе с тем возникает вопрос: может ли работник при обращении в суд с исковым заявлением о признании отказа в приеме на работу незаконным требовать обязать нанимателя заключить с ним трудовой договор? В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде», которое утратило силу в 2023 г., отмечалось, что, признав незаконным отказ в приеме на работу, суд выносит решение, обязывающее нанимателя заключить трудовой договор, устанавливает срок исполнения решения.

Решение суда о возложении на нанимателя обязанности заключить трудовой договор не может затрагивать содержание и условия трудового договора, которые в силу ст. 19 ТК определяются соглашением сторон с соблюдением требований, предусмотренных законодательством о труде. Если в результате отказа или несвоевременного заключения трудового договора работник совершил вынужденный прогул, то его оплата производится исходя из ставки (должностного оклада) работника на работу (должность), в принятии на которую истцу отказано. Во исполнение решения суда наниматель обязан заключить трудовой договор с лицами, приглашенными на работу в порядке перевода, а с другими лицами – со дня обращения к нанимателю с предложением о заключении трудового договора. В постановлении Пленума Верховного Суда № 9 такое указание отсутствует, при этом представляется, что исходя из положений ТК лицо, которому было отказано в заключении трудового договора, может требовать его заключения.

Рассмотрим на примере судебного дела ситуацию, когда наниматель отказал в трудоустройстве работнику, прибывшему по направлению Управления по труду, занятости и социальной защите Брестского горисполкома, а работник в суде оспорил данный отказ (определение судебной коллегии по гражданским делам Брестского областного суда от 27.04.2023 по делу № 13ГИП23106/А/2023).

Управлением по труду, занятости и социальной защите горисполкома 27 октября 2022 г. К. было выдано направление для трудоустройства на

работу в РУП «Б» на должность водителя автомобиля. К. 09 ноября 2022 г. явился к нанимателю с целью трудоустройства на эту указанную должность. Начальник структурного подразделения РУП «Б» отказал К. в приеме на работу, изложив письменно причину отказа на обратной стороне направления для трудоустройства.

В качестве причины отказа в приеме на работу указано, что ранее К. работал в структуре РУП «Б» и был уволен по дискредитирующим обстоятельствам (появление на работе в состоянии алкогольного опьянения). Не согласившись с мотивами отказа в приеме на работу, К. обратился в суд. К. считает данный отказ дискриминацией. Тот факт, что К. был уволен более 10 лет назад за появление на работе в состоянии алкогольного опьянения, не может являться основанием для отказа в приеме на работу.

Несмотря на то, что в указанной ситуации заключение трудового договора с К. являлось правом, а не обязанностью нанимателя, К. считал, что начальником структурного подразделения РУП «Б» были нарушены его права, так как единственным требованием к соискателю на данную вакансию является наличие категории В, С, а также действующей медицинской справки, о чем ему было указано в управлении по труду, занятости и социальной защите горисполкома. К. представил суду медицинскую справку и документы, подтверждающие его квалификацию как водителя.

Суд посчитал отказ в приеме на работу законным по следующим основаниям. Статьей 16 ТК установлен перечень случаев, когда запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора с гражданами. Данный перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. К. не относится к отдельной категории граждан, поименованных в данном перечне, для которых законодательством предусмотрено гарантированное право на труд и обязанность нанимателя заключить с ними трудовой договор. Таким образом, на нанимателя возложена обязанность заключить трудовой договор только с лицами, которые перечислены в ч. 1 ст. 16 ТК, с теми, кому предоставлены особые гарантии, в остальных случаях наниматель вправе отказать в заключении трудового договора по любым мотивам, в целях эффективной деятельности организации наниматель самостоятельно под свою ответственность принимает необходимые кадровые решения.

Выданное истцу направление на работу органом по труду, занятости и социальной защите не является направлением в счет брони, также не было допущено дискриминации, отказ в приеме не имел ограничений в зависимости от пола, расы, национального и социального происхождения, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, возраста, места жительства, недостатков физического или психического характера.

Суд указал, что наниматель вправе при приеме на работу производить отбор тех лиц, которые по своим деловым, квалификационным качествам

подходят для выполнения данной работы. Факт того, что К. работал водителем по гражданско-правовому договору в иной организации, наличие документов, подтверждающих квалификацию водителя, высшего образования, не свидетельствуют о незаконности действий ответчика, выразившихся в отказе приема на работу соискателя на должность водителя. В основу решения ответчиком положены обстоятельства, связанные с деловыми качествами соискателя и обусловленные спецификой трудовой функции водителя. Учтен факт нарушения трудовой дисциплины соискателя (появление на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения), работа водителя связана с риском причинения вреда здоровью работника и другим лицам, повреждения имущества.

По результатам спора о законности отказа в приеме на работу можно сделать вывод: увольнение по дискредитирующим обстоятельствам (появление на работе в состоянии алкогольного опьянения) указывает на деловые качества и может быть основанием для отказа в приеме на работу (и соответственно не является дискриминацией при приеме на работу); наличие вакансии само по себе не обязывает нанимателя принимать соискателя на работу [6].

Вопрос заключается в том, должна ли идти в законодательстве о труде речь об оспаривании отказа в заключении трудового договора и необходимости закрепления положений о запрете необоснованного отказа в заключении трудового договора и средствах, формах, способах, условиях, с помощью которых обеспечивается реальное осуществление прав и свобод нанимателей как участников трудовых и тесно связанных с ними отношений. До сих пор не выработано достаточно четких и общепризнанных критериев определения того, что составляет «обоснованный отказ в заключении трудового договора», нет четкого представления о том, чем определяются «гарантии прав нанимателей при заключении трудового договора».

Список цитированных источников

1. Постатейный комментарий Трудового кодекса Республики Беларусь / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. А. Греченкова. – Минск : РегистрМедиа, 2024. – 1360 с.
2. Балицкий, К. С. Влияние доктрины трудового права на формирование института трудового договора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Балицкий Кирилл Степанович ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2018. – 271 с.
3. Войтинский, И. С. Трудовое право / И. С. Войтинский. – М. : Юрид. изд-во, 1927. – 99 с.
4. Скобелкин, В. Н. Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих / В. Н. Скобелкин. – М. : Юрид. лит., 1969. – 183 с.
5. Бегичев, Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан / Б. К. Бегичев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 243 с.
6. Работник с направлением для трудоустройства: возможен ли отказ в приеме на работу? – URL: <https://sudpraktika.by> (дата обращения: 28.09.2024).

Чичина Е. В.

СВЕРХУРОЧНАЯ РАБОТА: ВОПРОСЫ КОЛЛЕКТИВНО-ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

*Белорусский государственный экономический университет,
Партизанский пр., 26, 220070, г. Минск, Беларусь, chichina.elena@mail.ru*

В Республике Беларусь правовое регулирование сверхурочной работы на законодательном уровне преимущественно сосредоточено в ст. 69, 110, 119–122 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), Указе Президента Республики Беларусь от 21 марта 2024 г. № 105 «О сверхурочной работе и работе в выходные дни в промышленных организациях».

1. Анализ приведенных законодательных актов выявляет лишь один случай прямого указания на возможность коллективно-договорного способа регулирования сверхурочной работы.

В частности, согласно ч. 1 ст. 120 ТК привлечение к сверхурочным работам допускается только с согласия работника, за исключением случаев, предусмотренных ст. 121 ТК, *а также коллективным договором, соглашением*. Иными словами, коллективным договором, соглашением могут устанавливаться случаи, при которых будет возможно привлечение работников к сверхурочным работам без их согласия.

Положения ч. 1 ст. 120 ТК в части коллективно-договорного способа установления случаев, при которых возможно привлечение работников к сверхурочной работе без их согласия, ранее подвергались критике со стороны белорусского научного сообщества. Так, Л. Я. Островский указывает, что «расширение коллективным договором (соглашением) оснований привлечения к обязательным сверхурочным работам, безусловно, девальвирует фундаментальное право работников – право на нормальное рабочее время и право распоряжаться своим свободным от работы временем» и делает вывод, что «из части первой ст. 120 ТК необходимо исключить ссылку на коллективный договор (соглашение), так как в данном случае очевиден элемент принудительного труда, несовместимый с положениями ст. 13 ТК» [1, с. 32].

Действительно, с одной стороны, условия коллективного договора соглашения, устанавливающие случаи, при которых станет возможным привлечение работников к сверхурочным работам без их согласия, требуют анализа сквозь призму нормативных положений как ст. 13 ТК, так и ч. 1 ст. 362 ТК (условия коллективного договора, соглашения, ухудшающие правовое положение работников по сравнению с законодательством, являются недействительными).

С другой стороны, некоторые производственные обстоятельства можно признать не только заслуживающими организационно-управленческого реагирования на локальном уровне, но и имеющими признаки исключительности.

Анализ контекста упоминания термина «исключительные случаи» в международных актах, ТК, ряде зарубежных законодательных актов о труде

позволяет сформировать суждение о критериях исключительности применительно к сверхурочным работам. По нашему мнению, признак исключительности предполагает, во-первых, что случаи носят внезапный (внеплановый, непредвиденный, заранее непредусмотренный характер) и, во-вторых, несут в себе угрозу национальной, общественной или экономической безопасности.

Отметим, что проанализировать содержание всех коллективных договоров и обобщить практику в исследуемой сфере в силу ее локальности не представляется возможным, что, в свою очередь, не позволяет дать объективную оценку социально-экономической обусловленности норм, содержащихся в ч. 1 ст. 120 ТК.

В научно-практической литературе в числе случаев, разрешающих привлечение работников к сверхурочным работам без их согласия на основании коллективного договора, упоминаются: неявка сменщика; необходимость выполнения погрузочно-разгрузочных работ, предотвращения простоя, окончания начатой работы, замены временно отсутствующего работника, предотвращения простоя подразделения [1, с. 32; 2, с. 9]

Бесспорно, что установленные в настоящее время на законодательном уровне (ст. 121 ТК) случаи привлечения работников к сверхурочным работам и обозначаются как исключительные, и таковыми по своим характеристикам являются.

При этом некоторые из известных случаев [1, с. 32; 2, с. 9], которые на локальном уровне согласовываются в коллективно-договорном порядке и включаются в текст коллективного договора на основании ч. 1 ст. 120 ТК, такими характеристиками, по нашему мнению, также обладают, если их рассматривать не в контексте частного интереса отдельно взятого нанимателя, а в макроэкономическом контексте – как потери в масштабе национальной экономики или барьеры в нормальном движении гражданского оборота. Например, такие черты, по нашему мнению, присущи случаю непредвиденной неявки сменяющего работника, когда необходимо продолжить непрерывную работу, а также неотложным ремонтным или погрузочно-разгрузочным работам, если это необходимо для предотвращения простоя.

На основании изложенного предлагаем слова «, а также коллективным договором, соглашением» из ч. 1 ст. 120 ТК исключить и, *при наличии достаточных экономических обоснований*, считаем возможным дополнить ст. 121 ТК новыми случаями, допускающими сверхурочную работу без согласия работников (при необходимости продолжения непрерывной работы, организованной по сменам, – в случае непредвиденной неявки сменяющего работника, с условием принятия нанимателем незамедлительных мер по замене; при производстве экстренных ремонтных и погрузочно-разгрузочных работ, если это необходимо для предотвращения простоя).

Реализация данных предложений позволит: конкретизировать случаи, которые по своей природе имеют исключительный характер и в силу такого свойства схожи со случаями, указанными в ст. 121 ТК; исчерпывающим образом закрепить случаи, при которых работники могут привлекаться

к сверхурочной работе без их согласия, на уровне ТК и исключить коллективно-договорной способ их установления.

2. Минимальный размер доплат за каждый час работы в сверхурочное время устанавливается в ч. 1 ст. 69 ТК. При этом в ч. 2 ст. 69 ТК закрепляется, что конкретный размер доплаты в бюджетных организациях и иных организациях, получающих субсидии, работники которых приравнены по оплате труда к работникам бюджетных организаций, устанавливается Правительством Республики Беларусь, *в иных организациях – трудовым договором и (или) локальным правовым актом*. Обратим внимание, что в приведенной норме нет прямого указания на коллективный договор, соглашение, что, по нашему мнению, требует восполнения по следующим основаниям:

во-первых, в ст. 63 ТК «Формы, системы и размеры оплаты труда» закрепляется, что формы, системы и размеры оплаты труда работников, в том числе стимулирующие (надбавки, премии, бонусы и иные выплаты) и компенсирующие (доплаты в соответствии со статьями 62, 67, 69 и 70 ТК и иные выплаты) выплаты, устанавливаются нанимателем *на основании коллективного договора, соглашения, иных локальных правовых актов и трудового договора*. Сопоставление нормативных положений ч. 1 ст. 63 и ч. 2 ст. 69 ТК выявляет их несогласованность, что требует устранения как минимум с позиции юридической техники;

во-вторых, коллективно-договорной способ установления доплат за сверхурочную работу, полагаем, является наиболее эффективным механизмом выработки такого условия в сравнении с индивидуальным трудовым договором или локальным правовым актом нанимателя. Более того, именно такой способ установления доплат зачастую реализуется на практике. Так, например, Тарифное соглашение между Белорусским профессиональным союзом работников отраслей промышленности «БЕЛПРОФМАШ», Республиканской ассоциацией предприятий промышленности «БелАПП», Министерством промышленности Республики Беларусь, Государственным военно-промышленным комитетом Республики Беларусь содержит согласованное обязательство субъектов социального партнерства в промышленной отрасли компенсировать работу сверх установленной продолжительности путем доплат сверх заработной платы, начисленной за указанное время, работникам со сдельной оплатой труда – не ниже сдельных расценок, работникам с повременной оплатой труда – не ниже часовых тарифных ставок (тарифных окладов). Конкретный размер доплаты устанавливается коллективным договором, локальным правовым актом (п. 3.1.7).

Таким образом, совершенствование социально-партнерского способа регулирования сверхурочной работы, полагаем, может быть осуществлено путем отказа от локального способа установления случаев привлечения работников к сверхурочной работе без их согласия и, напротив, установления коллективно-договорного метода определения компенсаций за работу в сверхурочное время как первоочередного.

Список цитированных источников

1. Островский, Л. Я. Основное и дополнительное рабочее время / Л. Я. Островский // Библиотечка журнала «Юрист». – 2007. – № 8. – 103 с.
2. Фолежинский, А. Организация, ограничения и оплата сверхурочных работ в рамках трудового законодательства / А. Фолежинский, Е. Хомяк // Нормирование и тарификация труда. – 2014. – № 7. – С. 6–13.

Журова Ю. А.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТСТВ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, yuliya.zhurova.2000@mail.ru*

Трансформация общественных отношений, процессы глобализации, развитие информационных технологий – эти и иные факторы оказывают существенное влияние на деятельность общества и государства, затрагивая практически все сферы, в том числе и сферу занятости населения. На сегодняшний день вопросы занятости населения остаются как никогда актуальными, поскольку данная область выступает в качестве показателя развитости экономической сферы, а также уровня благосостояния общества в целом.

В соответствии с положениями Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее – Закон № 125-З) содействие в области занятости населения уполномочены осуществлять ряд субъектов, в том числе и агентства по трудоустройству [1], которые были введены в отечественное законодательство 1 января 2017 г. [2]. Как отмечает Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, на 1 июля 2024 г. в Реестр агентств по трудоустройству включено и осуществляют деятельность 214 агентств, из них 130 юридических лиц и 84 индивидуальных предпринимателя [3]. Анализируя статистику, можем отметить прирост числа таких субъектов. Стоит также обозначить, что планируемые изменения в законодательства в области занятости населения затрагивают также и деятельность агентств по трудоустройству. Ввиду этого и иных обстоятельств агентства по трудоустройству представляют особый интерес и требуют детального рассмотрения и исследования.

В соответствии с положениями ст. 1 Закона № 125-З «агентство по трудоустройству – юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, зарегистрированные на территории Республики Беларусь, оказывающие гражданам услуги по содействию в трудоустройстве и включенные в Реестр агентств по трудоустройству» [1].

Рассматривая перечень услуг, которые могут быть оказаны агентствами по трудоустройству, необходимо отметить, что они не осуществляют наем заемных работников с последующим предоставлением их организациям для выполнения различного рода работ. На сегодняшний день данная

деятельность в Республике Беларусь не урегулирована законодательством и является предметом дискуссий. Необходимость легализации заемного труда, в частности, отмечал К. Л. Томашевский. По его мнению, организации, которые занимаются подбором заемных работников, в Беларуси находятся вне правового поля и по существу вне пристального внимания со стороны государства, а работающие в них заемные работники – без дополнительных трудовых и социальных гарантий [4]. Особый интерес представляет позиция В. В. Подгруши. Она отмечает, что «выход видится не в легализации сложных конструкций, а в совершенствовании действующего трудового законодательства с креном на его либерализацию. Существующая возможность заключения нанимателями разных видов срочных трудовых договоров фактически решает проблему выполнения той или иной работы необходимым специалистом, обеспечивая одновременно защиту трудовых прав работника» [5]. Безусловно, заемный труд на сегодняшний день имеет место в Республике Беларусь и находится вне правового регулирования. Однако, легализация возможности предоставления агентствами по трудоустройству заемного труда, на наш взгляд, должна быть всесторонне рассмотрена с позиции оценки достоинств и недостатков. В случае такой легализации представляется необходимым в первую очередь ужесточить требования, предъявляемые при регистрации агентств по трудоустройству.

Стоит также отметить, что агентства по трудоустройству оказывают услуги только гражданам, с которыми они заключили договор. Взаимодействие с потенциальными нанимателями осуществляется только в части распространения резюме среди таковых, а также при организации собеседования с нанимателем. Вместе с тем в мировой практике сложились модели организации деятельности агентств по трудоустройству, при которой взаимодействие осуществляется и с нанимателями. Это может выражаться, например, в подборе кадров для конкретного нанимателя с учетом их соответствия квалификационным требованиям. На наш взгляд, законодателю Республики Беларусь необходимо рассмотреть вопрос о расширении перечня предоставляемых агентствами по трудоустройству услуг.

Как уже было обозначено ранее, в Республике Беларусь планируются изменения законодательства в области занятости населения, которые затрагивают также и деятельность агентств по трудоустройству. В соответствии со ст. 25 проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам занятости населения» устанавливается обязанность агентств по трудоустройству по ежегодному представлению в Министерство труда и социальной защиты информации об оказываемых услугах. В случае непредставления в установленный срок такой информации агентства по трудоустройству исключаются из Реестра по решению Министерства труда и социальной защиты с 1 февраля текущего года и могут быть повторно включены в Реестр не ранее 1 января года, следующего за годом исключения из Реестра [6]. На наш взгляд, представляется необходимым установить такой вид санкции не только за непредставление сведений, но и за предоставление недостоверных сведений. Необходимо также упомянуть, что это выступает

в качестве единственного основания для исключения из Реестра агентств по трудоустройству. Полагаем необходимым также установить ответственность за предоставление недостоверной информации о наличии у нанимателя свободных рабочих мест, а также за допущение дискриминации в отношении граждан, обратившихся за услугами по содействию в трудоустройстве. Установление ответственности за такие действия будет способствовать повышению эффективности деятельности агентств по трудоустройству, а также защите прав граждан в области занятости.

Важно обозначить и отсутствие в законодательстве квалификационных требований, предъявляемых к работникам агентств по трудоустройству. Наличие такого пробела в законодательстве может в свою очередь привести к возникновению некомпетентных или мошеннических структур, которые могут существенно подорвать доверие граждан к рынку трудоустройства в целом. Ввиду этого, на наш взгляд, видится необходимым установить и стандартизировать требования к работникам агентств по трудоустройству, а также обозначить их права и обязанности.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можем отметить следующее.

1. Агентством по трудоустройству является юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, зарегистрированные на территории Республики Беларусь, оказывающие гражданам услуги по содействию в трудоустройстве и включенные в Реестр агентств по трудоустройству.

2. Рассматривая перечень услуг, которые могут быть оказаны агентствами по трудоустройству, необходимо отметить, что они не осуществляют наем заемных работников с последующим предоставлением их организациям для выполнения различного рода работ. Легализация возможности предоставления агентствами по трудоустройству заемного труда, на наш взгляд, должна быть всесторонне рассмотрена с позиции оценки достоинств и недостатков. В случае такой легализации представляется необходимым в первую очередь ужесточить требования, предъявляемые при регистрации агентств по трудоустройству.

3. В целях совершенствования национального законодательства в области деятельности агентств по трудоустройству, на наш взгляд, представляется необходимым:

1) расширить перечень предоставляемых агентствами по трудоустройству услуг (с включением такой услуги как «подбор кадров для нанимателя с учетом их соответствия квалификационным требованиям»);

2) установить санкции не только за непредставление сведений об оказываемых услугах в Министерство труда и социальной защиты, но и за предоставление недостоверных сведений;

3) закрепить для агентств по трудоустройству ответственность за предоставление недостоверной информации о наличии у нанимателя свободных рабочих мест, а также за допущение дискриминации в отношении граждан, обратившихся за услугами по содействию в трудоустройстве;

4) установить и стандартизировать требования к работникам агентств по трудоустройству, а также обозначить их права и обязанности.

На наш взгляд, предлагаемые изменения белорусского законодательства будут способствовать совершенствованию эффективности деятельности агентств по трудоустройству, устранению пробелов в действующем правовом регулировании, а также обеспечению прав граждан в области занятости населения.

Список цитированных источников

1. О занятости населения Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З : в ред. от 27 дек. 2023 г. № 328-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.08.2024).

2. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2016 г. № 409-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.08.2024).

3. Реестр агентств по трудоустройству // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://mintrud.gov.by/ru/agenstva_po_trudoustroistvu-ru (дата обращения: 28.08.2024).

4. Томашевский, К. Л. Новое в законодательстве о занятости населения (анализ Закона Республики Беларусь от 18.07.2016 № 409-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь»): по состоянию на 07.12.2016 г. / К. Л. Томашевский // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 28.08.2024).

5. Подгруша, В. В. Заемный труд: актуальные проблемы теории и практики : по состоянию на 30.06.2008 г. / В. В. Подгруша // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 28.08.2024).

6. Об изменении законов по вопросам занятости населения // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2024004001/> (дата обращения: 24.08.2024).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ

Бесецкая Н. А.

ПРИНЦИП ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

*Белорусский государственный экономический университет,
Партизанский пр., 26, 220070, г. Минск, Беларусь, besetskaya_n@bseu.by*

В литературе справедливо отмечается, что в отличие от принципа языка уголовного судопроизводства ни на национальном, ни на международном уровне принцип языка гражданского судопроизводства не получил должной разработки [1, с. 9]. Несмотря на довольно стойкий интерес в доктрине к проблемам языка судопроизводства, внимание различных авторов (В. Н. Бибило, Л. Н. Васильева, В. С. Каменков, О. Ю. Кузнецов, И. Э. Мартыненко, В. П. Скобелев, М. К. Юков, В. В. Ярков и др.) по-прежнему концентрируется в основном на аспектах соотношения государственного и национального языка судопроизводства и закрепления его в процессуальном праве, обеспечения равноправия национальных меньшинств в этом вопросе и в целом унификации языка судопроизводства, а также проблемах реализации принципа языка судопроизводства в рамках уголовного процессуального права. Вместе с тем содержание указанного принципа не исчерпывается лишь указанными аспектами, и существенное значение должно отводиться предоставляемым иностранным лицам гарантиям, направленным на реализацию этого принципа, его корреляции с принципом национального режима иностранных лиц, общепризнанным в качестве базового принципа международного гражданского процесса [2; 3; 4, с. 241–255].

В действующем процессуальном законодательстве отсутствует унифицированный подход к закреплению принципа языка судопроизводства применительно к виду судопроизводства. При этом в уголовном процессе процессуальный статус иностранных лиц гарантирован в большей степени [4, с. 255]. Вместе с тем законодатель планомерно добивался подобной унификации в отношении гражданского процессуального и хозяйственного процессуального кодексов, что ему в полной мере удалось.

Так, очень близкие по содержанию нормы о языке судопроизводства закреплены в ст. 16 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и ст. 20 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), но их текст не тождественен. В частности, при закреплении права лиц, участвующих в деле (юридически

заинтересованных в исходе дела лиц), выступать в суде на ином языке, чем язык судопроизводства, в ч. 2 ст. 20 ХПК употребляется выражение «язык, которым они владеют», а в соответствующей норме ч. 2 ст. 16 ГПК уже говорится о «языке, которым они обычно пользуются», что, конечно, с точки зрения буквального толкования не может быть признано однозначным, поскольку можно владеть языком, но в обычной жизни им не пользоваться. Кроме того, и в ч. 3 обеих статей прослеживается различие в применяемой терминологии. В отличие от ГПК, ХПК обязывает суд обеспечивать составление на языке судопроизводства судебных документов, которые суд «в соответствии с законодательством о судопроизводстве в судах, рассматривающих экономические дела, обязан направлять или вручать лицам, участвующим в деле».

При этом в ч. 3 ст. 16 ГПК указывается только на «вручение» судебных документов, в то время как в ч. 3 ст. 20 ХПК – на «направление или вручение», что терминологически более точно. Понятие «направлять» неравнозначно понятию «вручать», но, конечно, не исключает последнее. Так, на практике сложности с толкованием сходных терминов возникли при применении Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. (далее – Конвенция о вручении 1965 г.), в частности, относительно того, допускается ли в соответствии с п. «а» ст. 10 «вручение» судебных документов при использовании почтовых каналов. В практическом руководстве по применению данной конвенции подчеркивается, что термин «посылать» в п. «а» ст. 10 должен толковаться «как относящийся к “вручению” документов по почте» [5]. Однако, строго говоря, Конвенция не устанавливает правил фактического вручения судебных документов, а только – связанные с их передачей от одного государства-участника к другому (кроме прямых дипломатических или консульских каналов, почтовых каналов).

Тем не менее сама самостоятельная ценность анализируемых норм ч. 3 ст. 16 ГПК, ч. 3 ст. 20 ХПК нами ставилась неоднократно под сомнение, поскольку указание в ч. 1 данных статей на осуществление судопроизводства в суде на одном из государственных языков Республики Беларусь обуславливает составление на таких языках всех судебных и иных документов [2, с. 200; 3, с. 62]. По сути, это легализует целенаправленный подход к ограничению гарантий равноправного положения иностранных лиц в угоду следования, в первую очередь, принципу процессуальной экономии. В то же время мог бы быть найден разумный баланс. Необходимость перевода направляемых (вручаемых) судебных и иных документов на иностранный язык отнюдь не означает возложение указанной обязанности исключительно на суд. Например, обеспечение изготовления перевода направляемых за границу искового заявления и прилагаемых к нему документов может быть возложено на лицо, представляющее такие документы в суд, с отнесением расходов по его исполнению к судебным издержкам и в последующем их распределением в общеустановленном порядке.

В Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), вступающем в силу с 1 января 2026 г., сформированный в действующих процессуальных кодексах подход во многом сохранился. В ч. 3 ст. 21 КГС лицам, участвующим в деле, обеспечивается право выступать в суде на «языке, которым они владеют». В соответствии с ч. 4 суд обязан на языке судопроизводства «вручить или направить» лицам, участвующим в деле, судебные документы, если это предусмотрено «в установленном порядке».

Полагаем, в КГС предпринята попытка сформировать единообразный подход к закреплению принципа языка судопроизводства и унифицировать применяемую терминологию. Вместе с тем это существенным образом не отразилось на гарантиях реализации этого принципа в отношении иностранных лиц. Норма ч. 4 ст. 21 КГС, также как и ч. 3 ст. 16 ГПК, ч. 3 ст. 20 ХПК, противоречит ч. 3 ст. 14 Закона Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь», в которой на суд возлагается обязанность вручать судебные документы в переводе на язык, которым владеют лица, принимающие участие в деле, по их требованию, независимо от вида судопроизводства. Отчасти, на наш взгляд, это объясняется нерешенностью другой взаимосвязанной проблемы – кто должен был бы обеспечить перевод на иностранный язык. В нашей стране отсутствует институт официальных или присяжных переводчиков, несмотря на то, что рядом двусторонних договоров о правовой помощи прямо предусматривается необходимость обеспечения перевода направляемых документов официальным переводчиком (например, с Вьетнамом, Италией, Латвией, Польшей).

И такой подход не только в большей степени соответствует стандартам справедливого судебного разбирательства, но и международным обязательствам Республики Беларусь.

Так, большинство многосторонних международных договоров рассматривают соблюдение требования о переводе подлежащих вручению документов на соответствующий иностранный язык в качестве одного из важнейших условий надлежащего извещения иностранных лиц. Например, по Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. вручаемый документ должен быть переведен на язык запрашиваемого государства, по Гаагской конвенции о международном доступе к правосудию 1980 г. запрашивающему государству предоставлено право выбора языка вручаемого документа, но если в запрашивающем государстве невозможно получить перевод на язык запрашиваемого государства, то документы составляются на английском или французском языках, либо сопровождаются переводом на них. Государство вправе изначально определить язык (языки), на который следует переводить документы, направляемые в его центральный орган. Наиболее детально вопрос перевода направляемых судебных документов решен в Конвенции о вручении 1965 г. Так, если документ подлежит вручению в соответствии с ч. 1 ст. 5, то центральному органу предоставлено право требовать составления или перевода документа на официальный язык или один из официальных языков запрашиваемого

государства. В региональных многосторонних международных договорах помимо перевода на государственный язык запрашиваемого государства допускается направление документов на русском языке без их перевода (например, в Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. и др.). В большинстве двусторонних договоров о правовой помощи предусмотрена необходимость обеспечить официальный перевод вручаемых документов на государственный язык запрашиваемого государства.

Таким образом, КГС, к сожалению, не создает надлежащих гарантий принципа языка судопроизводства, поскольку иностранным лицам не будет обеспечено равное положение в процессе. Стремление следовать принципу процессуальной экономии не должно идти вразрез с решением задач хозяйственного судопроизводства. Это обуславливает в дальнейшем необходимость совершенствования соответствующих норм КГС.

Список цитированных источников

1. Алексеева Е. С. Реализация принципа языка гражданского судопроизводства: вопросы теории и практики / Е. С. Алексеева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 6. – С. 9–13.

2. Бесецкая, Н. А. Правовые гарантии процессуального положения иностранных лиц и язык хозяйственного судопроизводства / Н. А. Бесецкая // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия. Д, Экономические и юридические науки. – 2016. – № 14. – С. 199-204.

3. Бесецкая, Н. А. Некоторые аспекты реализации принципа языка гражданского, хозяйственного и арбитражного судопроизводства в Беларуси и России: сравнительно-правовой аспект и вопросы унификации / Н. А. Бесецкая // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 октября 2017 г. / сост. Л. В. Войтович, В. И. Кайнов. – СПб.: ИД «Петрополис», 2017. – С. 43–49.

4. Бесецкая, Н. А. Иностранные лица в хозяйственном процессе: теоретико-прикладной аспект / Н. А. Бесецкая. – Новополоцк, 2015. – 374 с.

5. Практическое руководство по применению Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов / Постоянное бюро Гаагской конференции по международному частному праву. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/T1700000338> (дата обращения: 10.09.2024).

Болохонов Б. С.
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА ГРУППОВЫХ ИСКОВ

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Олешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, Boloxonov_BS@grsu.by*

С 2026 г. в Республике Беларусь вступит в силу новый Кодекс Гражданского судопроизводства (далее – КГС), принятый в начале 2024 г. В рамках унифицированного кодекса граждане и юридические лица получают возможность обратиться в суд с коллективным исковым заявлением. Опыт применения института групповых исков в зарубежных странах показывает, что они эффективны не только для компенсации ущерба пострадавшим, которые самостоятельно не обращались бы в суд, но и для предотвращения будущих нарушений договорных обязательств.

С одной стороны, данный вид производства является новеллой для отечественного цивилистического процессуального законодательства, с другой стороны исторический анализ показывает, что различные элементы коллективного искового заявления уже присутствовали (и присутствуют) в отечественных процессуальных кодексах прошлых лет. В связи с этим считаем целесообразным проанализировать сущность групповых исков, рассмотреть некоторые аспекты формирования данного института и определить место производства по групповым исковым заявлениям в системе видов производств в Республике Беларусь.

С точки зрения Д. Я. Малешина под групповым иском можно понимать определенный процессуальный институт, который позволяет «одному или нескольким лицам подать иск в защиту прав группы лиц, либо неопределенного круга лиц без обязательного их участия в процессе» [1, с. 71]. В. В. Ярков в этом контексте описывает групповой иск как эффективное процессуальное средство, позволяющие «защищать интересы больших групп граждан и организаций, оказавшихся в одинаковой юридико-фактической ситуации, если их права и интересы нарушены общим ответчиком» [2, с. 103].

Как правило, сфера применения групповых исков – корпоративные споры; споры, связанные с осуществлением деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг; споры в сфере защиты окружающей среды; антимонопольные споры; споры, касающиеся оказания медицинских услуг и других сфер [3, с. 95].

Зародился институт коллективных (групповых) исков в странах общего права, что объясняется доктриной совокупностью культурных, социальных, психологических и политических обстоятельств [4, с. 60]. В правовых системах, основанных на прецедентном праве, институт коллективных (групповых) исков доказал свою эффективность в защите интересов широкого круга людей, столкнувшихся с несправедливыми действиями экономически более мощных субъектов даже на уровне не совсем развитых, с точки зрения норм права, государственных формирований.

Ряд авторов указывает, что истоки коллективных исков можно заметить в английской судебной практике. Так, самые ранние примеры группового производства датированы XVI в. и составляют две главные категории – манориальные конфликты между феодалами и вассалами, приходские конфликты между местными жителями и священнослужителями [5, с. 11]. Вместе с тем доктрина сходится во мнении, что коллективные иски в той форме, которую мы знаем сегодня, начали формироваться только после 1833 г., когда в США было принято «Правило справедливости 48» (англ. «Equity Rule 48»), регулировавшее «представительские тяжбы».

М. Семенова отмечает, что принятый в 1833 г. акт фактически решал проблему перегрузки судов однотипными делами, отдельное рассмотрение которых занимало много времени и ресурсов, что приводило к неэффективности работы судов [6, с. 10]. «Equity Rule 48» вводил представительские иски, по правилам которых один или несколько человек могли представлять интересы целой группы лиц, имеющих общие основания для иска. В этом случае суд выносил решение, которое распространялось на всех членов группы, а не только на тех, кто непосредственно участвовал в процессе.

Просуществовав почти восемьдесят лет, «Equity Rule 48» в 1912 г. было преобразовано в «Equity Rule 38», которое стало более гибким и практичным инструментом и заложило основу для Федерального правила гражданского судопроизводства № 23, регулирующего современные коллективные иски в США.

Вместе с тем анализ правового регулирования коллективных (групповых) исков в странах ЕЭАС и СНГ демонстрирует, что данное производство находится в стадии активного развития и только начинает обретать широкое распространение.

Так, институт групповых исков впервые внедрен в арбитражный процесс Российской Федерации в 2009 г. (в этот год Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК) был дополнен главой 28², предоставив право юридическим и физическим лицам на обращение в арбитражный суд в защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов других лиц), а вот в российский гражданский процесс данный институт был введен относительно недавно – в 2019 г., когда Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК) Российской Федерации был дополнен главой 22³ (в это же время глава 28² АПК была также полностью обновлена).

Вместе с тем О. Власова отмечает, что «на протяжении всего периода функционирования института групповых (коллективных) исков доля таких дел от общего числа рассмотренных составляет не более 0,003 %» [7]. Автор указывает, что за весь 2022 г. в российском гражданском процессе было рассмотрено всего 770 групповых исков, в арбитражном процессе и того меньше – 61 групповой иск.

В Республике Казахстан в настоящее время лишь обсуждается идея внедрения института групповых исков. Подготовленный в 2023 г. законопроект «предусматривает право на обращение в суд с иском о возмещении убытков группой лиц, права которых были ущемлены в результате нарушений

субъектом(-ами) рынка законодательства в области защиты конкуренции» [8], и рассматривается законодателем, по сути, как расширение защиты прав потребителей.

Стоит заметить, что цивилистический процесс Кыргызстана, Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана также не содержит положений, определяющих порядок рассмотрения дел по групповым искам. Заметим, что только ГПК Армении содержит нормы, регулирующие производство по групповым (или коллективным) искам.

Анализируя правовую сущность института групповых исков и его правовое закрепление в рамках КГС, стоит заметить, что производство по коллективному исковому заявлению не будет являться самостоятельным видом цивилистического судопроизводства. С нашей точки зрения, самостоятельным видом судопроизводства выступают только группы дел, объединенные общей характерной чертой (в частности, характер правового спора в цивилистических делах). Данное производство обоснованно отнесено отечественным законодателем в подраздел 1 КГС «Исковое производство», в рамках которого закреплены также правила заочного, упрощенного производств, которые, по своей сути, являются разновидностью искового производства [9, с. 290].

Подводя итог, стоит заметить, что нехарактерный для романо-германской правовой системы процессуальный институт со временем, в процессе адаптации к уже сложившимся и успешно функционирующим судебным процедурам начинает постепенно интегрироваться в новую модель цивилистического судопроизводства Республики Беларусь. Насколько успешным будет данный процесс и каковы результаты такой интеграции можно будет судить только после соответствующего анализа судебной и правоприменительной практики.

Список цитированных источников

1. Малешин, Д. Я. Российская модель группового иска / Д. Я. Малешин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 4. – С. 70–87.
2. Ярков, В. В. Групповой иск в проекте единого ГПК России / В. В. Ярков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. – № 8. – С. 102–113.
3. Малешин, Д. Я. Новеллы групповых исков / Д. Я. Малешин // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 94–103.
4. Сутормин, Н. А. Коллективные иски в Европейском союзе: история развития и современное регулирование / Н. А. Сутормин // Журнал ВШЭ по международному праву. – 2024. – № 2 (2). – С. 59–71.
5. Васильева, Т. А. Косвенный иск в цивилистическом процессе (сравнительно-правовое исследование) / Т. А. Васильева. – М.: Статут, 2015. – 160 с.
6. Семенова, М. Взаимодействие российских и европейских философов права в прошлом и в наши дни / М. Семенова, А. Овсянникова // *Annali d'Italia*. – 2021. – № 15-2. – С. 8–11.

7. Институт коллективных исков ждет развития // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru/news/media/institut-kollektivnykh-iskov-zhdet-razvitiya/> (дата обращения: 09.09.2024).

8. Институт коллективных исков: что он даст главным пострадавшим от нечестной конкуренции? // Медиахолдинг «Atameken Business». – URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/institut-kollektivnyh-iskov-cto-on-dast-glavnym-postradavshim-ot-nechestnoj-konkurencii> (дата обращения: 09.09.2024).

9. Болохонов, Б. С. К вопросу о производстве по коллективному исковому заявлению в гражданском процессе Республики Беларусь / Б. С. Болохонов // Исковое производство в гражданском судопроизводстве: проблемы теории, законодательства, судебной практики и обеспечения судебной деятельности : сб. науч. ст. по материалам Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 7 июня 2024 г. / Рос. гос. ун-т правосудия. Северо-Западный филиал ; редкол.: Л. В. Войтович (гл. ред.). – СПб., 2024. – С. 289–294.

Вартанова А. Б.
СПЕЦИАЛИСТ КАК УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Олешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*

Участие специалиста как самостоятельного субъекта судопроизводства предусматривается и Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ГПК) [1] и Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ХПК) [2]. В соответствии со ст. 99 ГПК специалист – это лицо, обладающее познаниями эксперта. В ст. 71 ХПК указано, что специалистом в суде, рассматривающем экономические дела, может выступать лицо, обладающее необходимыми знаниями по соответствующей специальности, дающее консультации по вопросам, имеющим значение для рассмотрения дела. Указанные определения обладают существенными недостатками, в частности, в ГПК понятие «специалист» определяется через другое понятие – «эксперт» и в большей степени указывает на их схожесть, нежели различие, а в ХПК не совсем ясно, какими знаниями должен обладать специалист, каков должен быть уровень знаний специалиста, привлекаемого для участия в деле.

В Кодексе гражданского судопроизводства от 11 марта 2024 г. № 359-З [3] предпринята попытка уточнения понятия специалиста. Согласно ст. 87 Кодекса гражданского судопроизводства специалистом является не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности, привлеченное судом для участия и оказания содействия в производстве процессуальных действий, выяснения вопросов применения норм иностранного права, а также иных вопросов, имеющих значение для рассмотрения дела.

Указанное определение, на наш взгляд, требует корректировки. Как представляется автору, давая определение какого-то явления или в данном случае субъекта, мы прежде всего должны отразить в этом определении те существенные черты, которые свойственны именно ему. Рассмотрим, какими характеристиками обладает специалист, и какие на него возлагаются функции. Как видится, общую функцию содействия правосудию специалист может осуществлять в нескольких формах: путем содействия суду при осуществлении им процессуального действия; путем оказания помощи при разъяснении норм иностранного права; путем оказания консультационно-справочной помощи по специальным вопросам, не требующим проведения исследования; при решении вопроса о необходимости назначения экспертизы; при принятии мер по обеспечению доказательств и др.

При формулировании определения специалиста необходимо указывать на его отличия от эксперта – разница в участии специалиста и эксперта в судопроизводстве заключается в том, что специалист не проводит исследования. Думается, что на это отличие должно быть обращено внимание законодателя при формулировании понятия специалиста.

Кроме того, в законодательстве специалист определяется как «лицо, обладающее специальными знаниями...» и на первый взгляд здесь невозможно усмотреть пробел, однако судебная практика свидетельствует о том, что в качестве специалиста при рассмотрении спора привлекалось юридическое лицо [4]. Обращение к толковым словарям [5] позволяет сделать вывод, что знание – это форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Таким образом, знание, как результат освоения действительности и сам процесс познания, является частью когнитивных функций исключительно человека.

В то же время согласно ч. 1 ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь [6], юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковой законодательным актом. Таким образом, юридическое лицо – это не что иное, как имущество, обособленное для определенной цели и наделенное особыми юридическими свойствами, т. е. правами и обязанностями, характерными для субъекта права. Исходя из правовой природы юридического лица, закономерно можно сделать вывод, что такое свойство, как познавательная деятельность, которая присуща человеку (физическому лицу) у юридического лица отсутствует. Анализ норм Кодекса гражданского судопроизводства, регламентирующий правовой статус специалиста позволяет однозначно утверждать, что специалистом в гражданском судопроизводстве может выступать только физическое лицо.

В аспекте сравнительного правоведения обратимся к гражданским процессуальным кодексам стран СНГ, в которых также предусмотрена возможность привлечения специалистов в гражданском судопроизводстве.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [7] (ст. 188) под специалистом понимается лицо, которое привлекается судом в необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств и для оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества).

Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗРК [8] (ст. 77) закрепляет, что специалистом может быть не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, обладающее специальными знаниями, которое привлекается судом для участия в судебном заседании или процессуальных действиях в целях оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем дачи консультаций (пояснений) и помощи в применении научно-технических средств. Слово «совершеннолетнее» в данном определении указывает на признак физического лица.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан [9] в ст. 61 содержит указание на то, что для участия в судебном заседании или процессуальных действиях в целях оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем дачи консультаций (пояснений) и помощи в применении научно-технических средств судом в качестве специалиста может быть привлечено не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, обладающее специальными знаниями и навыками в области науки, техники, искусства или ремесла.

В Гражданском процессуальном кодексе Туркменистана [10] не содержится определения специалиста как участника процесса, однако в ст. 215 предусмотрена возможность получения консультации специалиста в случаях, не требующих проведения специальных исследований.

Участие специалиста предусмотрено в Гражданском процессуальном кодексе Республики Молдова от 30 мая 2003 г. № 225-XV [11]. В ст. 230 указано, что при осмотре письменных или вещественных доказательств, прослушивании звукозаписей, просмотре видеозаписей, при назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств, а также по вопросам спорного права судебная инстанция своим определением может привлекать по своей инициативе или по заявлению любого участника процесса специалистов в соответствующей области для получения консультаций, пояснений и оказания технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества и т. п.).

В Гражданском процессуальном кодексе Таджикистана от 5 января 2008 г. [12] в ст. 193 указано, что в необходимых случаях при осмотре

письменных или вещественных доказательств, прослушивании звукозаписей, просмотре видеозаписей, при назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества и т.п.).

В целом процессуальные кодексы стран СНГ практически идентичным образом обращают внимание на признаки специалиста. Интересным и наиболее точным как с теоретической, так и с практической точек зрения, нам видится определение специалиста, данное в ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения [13], которая закрепляет что специалист – это имеющее теоретические и прикладные знания физическое лицо, приглашенное в судебное заседание по ходатайству лица, участвующего в деле, для дачи профессиональных разъяснений без предварительных исследований по вопросам, имеющим значение для рассмотрения дела. В качестве специалиста может выступать полностью дееспособное лицо, имеющее соответствующие образование, умения, навыки или опыт, а в предусмотренном законом случае – также квалификацию (разрешение, лицензию, патент и прочее).

Таким образом, с учетом правоприменительной практики и анализа форм участия специалиста в гражданском судопроизводстве предложено уточнить его дефиницию следующим образом: «Специалистом является не заинтересованное в исходе дела физическое лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности, которое привлекается в необходимых случаях для оказания технической помощи при производстве процессуальных действий, а также дачи консультаций по иным вопросам, не требующим проведения специального исследования».

Список цитированных источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27 мая 2021 г. № 113-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.09.2024).

2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 26 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27 мая 2021 г. № 113-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.09.2024).

3. Кодекс гражданского судопроизводства : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 января 2024 г. : одобрен Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.09.2024).

4. Архив экономического суда Минской области. – Дело № 156-6/А/К/К/К/А.

5. Большой энциклопедический словарь. – 2- изд., перераб. и доп. – М. : Норинт, 2004. – 1456 с.

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. № 240-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.09.2024).

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. от 08.08.2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/beb7b7fd9d7c7cee04bded05f52a9e884c0efc52/ (дата обращения: 10.09.2024).

8. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК (с изм. от 20.08.2024 г.). – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377#z77> (дата обращения: 10.09.2024).

9. Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 января 2018 г. – URL: <https://lex.uz/docs/3517334#3517625> (дата обращения: 10.09.2024).

10. Гражданский процессуальный кодекс Туркменистана (с изм. и доп. по состоянию на 30.03.2024 г.). – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33709026#pos=6&sdoc_pos=80 (дата обращения: 10.09.2024).

11. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30 мая 2003 г. № 225-XV (с изм. и доп. по состоянию на 31.07.2024 г. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397949#pos=2115 (дата обращения: 10.09.2024).

12. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 г. (с изм. и доп. по состоянию на 03.01.2024 г.). – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30410757#pos=1251 (дата обращения: 10.09.2024).

13. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 09.02.2018 г. – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus#6a> (дата обращения: 10.09.2024).

Делибозоглова В. В.

ОБ ОСНОВАНИЯХ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В СВОДНОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, deli.valya@mail.ru*

Множественность лиц, занимающих позицию стороны, в исполнительном производстве может возникать как следствие множественности лиц на позиции стороны при рассмотрении дела в суде (*например, при взыскании алиментов одновременно на нескольких детей, выселении нескольких лиц из одного жилого помещения*) либо же вне такой связи. Кроме того, в исполнительном производстве возможна как множественность лиц на позиции стороны в широком смысле, так и соучастие как ее вид.

Е. В. Васьковский отмечал, что соучастие может быть материальным либо же формальным. По мнению ученого, о материальном соучастии следует вести речь: 1) при тождестве фактического основания иска («если право или обязанность, составляющие предмет спора, проистекают из одного и того же основания»), 2) при тождестве юридического основания иска («если несколько лиц имеют на предмет спора общее право»), – а о формальном, если имеется однородность оснований и предметов исковых требований. В. Ф. Васьковский указывал, что необходимое соучастие возможно лишь при материальном соучастии [1, с. 319–320].

Сходную позицию в дальнейшем занял А. Ф. Козлов, который писал, что «имеются два вида оснований возникновения процессуального соучастия: материально-правовые и процессуально-правовые. Первые связаны с сущностью разрешаемого судом спора о праве, поскольку им затрагиваются интересы многих лиц. К данному виду относится принадлежность спорного права нескольким лицам, наличие у них общих, долевых, дополнительных обязанностей. Иными по природе являются процессуально-правовые основания. Они образуются в результате процессуальных условий рассмотрения отдельных дел, которые позволяют объединить дела в одно производство, что влечет множественность лиц на стороне истца, ответчика. Основаниями объединения дел, а следовательно, основаниями соучастия могут являться: однородность исковых требований, связь оснований исков к одному и тому же субъекту и т. д.»¹ [2, с. 68].

Полагаем, что возникновение множественности лиц на позиции стороны исполнительного производства определяется взаимным влиянием процедур исполнения нескольких требований. Представляется, что такое влияние может предполагаться как в случаях множественности лиц в материальном правоотношении, так и в иных.

В случаях множественности лиц в материальном правоотношении, по которому предоставляется защита юрисдикционным актом (актами), на стороне кредитора или должника, соучастие может возникать при рассмотрении дела в суде. В то же время необходимо принять во внимание, что при множественности лиц на стороне спорного материального правоотношения процессуальная множественность лиц в суде возникает не всегда. В частности, требования в случаях наличия в материальном правоотношении общего права, долевого права (обязанности), солидарного права (обязанности) могут рассматриваться в суде раздельно.

Соответственно, при множественности лиц в материальном правоотношении, по которому предоставляется защита юрисдикционным актом (актами), на стороне кредитора и (или) должника, как представляется, правила исполнительного производства должны дифференцироваться *в зависимости от того, каков ее характер и отражена ли множественность в исполнительном документе.*

¹Отметим, что А. Ф. Козлов не дифференцировал соучастие и иные виды множественности лиц, занимающих положение стороны в гражданском процессе.

Если множественность лиц, занимающих положение стороны (в том числе соучастие), отражена в юрисдикционном акте, и как следствие, в исполнительном документе, то вопрос необходимости ведения исполнительного производства с множественностью лиц на позиции стороны в таких случаях не должен решаться судебным исполнителем.

Представляется, что в большинстве случаев речь будет идти об обязательном соучастии в установительных производствах с общими обязанностями (правами) в рамках материального правоотношения. Однако множественность лиц на позиции стороны спорного материального правоотношения не всегда приводит к возникновению соучастия при рассмотрении дела в суде. В таких случаях решение о ведении исполнительного производства с множественностью лиц на позиции стороны должно приниматься судебным исполнителем, а в законодательстве об исполнительном производстве должны быть определены критерии объединения требований для совместного ведения исполнительных производств или предусмотрены конкретные случаи, когда необходимо или допустимо такое совместное исполнение требований.

В случаях взаимного влияния исполнения требований, не связанных с множественностью лиц в материальном правоотношении, вопрос о ведении исполнительного производства с множественностью лиц на позиции стороны, а именно об объединении нескольких исполнительных производств для совместного ведения, должен относиться к компетенции судебного исполнителя и необходимо детально определить критерии, которыми должен руководствоваться судебный исполнитель при объединении требований для их совместного исполнения.

Так, основаниями для объединения исполнительных производств в сводное исполнительное производство могут быть:

- процессуальная экономия;
- взаимное влияние ведения независимо возникших исполнительных производств друг на друга.

Примером проявления процессуальной экономии могут быть требования о выселении нескольких лиц, не связанных родственными отношениями, из одного жилого помещения. При объединении исполнительных производств судебный исполнитель выходит на место меньшее количество раз, чем это пришлось бы делать по отдельным исполнительным производствам. По этой причине, несмотря на то, что законодатель не предусматривает ведение сводного исполнительного производства в таких случаях, они ведутся как исполнительные производства «в одни руки», т. е. одним судебным исполнителем именно для обеспечения процессуальной экономии.

По требованиям о взыскании денежных средств в составе сводного производства процессуальная экономия проявляется в возможности однократного применения обеспечительных мер, возможности однократной оценки имущества, передаваемого на реализацию, и т. п.

Взаимное влияние ведения независимо возникших исполнительных производств друг на друга проявляется, в частности, по требованиям о

взыскании денежных средств при недостаточности имущества должника для полного удовлетворения требований, например, в правилах о пропорциональном распределении денежных средств по требованиям первой и второй очереди, а также по требованиям кредиторов при последующей множественности (ч. 2 и 4 ст. 122 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» [3]).

Соучастие классически может быть факультативным или обязательным (при изучении конкретных требований исполнительных документов, на основании которых были возбуждены исполнительные производства, представляется, что исполнительному производству в большей степени присуще факультативное соучастие, например, *при общей обязанности супругов, долевой обязанности и др.*).

По мнению В. В. Яркова, «в отличие от правил судебного процесса в исполнительном производстве соучастие не подразделяется на обязательное и факультативное, поскольку оно всегда имеет обязательный характер в силу подтверждения в исполнительном документе принадлежности права нескольким взыскателям либо возложения обязанности на нескольких должников» [4, с. 84; 5, с. 144].

Необходимо отметить, что обязательное соучастие возникает – при невозможности ведения исполнительного производства в случае отсутствия одного из соучастников.

Иная множественность лиц на позиции стороны возникает при солидарной ответственности должников, а также при ведении сводного исполнительного производства.

При наличии иной множественности лиц на позиции стороны считаем целесообразным в постановлении о возбуждении исполнительного производства совершать отметку о наличии иных исполнительных производств в отношении должника путем внесения изменений в АИС ПриС (так как зачастую стороны не осведомлены о том, что имеются на исполнении иные исполнительные производства).

По основанию возникновения можно выделить следующие виды множественности в исполнительном производстве:

– *множественность лиц, занимающих положение стороны в исполнительном производстве, обусловленная множественностью лиц в материально-правовом отношении;*

– *множественность лиц, занимающих положение стороны в исполнительном производстве, обусловленная иными обстоятельствами, связанными с процессуальной экономией.*

При этом множественность на позиции стороны исполнительного производства как результат множественности в материальном правоотношении может уже возникать как при рассмотрении дела судом (и тогда может быть отражена в исполнительном документе), так и после возбуждения исполнительного производства, в первую очередь вследствие перехода прав или обязанностей к нескольким лицам при правопреемстве.

Список цитированных источников

1. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский ; под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 464 с.
2. Советский гражданский процесс / отв ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семенов. – М.: Юрид. лит., 1978. – 431 с.
3. Об исполнительном производстве : Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.09.2024).
4. Исполнительное производство : учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Ярков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2023. – 558 с.
5. Ярков, В. В. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» и к Федеральному закону «О судебных приставах» / В. В. Ярков. – М. : Юрист, 2001. – 384 с.

Князькин С. И.

ЗНАЧЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СПОРА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

*Российский государственный университет правосудия,
ул. Новочерёмушкинская, 69, 117418, г. Москва, Россия, knyazkin-sergei@mail.ru*

Проблематика, связанная с условиями справедливого судебного разбирательства и справедливого разрешения судом спора, занимает одно из центральных мест в мировой и отечественной правовой науке. Этот комплекс проблем, несмотря на его прямую связь с правовой идеологией гражданского судопроизводства, выходит далеко за рамки отрасли процессуального права.

Следует отметить, что под справедливостью судебного решения понимается его адекватность характеру спорного правоотношения, поведению его участников, подлежащему оценке на предмет их вклада в возникновение конфликта, и его последствиям.

Справедливость является отражением текущих представлений общества о морали и нравственности, а потому включает в себя аксиологический аспект. С другой стороны, справедливость представляет собой правовую категорию по той причине, что имманентно присуща правосудию в силу ее использования для определения судом прав и обязанностей участников спора. Такое понимание находит свое воплощение на нормативном уровне, на котором справедливость выступает в качестве принципа судопроизводства. Речь идет о Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Отсутствие нормативного закрепления категории справедливости в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь не отрицает такого требования к судебным актам в силу природной свойственности правосудию справедливости.

Одним из элементов проблематики, связанной с принятием судом справедливого решения, является соотношение фактического и правового компонентов спора. Решение этой проблемы позволяет прийти к выводу о том, что является источником правовой меры судебного решения в контексте его справедливости: норма права или фактические обстоятельства дела.

Необходимо отметить, что известные процессуальные гарантии в лице обеспечения участия сторон и других заинтересованных лиц в разбирательстве дела, реализация ими всего комплекса процессуальных прав, направленных на формирование полноты фактуры спора, а также корреспондирующие этим правам обязанности суда выступают предпосылками принятия судом справедливого решения. Полнота фактического компонента спора требует использования судом таких мер объема прав, обязанностей и ответственности, которые наиболее адекватны спору.

В связи с этим для справедливого разрешения дела значение представляет не только обеспечение процессуальных гарантий судебного разбирательства, но его справедливый результат. Следует повториться, что важна не только процессуальная, но и содержательная, т. е. материально-правовая справедливость. Именно она понимается под правомерностью судебного акта.

Далее следует определиться с тем, что является приоритетным источником правовой меры судебного акта: норма права, регулирующая спорные правоотношения, или фактические обстоятельства дела.

Чествуя 50-летие кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета, нельзя обойти стороной основателя белорусской школы гражданского процесса Сергея Васильевича Курылёва. Он поднимал проблему соотношения конкретных обстоятельств дела и норм советского права более полувека тому назад [1, с. 195–214]. Значение самого факта обращения С. В. Курылёва к этой проблеме и выводы, которые были им сделаны в середине XX в., трудно переоценить по многим причинам.

Одной из них является историческая эпоха, в которой жил и трудился Сергей Васильевич. В условиях господства юридического позитивизма и постановки в качестве цели судопроизводства обеспечение социалистической законности С. В. Курылёв пришел к важному выводу о возможности и необходимости ее поиска даже через законы и другие правовые акты.

Выходы к справедливости через законность исследователь находил в возможности такого применения советского закона, которое позволяет обеспечить справедливость [2, с. 588].

Такая постановка проблемы сохранила свою актуальность и в современный период. Несмотря на закрепление справедливости судопроизводства в качестве принципа, законодатель в качестве первого требования к судебному решению предъявляет законность и только после него требование, связанное с фактическим компонентом спора в лице обоснованности.

Трудно согласиться с мнением в той части, в которой правоприменительному органу, коим является суд, в вопросе принятия справедливого решения предлагается ждать от законодателя соответствующего волевого решения [2, с. 566].

Поскольку суд имеет дело с социальным конфликтом в заданном месте и в заданное время, то отсутствует возможность отсрочить разрешение спора даже путем приостановления производства по делу. Такое положение суда предполагает его управомоченность как на самостоятельную квалификацию нарушенного субъективного права, так и на самостоятельное определение искомой меры регулирования спорного правоотношения в части прав и обязанностей его участников.

Общественное правосознание, а если утверждать шире, – общественные ценности облечены в закон. И таким законом является не только межотраслевой или отраслевой регулятор общественных отношений, но и основополагающий правовой акт в лице национальной Конституции.

Совокупность обстоятельств, в том числе смягчающих и отягчающих вину нарушителя субъективного гражданского права, формирует индивидуальные особенности конкретного дела. Основываясь на них, суд может принять единственное правильное решение.

Продолжая данную идею, рационально сделать два вывода. Первый состоит в том, что совокупность индивидуальных обстоятельств конкретного дела, где, конечно, присутствуют и устойчивые обстоятельства, которым уже дана типовая оценка в законе, предопределяет их индивидуальную судебную оценку. В свою очередь, эта оценка является основой для определения индивидуальной меры регулирования спора как средства принятия единственно возможного, т. е. справедливого судебного решения. С другой стороны, конкретность справедливости судебного решения определяется уникальными особенностями каждого конкретного дела, поэтому она, как и само дело, может быть не типовой, а только индивидуальной.

Второй вывод заключается в том, что полное совпадение гипотезы и диспозиции нормы права с фактическим компонентом спора наблюдается чрезвычайно редко. Речь идет о тех случаях, когда индивидуальные обстоятельства дела минимальны, а потому суд в определении правовой меры судебного решения полагается только на закон. В подавляющем большинстве разрешаемых споров предполагается необходимость, во-первых, поиска регуляторов правоотношений, адекватных спору, а во-вторых, определение судом искомой меры урегулирования конфликта.

Эта мера по своей природе является сложной. Она может включать не только ту меру, которая уже описана в правовом акте, но и ту меру, которая не закреплена в законе, но которая следует из целей законодательного регулирования, конституционных ценностей общества, и которую суд определил самостоятельно, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Суд может прибегнуть к мерам распределения прав и обязанностей, мерам ответственности, принадлежащим к другим отраслям права. И, напротив, не применить меры, прямо закрепленные нормами материального

права, к которому относится разрешаемый спор, если с очевидностью сделан вывод об их неадекватности индивидуальным обстоятельствам конкретного дела.

Например, конкуренция приказного и искового производства не может завершаться не в пользу взыскателя (истца) по делам о взыскании алиментов только по причине истечения общего трехлетнего срока исковой давности [3], в противном случае по формальным причинам мать несовершеннолетнего ребенка остается без средств к его обеспечению. Эта правовая ситуация является наглядным примером отражения нравственных ценностей общества в судебной практике, что еще раз подтверждает не только правовой, но и аксиологический характер справедливости как требования к судебному решению.

Обязанность поиска судом адекватного спору регулятора правоотношений, выбор среди всех регуляторов тех, которые содержат наиболее адекватную меру итогового распределения между участниками разбирательства дела прав и обязанностей, право суда самостоятельно определить искомую меру свидетельствуют о том, что закон по своей природе является лишь инструментом на пути принятия справедливого судебного решения. Инструментом, который применяется к фактическому компоненту спора, определяющему требуемую меру его разрешения.

В связи с этим противопоставление факта и позитивного права как причины и следствия контрпродуктивно во всем цивилистическом процессе. Наиболее выпукло это противопоставление наблюдается в судебной проверочной деятельности, где первая и апелляционная инстанция разрешают спор в неразрывном единстве факта и позитивного права. В то время как третья и, возможно, четвертая судебные инстанции (в зависимости от структуры национальной судебной системы) сепарируют свою процессуальную деятельность от той части дела, которая позволяет определить правовую меру судебного решения.

Формирование такого разделения процессуальных полномочий происходило в прежние и относительно давние исторические периоды, когда закон признавался и самодостаточным регулятором общественных отношений, и объектом судебной защиты, и единственным источником правомерности судебного акта.

В тех условиях рассчитывать на справедливость могли лишь те заинтересованные лица, фактический состав спора которых полностью совпадал с гипотезой, диспозицией и санкцией действовавших тогда норм права, регулирующих спорные отношения.

Трудно не согласиться с мнением о том, что абсолютно определенная гипотеза нормы права лучше относительно определенной в той части, в которой первая приводит конкретное описание потенциально спорной жизненной ситуации и конкретные меры ее разрешения, изложенные в санкции нормы права [2, с. 580].

Однако ситуации полного совпадения описания конфликта и способа его разрешения с конкретным делом в правоприменительной практике

встречаются крайне редко. Причина тому тривиальна и аксиоматична: темпы развития общественных отношений объективно опережают темпы творческой деятельности по формированию позитивных регуляторов данных отношений.

В подавляющем большинстве случаев суд вынужден отыскивать такой регулятор спорных правоотношений, который с наибольшей адекватностью восстановит нарушенное право и обеспечит справедливость с учетом неустойчивых индивидуальных особенностей разрешаемого спора. Отсутствие искомого институционального, отраслевого или межотраслевого регулятора предполагает обращение суда к правовым актам высшей юридической силы для учета законодательных целей и самостоятельного определения меры прав, обязанностей и ответственности, требуемой для принятия справедливого решения.

Косвенным подтверждением вывода о том, что источником правовой меры судебного решения является не столько норма права, сколько единство всей полноты собранных доказательств и фактических обстоятельств дела и их судебная оценка, является практика Конституционного Суда Российской Федерации. Данный судебный орган достаточно редко приходит к выводу о противоречии той или иной нормы права Конституции России. Причина такого подхода состоит не только в стремлении избежать негативных последствий в лице так называемого правового вакуума.

Все объясняется указанием судебной системе на приоритет работы с фактическим компонентом спора. В свою очередь регулятор правоотношений в его романо-германском понимании выступает лишь инструментом обеспечения справедливого решения. Пригодность такого инструмента для разрешения спора призван определять суд.

Список цитированных источников

1. Курылёв С. В. Значение конкретных обстоятельств дела для применения норм советского права / С. В. Курылёв // Труды Иркутского ун-та, т. 39, серия юридическая, вып. 7, ч. 2. – Иркутск, 1965. – С. 195–214.

2. Курылёв С. В. Избранные труды / С. В. Курылёв. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. – 607 с. – (Наследие права).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.11.2023 № 53-П «По делу о проверке конституционности статьи 129, части первой статьи 331, пункта 3 части первой статьи 379.1, части первой статьи 379.2 и пункта 6 части первой статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. П. Хомутиной». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462338/ (дата обращения: 08.10.2024).

Корень Т. А.
О КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И БАНКРОТСТВА

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилев, Беларусь, koren@msu.by*

В свете принципиальных изменений правового регулирования несостоятельности и банкротства в Республике Беларусь и в связи с принятием Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 17 марта 2024 г. № 359-З, вступающего в силу 01.01.2026, новым «банкротным» Законом Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» от 13 декабря 2022 г. № 227-З (далее – Закон 2022 г.) представляется актуальным провести классификацию судебных дел, так или иначе связанных с несостоятельностью и банкротством.

1. В обозначенной сфере согласно законодательству Республики Беларусь представляется возможным выделить следующие виды основных дел: реабилитационные дела (дела о несостоятельности) и ликвидационные дела (дела о банкротстве).

Согласно Закону Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 13 июля 2012 г. № 415-З (далее – Закон 2012 г.) экономический суд возбуждал «одноименное» дело – дело об экономической несостоятельности (банкротстве). Новеллой Закона 2022 г. стало разделение дел рассматриваемой категории на два вида на основании заявляемого в суд требования: о признании должника несостоятельным и о признании должника банкротом. Указанное законодательное разделение судебных дел не носит технического характера и обусловлено специфическими, в том числе процессуальными особенностями.

Особенностью дел о несостоятельности на стадии возбуждения производства является процессуально предоставленная возможность обращения в суд с заявлением только должника – юридического лица (ст. 19, 21–22 Закона 2022 г.). Вместе с тем инициатором возбуждения производства по делу о банкротстве может быть как должник (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель), так и кредитор, в том числе налоговые органы, органы Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, таможенные органы, а также прокурор, орган финансовых расследований Комитета государственного контроля (ст. 19, 23–30 Закона 2022 г.). Рассматриваемые виды дел отличаются применяемыми процедурами после завершения конкурсного производства и их целью.

С 01.10.2023, даты вступления в законную силу Закона 2022 г., временно представляет интерес разделение дел на дела, возбужденные на основании Закона 2022 г., коих по данным Верховного Суда Республики Беларусь на 01.09.2024 в экономических судах рассматривается 362, и дела об экономической несостоятельности (банкротстве), возбужденные до

01.10.2023, рассматриваемые в порядке, предусмотренном Законом 2012 г., которых на 01.09.2024 в экономических судах 87.

2. Следующую группу составляют дела по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством, рассматриваемые экономическим судом, с участием должника. Анализ норм раздела II Закона 2022 г. «Судебный порядок рассмотрения дел о несостоятельности или банкротстве» позволяет прийти к выводу о том, что к ним относятся дела: о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, виновных в наступлении банкротства (ст. 9 Закона 2022 г.), о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов по жалобе на решения, действия (бездействие) управляющего (ст. 58 Закона 2022 г.); о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов (ст. 66 Закона); о требовании кредитора (ст. 73 Закона 2022 г.); об исключении имущества из состава имущества должника (ст. 83 Закона 2022 г.); о признании недействительной сделки должника (ст. 86 и 87 Закона 2022 г.); о взыскании долга, уплаченного должником (ст. 88 Закона 2022 г.); о признании торгов недействительными (ст. 91 Закона 2022 г.); об истребовании имущества должника у третьих лиц, о расторжении договоров, заключенных должником, о взыскании дебиторской задолженности (ст. 78 и 79 Закона 2022 г.).

Новеллой является установление для перечисленных выше дел подсудности по месту рассмотрения дела о несостоятельности или банкротстве. Согласно Закону 2012 г. заявления о защите требования кредитора, о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов, жалобы на решения, действия (бездействие) управляющего рассматривались в рамках единого дела об экономической несостоятельности (банкротстве). Новшеством Закона 2022 г. также стало введение рассмотрения указанных выше требований в самостоятельном судебном деле.

Системный анализ норм Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК), Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII и иных нормативных правовых актов, а также судебной практики показывает, что к рассматриваемому виду дел целесообразно, по мнению автора, отнести дополнительно к вышеуказанным дела об установлении факта ничтожности сделки, о признании сделки недействительной по основаниям, предусмотренным ГК и иными нормами законодательства помимо Закона 2022 г., о применении правовых последствий недействительности сделки.

3. Третью группу составляют дела по спорам с участием должника, вытекающим из трудовых и связанных с ними отношений, иных споров, не отнесенных законом к компетенции судов, рассматривающих экономические дела. Такие дела подлежат рассмотрению в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З. Особенностью таких дел является возможность предъявить иск в суд к ответчику-должнику в отличие от общего правила по хозяйственным спорам о том, что требования к должнику предъявляются не в суд, а антикризисному управляющему. К разновидностям таких споров

относятся дела о взыскании невыплаченной заработной платы, премии, надбавки и т. п., о восстановлении на работе незаконно уволенного работника и оплате за время вынужденного прогула и др.

Дела о несостоятельности или банкротстве, рассматриваемые с учетом специальных норм раздела IV Закона 2022 г., в свою очередь также возможно разделить на виды в зависимости от особого статуса или специальной правосубъектности должника: дела, возбужденные в отношении банков, индивидуальных предпринимателей, сельскохозяйственных предприятий, градообразующих предприятий и др.

Интерес с точки зрения хозяйственного процесса представляет классификация дел о несостоятельности и банкротстве в зависимости от наличия либо отсутствия иностранного элемента или признаков трансграничного банкротства (иностранного собственника (участника, учредителя), иностранного дебитора, наличия имущества должника за рубежом и др.).

В качестве критериев классификации при обобщении основных дел могут быть учтены факты рассмотрения дел с соблюдением процессуальных сроков или с их превышением, с применением обеспечительных мер (арест на имущество должника – индивидуального предпринимателя, временное ограничение выезда за пределы Республики Беларусь определенных физических лиц) либо без, с назначением судебной экспертизы (например, плана санации) либо без, с приостановлением производства по делу, отложением либо без, др.

Относительно дел о банкротстве дополнительно отметим следующее. Как видится, дела о банкротстве в зависимости от инициатора возбуждения производства по делу возможно разделить на дела, возбужденные по заявлению должника, кредитора(-ов), прокурора, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, представителя работников должника.

В зависимости от применяемого судом порядка рассмотрения дела о банкротстве можно выделить дела, рассматриваемые по стандартной процедуре, и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке, предусмотренном главой V Закона 2022 г., в отношении ликвидируемых юридических лиц и отсутствующих должников.

В заключение отметим, что проведенная классификация не является исчерпывающей, по иным основаниям она может быть дополнена. Результаты проведенного исследования могут быть учтены при выборе критериев судебной статистики, использованы при обобщении судебной практики, подготовке постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по делам о несостоятельности и банкротстве, могут быть основой для дальнейших научных исследований в области судебного рассмотрения дел в сфере урегулирования неплатежеспособности.

Никонова Н. Н.
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ
ДЕЛ О ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 137
ЖИЛИЩНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nikanava_nataliya@bsu.by*

1. В 2012 г. в Жилищном кодексе Республики Беларусь (далее – ЖК) появились меры, позволяющие влиять на злостных неплательщиков за жилищно-коммунальные услуги и электроэнергию (далее – ЖКУ) и нарушителей правил пользования жилыми помещениями, – понуждение к принудительному возмездному отчуждению жилого помещения и принудительное отчуждение жилого помещения (доли в праве собственности на него) с торгов. Сначала к норме ст. 137 ЖК отнеслись с осторожностью, однако в последующем она стала широко применяться: в банке данных «Общедоступный электронный банк судебных решений» по состоянию на 15 мая 2024 г. имелось более ста соответствующих постановлений судов первой инстанции [1]. Более 99 % опубликованных казусов относятся к случаям неоплаты ЖКУ, попытки применения ст. 137 ЖК к нарушителям правил пользования жилыми помещениями единичны [см., напр., 2].

Дела о понуждении к отчуждению жилого помещения неплательщика ЖКУ и лица, нарушающего правила пользования жилыми помещениями, образуют две достаточно самостоятельные подкатегории, существенно различающиеся по основаниям применения отчуждения жилого помещения и, как следствие, по предмету доказывания.

2. Для защиты от неплательщиков и нарушителей правил пользования жилыми помещениями в ст. 137 ЖК закреплен публично-правовой механизм, где в рамках выполнения функции по контролю за соблюдением жилищного законодательства, в том числе за эксплуатацией жилищного фонда (абз. 2 п. 2 ст. 9 ЖК), местные исполнительные и распорядительные органы как истцы получили возможность обращаться в суд.

Однако следует помнить, что фактически при использовании ст. 137 ЖК защита предоставляется участникам частноправовых отношений. Так, если ст. 137 ЖК применяется к неплательщику ЖКУ, то защита предоставляется стороне договора на оказание ЖКУ либо договора энергоснабжения – исполнителю, для которого первоочередными являются способы защиты, вытекающие из договорных отношений: взыскание задолженности, взыскание неустойки. В большинстве случаев исполнителем является организация государственной формы собственности. Если ст. 137 ЖК применяется к лицу, нарушающему правила пользования жилыми помещениями, то защита фактически предоставляется участникам абсолютных правоотношений – соседям нарушителя, которые являются собственниками своих жилых помещений либо владеют ими по иным основаниям. Лица, являющиеся соседями нарушителя, могут использовать

частноправовые способы защиты, вытекающие из абсолютных отношений, в частности, негаторный иск (однако правила исполнения решений по негаторным искам (ст. 114 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве»)) таковы, что исполнение во многих случаях неэффективно), а также иные публично-правовые механизмы защиты, например, привлечение нарушителя к административной ответственности.

Использование публично-правового механизма защиты имеет как положительные, так и отрицательные моменты. К положительным следует отнести кардинальное разрешение ситуации, а при применении ст. 137 ЖК к нарушителям правил пользования жилыми помещениями – меньшую вовлеченность в конфликт собственников (владельцев) соседних жилых помещений. К недостаткам – невозможность использования для ответчика-неплательщика такого средства защиты, как встречный иск, а также невозможность использовать некоторые виды возражений, основанных на договоре, например, возражения об истечении срока исковой давности, невозможность заявления должником ходатайства о снижении размера неустойки (ст. 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь). С учетом отрицательных моментов для неплательщика полагаем, что использование публично-правового механизма взыскания задолженности по ст. 137 ЖК должно следовать за использованием частногоправового механизма взыскания долга для предоставления потребителю ЖКУ возможности оспаривания наличия задолженности, ее размера, возможности принудительного взыскания.

Отметим, что применение ст. 137 ЖК к неплательщикам ЖКУ – способ обхода имущественного иммунитета единственного жилого помещения должника по требованиям о взыскании денежных средств, установленного п. 1 приложения к Закону «Об исполнительном производстве». Установление такого иммунитета – гарантия конституционного права на жилище (ст. 48 Конституции Республики Беларусь). Предполагается, что применение ст. 137 ЖК не лишает гражданина права на жилое помещение: он либо сам приобретает себе новое за счет средств от возмездного отчуждения, либо при отчуждении жилого помещения с торгов новое жилое помещение предоставляется местным исполнительным и распорядительным органом.

3. Ввиду того, что требования о применении ст. 137 ЖК в отношении неплательщиков ЖКУ более распространены, остановимся на некоторых проблемах их рассмотрения.

Совокупность оснований для понуждения к отчуждению жилого помещения неплательщика ЖКУ определены в п. 2 ст. 137 ЖК. К ним относятся: 1) наличие задолженности за ЖКУ в течение 6 месяцев (размер такой задолженности может как нарастать, так и оставаться неизменным, образовавшись, например, в результате однократной неоплаты); 2) письменное предупреждение собственника местным исполнительным и распорядительным органом о необходимости погасить задолженность; 3) истечение 1 месяца с момента получения собственником жилого

помещения извещения; 4) отсутствие *возможности* погашения долга за счет иного, чем жилое помещение, имущества. С последним юридическим фактом связано в практике рассмотрения требований о применении ст. 137 ЖК к неплательщикам наибольшее количество проблем. В ряде случаев как истцы, так и суд игнорируют наличие такого юридического факта в юридическом составе, необходимом для понуждения к возмездному отчуждению. Полагаем также, что отсутствие *возможности* погашения долга за счет иного имущества может быть установлено только после использования механизма исполнительного производства для ее (задолженности) взыскания. Поясним. В силу принципа состязательности бремя доказывания оснований иска по общему правилу лежит на истце. Каких-либо исключений для данного случая (например, презумпций, влияющих на перераспределение бремени доказывания) для данного случая не установлено. Истец может попросить у суда содействия в истребовании доказательств, самостоятельное предоставление которых для него невозможно (ст. 179 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК)). Однако такое доказательство *уже* должно существовать на момент рассмотрения дела. С использованием ст. 179 ГПК может быть получена информация об отсутствии у должника денежных средств на счетах и во вкладах и имущества, подлежащего регистрации (недвижимого имущества, механических транспортных средств, маломерных водных судов и т. п.), а также о неполучении должником заработной платы и иных выплат, приравненных к ней (в данном случае речь идет о таком виде имущества должника, как право требования), но не в целом об отсутствии у должника иного имущества (имущества, находящегося у других лиц, предметов бытовой обстановки и т. п.) помимо жилого помещения. Нельзя сказать, что проверка имущественного положения ответчика в рамках гражданского дела принципиально невозможна, но она сопряжена с финансовыми и временными затратами и не согласуется с принципом процессуальной экономии. Более эффективной видится проверка имущественного положения должника в рамках исполнительного производства.

Полагаем, что фактически в п. 2 ст. 137 ЖК подразумевается, что до обращения в суд местного исполнительного и распорядительного органа исполнителю по договору об оказании ЖКУ или об энергоснабжении необходимо обратиться к юрисдикционному органу за взысканием задолженности, инициировать исполнительное производство, которое должно быть окончено в форме возвращения исполнительного документа взыскателю по абз. 3 или 4 ч. 1 ст. 53 Закона «Об исполнительном производстве». Юрисдикционным актом по взысканию задолженности за ЖКУ может выступать исполнительная надпись (п. 9, 21 приложения к Закону Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-3 «О нотариате и нотариальной деятельности»), а в случае невозможности ее получения (ч. 5 ст. 6 ГПК) – судебное постановление по гражданскому делу. Идея о предварительном использовании частноправового механизма взыскания задолженности должна быть четко изложена в ст. 137 ЖК.

Отсутствие попытки взыскания задолженности и проверки имущественного положения должника в рамках исполнительного производства, полагаем, должно быть основанием к отказу в иске.

В практике также встречаются случаи обращения местных исполнительных и распорядительных органов в суд при небольшой сумме задолженности (например, 366 рублей, включая основной долг и пеню, чуть более 750 рублей, где сумма основного долга 250 рублей и более 500 рублей пени). Использование судебной процедуры понуждения должника к возмездному отчуждению жилого помещения в таких случаях представляется как неэффективным, так и не соответствующим тяжести нарушения прав кредитора. Также отметим ситуации, когда неоплата ЖКУ была вызвана трудной жизненной ситуацией собственника жилого помещения (небольшой заработок при наличии иждивенцев, инвалидность плательщика, потеря работы и т. п.). При этом многие из таких собственников не знают о том, что могут использовать механизмы государственной поддержки. Автору известен случай, когда инвалид второй группы не знал о праве на 50-процентную скидку по стоимости ЖКУ. При наличии таких обстоятельств суд, как правило, отказывает в удовлетворении исковых требований. Полагаем такую практику правильной, исходя из значимости права на жилище, хотя она и не основана на буквальном толковании ст. 137 ЖК.

На основании изложенного автор приходит к следующим выводам:

1. Статья 137 ЖК закрепляет механизм взыскания задолженности за ЖКУ, вытекающий из публично-правовых отношений.

2. С учетом ограничений на защиту ответчика – должника по оплате ЖКУ механизм ст. 137 ЖК должен применяться только после использования механизма взыскания задолженности, вытекающего из частноправовых отношений (обращение исполнителя в юрисдикционный орган, возбуждение исполнительного производства по требованию о взыскании задолженности за ЖКУ). Эта идея должна быть четко и ясно изложена в ч. 2 ст. 137 ЖК.

3. В ст. 137 ЖК следует закрепить минимальную сумму задолженности за ЖКУ, при которой может быть инициировано дело о понуждении к возмездному отчуждению жилого помещения, и основания, по которым суд может с учетом обстоятельств дела отказать в удовлетворении иска (например, нахождение ответчика в трудной жизненной ситуации).

Список цитированных источников

1. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. Банк судебных решений. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2003–2024. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykhresheniy/poisk/?case_number=&requestText=137+Жилищного+кодекса&date_single=&date_from=&date_to=&date_single_create=&date_from_create=&date_to_create=&b_search_decision=Найти (дата обращения: 31.05.2024).

2. Косякова, О. В Беларуси прошел первый суд над квартирным дебоширом / О. Косякова // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/shumel-sosed-i-steny-gnulis.html>. – Дата публ.: 03.09.2014.

Потапенко Е. Г.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В РОССИИ

*Саратовская государственная юридическая академия,
ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 1, 410056, г. Саратов, Россия,
egpotapenko@rambler.ru*

Одной из современных тенденций развития цивилистического процессуального права и законодательства в Российской Федерации выступает значительное расширение так называемых упрощенных (письменных, документарных) порядков рассмотрения арбитражных, гражданских и административных дел. Причиной данной тенденции является увеличивающаяся судебная нагрузка. Классические (ординарные) порядки рассмотрения гражданских дел (исковое производство, особое производство) в количественном отношении уже давно перестали обладать приоритетом. Согласно данным официальной судебной статистики [1] в 2023 г. судами общей юрисдикции (с учетом дел приказного производства) рассмотрено 27 544 981 гражданское дело, из которых 23 502 820 гражданских дел рассмотрено с вынесением судебного приказа, что составляет 85,33 % от всех рассмотренных судами общей юрисдикции гражданских дел (включая дела особого производства). Из всего объема рассмотренных судами общей юрисдикции гражданских дел дела искового производства составили 3 862 405 дел (14,02 % от общего числа рассмотренных гражданских дел), дела особого производства – 179 756 дел (0,65 % от общего числа рассмотренных гражданских дел). Увеличение количества дел приказного производства очевидно не только в абсолютных цифрах, но и по отношению к делам, рассматриваемым в ординарном порядке. Так, в 2022 г. доля дел приказного производства в общем объеме рассмотренных судами общей юрисдикции гражданских дел составляла 84,43 %; в 2021 г. – 83,84 %. Растет не только абсолютное число дел приказного производства (с 15 146 535 дел приказного производства в 2019 г. до 23 502 820 дел приказного производства в 2023 г.), что прогнозируемо в условиях роста общего числа рассматриваемых судами общей юрисдикции гражданских дел, но и доля дел приказного производства в общей массе рассматриваемых гражданских дел.

Увеличение объема дел приказного производства как в абсолютном, так и в относительном аспектах ставит перед законодателем, правоприменителем и научным сообществом дополнительные вопросы об оптимальности порядка приказного производства, критериях дел приказного производства, обеспеченности прав и законных интересов участников приказного производства и т. д.

Представляется, что на текущем этапе развития цивилистического процессуального права и законодательства необходимо обратить внимание на следующие проблемные аспекты приказного производства.

Во-первых, исходя из минимального уровня обеспеченности прав и законных интересов участников приказного производства, нивелирования

действия основных принципов гражданского процесса (состязательность, равноправие, гласность), представляется обоснованным с доктринальной точки зрения не считать приказное производство правосудием. Соответственно, судебный приказ не может являться актом правосудия. С практической точки зрения судебный приказ следует рассматривать как судебный акт, имеющий ограниченные свойства, которые не могут быть тождественны свойствам законной силы судебного решения. Например, критически следует относиться к свойству преюдициальности судебного приказа, поскольку установление обстоятельств дела осуществляется в рамках приказного производства лишь на основании доказательств, представленных взыскателем.

Во-вторых, основным признаком дел приказного производства является бесспорность. Однако признак бесспорности дел приказного производства в действующем законодательстве четко не объективирован. Представляется, что иные потенциальные признаки и свойства гражданских дел не могут исчерпывающе обособить группу дел приказного производства. Например, признак простоты, который иногда приводится в литературе, является весьма субъективным и не обладает нужной степенью верификации, не имеет четкого разграничивающего (дифференцирующего) значения. Даже если законодатель выделит отдельную категорию «простых» дел, то эта простота всегда будет условной. Признак размера требований (цены иска) тоже не обладает четким дифференцирующим значением. Так, иск может быть малозначительным лишь относительно гражданского оборота в целом (некий усредненный гражданский оборот), но не в отношении каждого субъекта такого оборота.

Признак бесспорности дел приказного производства косвенно проявляется в п. 3 ч. 3 ст. 125 Гражданского процессуального кодекса РФ, в соответствии с которым при выявлении спора о праве судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа. Аналогичные правила имеются в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (п. 3 ч. 3 ст. 229.4) и Кодексе административного судопроизводства РФ (п. 3 ч. 3 ст. 123.4). В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» разъяснено, что требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными. Таким образом, объективация бесспорности как конститутивного признака дел приказного производства осуществлена главным образом в актах толкования процессуальных норм. В процессуальном законе такая объективация осуществлена лишь косвенно посредством установления негативных процессуальных правовых последствий выявления спора о праве. Это вряд ли можно назвать правильным, поскольку именно закон должен устанавливать предпосылки приказного производства.

В-третьих, анализ гражданских дел, рассматриваемых в порядке приказного производства позволят прийти к выводу о неоднородности

проявления в них признака бесспорности. В литературе справедливо обращается внимание на то, что «в реальности бесспорность требований лишь презюмируется, точно так же, как и презюмируется наличие субъективного права, о защите которого просит взыскатель» [2, с. 45]. Не изменяет ситуацию возможность должника возразить против исполнения состоявшегося судебного приказа, придав ему спорность [см.: 3, с. 40].

Среди дел приказного производства можно выделить две группы: условно бесспорные и условно спорные. К делам условно бесспорным целесообразно отнести, например, требования, основанные на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта; требования о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанные с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц; требования о взыскании начисленных, но не выплаченных работнику заработной платы, сумм оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) иных сумм, начисленных работнику, и некоторые другие. К условно спорным делам можно отнести требования, основанные на нотариально удостоверенной сделке (нотариальная форма сделки не снимает спорности с требований по ее исполнению); требования, основанные на сделке, совершенной в простой письменной форме.

Представляется, что модель регулирования порядка рассмотрения каждой из групп требований (условно спорных и условно бесспорных) должна быть различной. Условно бесспорные требования могут рассматриваться в рамках текущей модели приказного производства (с учетом некоторых корректировок) либо вовсе быть переданы в сферу нотариата [4]. Позитивное регулирование процессуального порядка приказного производства по условно спорным делам требует очевидной корректировки, направленной на выяснение судом позиции должника по таким требованиям до вынесения судебного приказа с целью подтверждения признака бесспорности требования. При этом допустимо установление презумпции бесспорности только в том случае, когда должник в определенный судом срок не представил соответствующие возражения по заявленным требованиям.

Список цитированных источников

1. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.09.2024).
2. Раздьяконов, Е. С. Судебный приказ в арбитражном процессе: реальность и перспективы развития / Е. С. Раздьяконов // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 6. – С. 43–59.
3. Борисова, В. Ф. Судебный приказ: проблемы вынесения и исполнения / В. Ф. Борисова // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 39–41.
4. Царегородцева, Е. А. К вопросу о возможности передачи дел приказного производства нотариусам / Е. А. Царегородцева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 3. – С. 24–27.

Раздьяконов Е. С.
СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИИ И БЕЛАРУСИ: В ПОИСКАХ ТОЧЕК РОСТА

*Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
ул. Комсомольская, 21, 620137, г. Екатеринбург, Россия, res001@usla.ru*

Упрощенные процедуры судебной защиты прав граждан и организаций играют существенную роль как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации. В Беларуси недавно был принят и вступает в силу с 1 января 2026 г. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС Беларуси), представляющий собой новейшую разработку в области гражданского судопроизводства на постсоветском пространстве. С указанной даты прекращают свое действие Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (далее – ГПК Беларуси) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-З (далее – ХПК Беларуси). В России законопроектные работы по разработке единого Гражданского процессуального кодекса фактически остановлены, они потеряли свою актуальность в свете появления в 2020 г. в Конституции России термина «арбитражное судопроизводство», что в логике последнего десятилетия законодательной работы означало необходимость сохранения специального правового регулирования на уровне отраслевого законодательства. В связи с этим на сегодняшний день приказное производство в России регулируется тремя разными кодексами: Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ), Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) и Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее – КАС РФ).

При этом и для России, и для Беларуси, хранящих общий социокультурный код братских народов, приказное производство имеет общие корни, уходящие в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г., в котором в период до 1928 г. действовала отдельная глава XXIV «О выдаче судебных приказов по актам», посвященная приказному производству.

На сегодняшний день правовые различия в институте приказного производства, накопленные каждым из государств в своей правовой системе, могут стать поводом не только для дискуссии относительно его оптимальной модели, но и способствовать совершенствованию национального законодательства. Это особенно актуально в том свете, что КГС Беларуси сохранил приказное производство, а в АПК РФ и КАС РФ данный процессуальный институт был включен в 2016 г. Тем самым и российский, и белорусский законодатель подчеркивают его необходимость при решении задач судебной защиты прав граждан и организаций.

Анализ положений российского и белорусского законодательства по вопросам приказного производства позволяет выделить следующие основные вопросы, исследование и выводы, которые могли бы стать отправными

точками для развития процессуальной науки и дальнейшего совершенствования законодательства.

Во-первых, вопрос о необходимости соблюдения претензионного порядка. К числу общих условий, с которыми связывается реализация права на обращение в суд с исковым заявлением, относится соблюдение претензионного порядка, установленного законом или договором. Вместе с тем применительно к приказному производству российское законодательство регулирует требования к содержанию заявления о выдаче судебного приказа и прилагаемым документам таким образом, что соблюдение претензионного порядка не является обязательным и судом не проверяется. В связи с этим в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 отдельно указывается, что принятие взыскателем обязательных мер по досудебному урегулированию, предусмотренному ч. 5 ст. 4 АПК РФ, до обращения в арбитражный суд с заявлением о выдаче судебного приказа не требуется [1].

Аналогичный подход закреплен в белорусском законодательстве, поскольку ст. 221 ХПК Беларуси и ст. 395 ГПК РФ применительно к содержанию заявления о возбуждении приказного производства не требуют указывать сведения о соблюдении досудебного (претензионного) порядка, равно как и не требуют приложения к такому заявлению копии претензии и доказательств ее направления должнику. Напротив, развивая начала примирения и согласия, законодатель в п. 8 ч. 2 ст. 343 КГС Беларуси уже указывает, что в заявлении о выдаче определения о судебном приказе должны быть указаны сведения о соблюдении обязательного досудебного порядка урегулирования спора, если он установлен законодательными актами или договором. Такой подход представляется наиболее прогрессивным, поскольку требования, заявляемые в порядке приказного производства, в силу их правовой природы (очевидность, подтвержденность письменными доказательствами и т. д.) имеют наибольший потенциал к урегулированию в досудебном порядке, нежели сложные ситуации, разрешаемые в порядке искового производства. При этом, как отмечает И. Н. Колядко, при соблюдении обязательных досудебных процедур право на судебную защиту не ограничивается [2, с. 33].

Во-вторых, вопрос о подготовительных (промежуточных) определениях в приказном производстве. В ст. 221¹ ХПК Беларуси предусмотрено вынесение судом определения о возбуждении приказного производства, в котором должнику указывается на необходимость представления в суд отзыва на заявление взыскателя. Данное определение позволяет известить взыскателя о начале приказного производства и еще до вынесения определения суда о судебном приказе установить спорность или бесспорность права и характер возражений должника против предъявленных к нему требований. Это, безусловно, способствует вынесению законного и обоснованного судебного акта (постановления), которым является судебный приказ. Напротив, ГПК Беларуси не предусматривает вынесения определения о возбуждении приказного производства. В п. 8 постановления Пленума

Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. № 4 особо обращается внимание судов, что в приказном производстве определение о возбуждении приказного производства не выносится [3]. Эта же модель была воспринята КГС Беларуси. В российском процессуальном законодательстве действует аналогичный порядок: судебный приказ является первым и одновременно итоговым судебным актом по делу, какие-либо определения, фиксирующие возбуждение производства или направленные на подготовку дела, суд не выносит. В отсутствие возражений должника, направленных на отмену судебного приказа, судебный приказ будет являться первым и единственным судебным актом по делу. Представляется, что заявление должником возражений уже после вынесения судебного приказа формирует у должника негативное отношение к суду и может снижать доверие к судебной власти в целом, поскольку в своих оценках должник будет исходить из факта вынесения против него необоснованного судебного акта. Напротив, заявление возражений через отзыв, как это предусмотрено ст. 223 ХПК Беларуси, формирует уважение к суду как органу власти, в равной мере учитывающему интересы (доводы) обеих сторон, а значит, соответствует состязательной модели процесса.

В-третьих, вопрос о возможности частичной отмены судебного приказа. К сожалению, российское законодательство предусматривает отмену судебного приказа при заявлении должником любых возражений, независимо от того, сделаны они в отношении всей суммы или ее части. Таким образом, несогласие должника даже по 1 рублю из общей суммы задолженности в 500.000 руб. приведет к отмене судебного приказа целиком. Частичная отмена судебного приказа в России невозможна [4, с. 50]. В связи с этим представляется в большей мере соответствующим задачам гражданского судопроизводства и принципу процессуальной экономии положение абз. 3 ст. 226 ХПК Беларуси, которое предусматривает отмену судебного приказа в части, а значит, позволяет взыскателю получить судебную защиту по тем требованиям, которые должником не оспорены.

Приведенный перечень вопросов не является исчерпывающим, а их выбор во многом обусловлен проявлением научного интереса автора. Развитие процессуального законодательства России и Беларуси имеет много схожего, что обусловлено общим историческим базисом и отсутствием бездумной рецепции иностранного законодательства. Отдельные особенности и различия в правовом регулировании показывают не различие наших правовых систем, а потенциал для взаимного диалога и обогащения в научном и общественном плане.

Список цитированных источников

1. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 дек. 2016 г. № 62 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 2.

2. Колядко, И. Н. Взаимосвязь форм закрепления права на судебную защиту в материальном и процессуальном праве / И. Н. Колядко // Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : материалы международного круглого стола, 26 октября 2018 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. гражданского процесса и трудового права ; редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 31–34.

3. О практике рассмотрения судами заявлений в порядке приказного производства : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 29 июня 2006 г. № 4 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 13.09.2024).

4. Раздьяконов, Е. С. Судебный приказ в арбитражном процессе: реальность и перспективы развития / Е. С. Раздьяконов // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 6. – С. 43–59.

Сенкевич В. В.

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Смоленский государственный университет,
ул. Пржевальского, 4, 214000, Смоленская обл., г. Смоленск, Россия,
rectorat@smolgu.ru*

Процесс цифровизации в современном мире следует рассматривать как процесс, который направлен на повышение эффективности той или иной деятельности. Несомненно, данный процесс не мог обойти и судопроизводство, которое, на наш взгляд, должно соответствовать реалиями развивающихся информационных технологий.

В условиях отсутствия доступности новых цифровых технологий всем гражданам России, нельзя утверждать об обеспечении возможности равного доступа для всех к электронному правосудию, а также к его отдельным элементам. Кроме того, как отмечают некоторые авторы, электронный документ может быть достаточно технически сложным для понимания, особенно среди граждан пожилого возраста [1, с. 131–135].

К числу приоритетных направлений совершенствования судебной системы следует отнести совершенствование технического оснащения всей системы электронного судопроизводства. Несмотря на то, что данное направление является достаточно актуальным в свете интенсивного развития информационно-телекоммуникационных технологий, в настоящее время отсутствует единая нормативно-правовая база, которая осуществляла бы регулирование процесса электронного документооборота, что в свою очередь является серьезным препятствием к формированию всей системы электронного правосудия

Наличие соответствующих методических рекомендаций по самостоятельному формированию гражданами обращений в суд, на наш взгляд, позволило бы усовершенствовать данное направление, предоставив

возможность всем гражданам, нуждающимся в этом, обратиться в судебный орган для получения соответствующей защиты, что в свою очередь будет являться гарантом реализации конституционных прав граждан, а именно права на обращение в суд.

На сегодняшний день порядок использования рассматриваемых систем в целом можно признать универсальным для всех видов судопроизводства. Так, данные системы могут быть использованы при невозможности обеспечить явку лиц для участия в процессе. Использование системы должно обеспечивать проведение надлежащей идентификации лица, которое участвует в рассмотрении дела. Участие в судебном заседании, проводимом в дистанционном режиме, обеспечивается путем проведения идентификации и аутентификации в информационной системе. В данном случае это необходимо для того, чтобы точно установить, что субъект является именно тем лицом, за которое оно себя выдает [2, с. 181].

Однако главным препятствием является недостаточная техническая оснащенность и некоторые сомнения относительно возможности проведения надлежащей идентификации участников судопроизводства.

Решение проблем, которые связаны с проведением идентификации и аутентификации, имеет важное значение на современном этапе становления и развития судебной системы, поскольку это позволит точно и достоверно установить подлинность личности, намеревающейся принимать участие в судебном разбирательстве.

Актуальным направлением в настоящее время следует считать осуществление разработки специального мобильного приложения, в котором посредством создания единого личного кабинета пользователя можно будет систематизировать не только всю актуальную информацию о ходе движения искового заявления, но и осуществить извещение участника процесса в определенное время явиться для участия в судебном разбирательстве.

Использование данных технологий также может повысить скорость оповещения, поскольку рассылка сообщений в данном случае будет осуществляться с использованием заранее заготовленной формы и технологии «блокчейн», что существенно сокращает скорость принятия решения и отправки той или иной информации пользователю.

В настоящее время через «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» уже имеется возможность отправлять ряд процессуальных документов. Портал, а также его возможности следует считать наиболее эффективным способом осуществления обмена информацией между заинтересованными лицами, но между тем и в данном случае нельзя забывать о потенциальной возможности неправомерного доступа к компьютерной информации, которая может повлечь за собой не только утрату доступа к личному кабинету (что соответственно не позволит в последующем «отследить» надлежащим ли образом было оповещено лицо), но и утрату ряда значимых документов, которые могут быть похищены из личного кабинета. В данном случае особое внимание должно быть обращено на защиту персональных данных пользователей при использовании

информационно-коммуникационных технологий в рамках судебного делопроизводства.

Электронные формы оповещения при этом следует считать наиболее перспективными, однако полный отказ от традиционных форм оповещения все еще нецелесообразен, в том числе по той причине, что не все граждане Российской Федерации, вовлеченные в процесс судопроизводства, имеют техническую возможность использования соответствующих информационных ресурсов. Для предотвращения «цифрового неравенства» в обществе внедрение электронных средств оповещения должно осуществляться не взамен, а параллельно с совершенствованием традиционных способов извещения граждан.

Важно отметить и то, что использование информационно-телекоммуникационных технологий в процессе осуществления извещения должно сопровождаться в том числе и совершенствованием механизма нормативно-правового регулирования данного процесса, т.е. внесения соответствующих дополнений в нормы процессуального законодательства, что в настоящее время все еще не осуществлено. По этой причине полноценно использовать дистанционные технологии в рамках судебного оповещения еще невозможно.

Предполагается, что внедрение данных технологий изначально должно осуществляться после получения согласия участника процесса на использование данной формы оповещения (по аналогии с процессом осуществления смс-рассылки), при этом предполагается, что получать данное согласие целесообразно на стадии принятия искового заявления, в котором истец, помимо номера телефона, по своему желанию, может указывать другие альтернативные способы оповещения [3, с. 29].

Другие участники процесса (как и в случае с смс-рассылкой) должны давать свое согласие путем дачи соответствующей рассылки. Внедряя данный способ в практическую деятельность судебных инстанций, необходимо избегать ситуации «цифрового неравенства» между лицами, принимающими участие в ходе судопроизводства.

Таким образом, в настоящее время использование информационных технологий в процессе осуществления судебного извещения следует рассматривать в качестве одного из перспективных направлений совершенствования положений процессуального законодательства, однако в настоящее время все еще продолжает существовать множество противоречий и практических проблем, которые препятствуют полноценному внедрению данной формы оповещения.

Таким образом, система судебного извещения в настоящее время должна быть подвергнута существенному пересмотру, в том числе с учетом развития возможностей информационно-телекоммуникационных систем. В данном случае должно быть предусмотрено создание не только обновленной системы оповещения, но и средств и методов использования определенной формы, средств подтверждения надлежащего извещения, а также правовых последствий, связанных с ненадлежащим извещением участников процесса, для всех заинтересованных сторон.

Как видно из изложенного, реализация принципа доступности правосудия на современном этапе осложняется рядом факторов, которые носят как объективный, так и субъективный характер. Решение указанных проблем предполагает реализацию комплекса мер правового и организационного характера.

Список цитированных источников

1. Гончаров, Е. И. Актуальные проблемы ведения электронного документооборота в Российской Федерации / Е. И. Гончаров // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 2. – С. 131–135
2. Вильданова, М. М. Проблемы идентификации и аутентификации сторон гражданско-правовых споров при дистанционном рассмотрении дел в суде / М. М. Вильданова // Право и практика. – 2020. – № 4. – С. 179–184.
3. Малинский, Ю. В. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства / Ю. В. Малинский // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 1. – С. 25–32.

Сигаева Т. А.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПО ТРАНСПОРТНЫМ ДЕЛАМ

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Рокоссовского, 65, 220094, г. Минск, Беларусь, 296405@tut.by*

Дифференциация правового регулирования защиты транспортных прав имеет сложный разветвленный характер. Она всегда реализуется в вертикальном направлении и может ограничиваться одним уровнем: норма Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) – норма транспортного нормативного правового акта. На одном уровне может происходить развитие нормы КГС в горизонтальном направлении относительно особенностей защиты по категориям дел на определенных видах транспорта: норма КГС – норма одного транспортного закона, норма другого транспортного закона и т. д. Часто дифференциация проникает вглубь транспортного права и имеет: 1) многоуровневый однонаправленный характер: норма КГС – норма транспортного закона – норма подзаконного акта; 2) или многоуровневый горизонтальный характер на одном или нескольких уровнях: норма КГС – норма Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) – норма транспортного закона – норма подзаконного акта, норма транспортного закона – норма подзаконного акта, норма подзаконного акта и т. д.

Столь разветвленная дифференциация правового регулирования общественных отношений, связанных с защитой транспортных прав, сопровождается погрешностями в аспекте нормотворческой техники. Рассмотрим это на примере нормирования претензионной формы урегулирования споров.

Во-первых, правовому регулированию данной формы защиты на транспорте только по основному виду деятельности – перевозке – посвящено множество актов законодательства (более пятнадцати). К ним относятся: ГК; Воздушный кодекс Республики Беларусь (далее – ВК); Кодекс внутреннего водного транспорта Республики Беларусь (далее – КВВТ); Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь (далее – КТМ); Закон Республики Беларусь от 14 августа 2007 г. № 278-З «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» (в ред. от 28.12.2023 г.) (далее – Закон «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках»); Закон Республики Беларусь от 5 мая 2014 г. № 141-З «О городском электрическом транспорте и метрополитене» (в ред. от 17.07.2023 г.); Правила автомобильных перевозок грузов, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 970 (далее – Правила автомобильных перевозок грузов); Правила автомобильных перевозок пассажиров, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 972 (в ред. от 31.08.2018 г.) (далее – Правила автомобильных перевозок пассажиров); Устав железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 августа 1999 г. № 1196 (в ред. от 10.07.2015 г.) (далее – УЖТ); Авиационные правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов, утвержденные постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 12 августа 2009 г. № 70 (далее – Авиационные правила); Правила перевозок грузов внутренним водным транспортом, утвержденные постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 26 января 2005 г. № 3 (далее – Правила перевозок грузов внутренним водным транспортом); Правила перевозок пассажиров и багажа внутренним водным транспортом, утвержденные постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 29 ноября 2004 г. № 42 (далее – Правила перевозок пассажиров и багажа внутренним водным транспортом); Правила перевозок пассажиров городским электрическим транспортом, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 ноября 2014 г. № 1088; Правила перевозок пассажиров метрополитеном, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 ноября 2014 г. № 1088 и др.

При этом одни и те же видовые общественные отношения получают правовое нормирование на разных уровнях. В соответствии с ч. 1 ст. 14 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (в ред. от 28.06.2024 г.), закон призван регулировать наиболее важные общественные отношения. К таковым, исходя из Приложения к Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь, гл. 17 ВК, гл. 16 КВВТ, гл. 27 КТМ, относится претензионное урегулирование правовых споров. Однако на автомобильном, железнодорожном, городском электрическом транспорте и метрополитене его нормирование осуществляется в основном подзаконными актами. На воздушном транспорте претензионный порядок урегулирования споров

регламентирован на уровне как ВК, так и Авиационных правил. В то же время претензионный порядок урегулирования конфликтов, возникающих из воздушных перевозок пассажиров и багажа, регулируется преимущественно Авиационными правилами. Очевидно, что значимость претензионной формы защиты, регламентируемой подзаконными актами, на указанных видах перевозок не менее важна, чем на тех, которые регулируются законами.

Во-вторых, предписания о претензионной форме урегулирования правовых конфликтов на транспорте, установленные на уровне правил, зачастую не столько конкретизируют общие положения законов, как это должно быть, исходя из абз. 3 ч. 1 ст. 21 Закона «О нормативных правовых актах», сколько устанавливают их в целом. Речь идет о регламентации данной формы защиты прав на железнодорожном, автомобильном, городском электрическом транспорте и метрополитене.

В-третьих, нормы о досудебном порядке урегулирования споров на воздушном и речном транспорте в значительной степени продублированы. Воздушный кодекс Республики Беларусь (ст. 120) и Авиационные правила (п. 296) содержат перечни лиц, обладающих правом предъявления претензий, возникающих из перевозок грузов. Состав активных субъектов по договору перевозки груза идентичен. По сути, кроме правил о претензионном порядке урегулирования требований пассажиров, сроков предъявления претензий, документов, прилагаемых к ним, Авиационные правила не регулируют вопросов, которые не затрагивал бы ВК.

Некоторые нормы КВВТ и Правил перевозок грузов внутренним водным транспортом с точки зрения смысла тождественны: ч. 1 ст. 160 КВВТ и абз. 1 п. 442 Правил об обязательном предъявлении претензии, вытекающей из перевозки грузов, к перевозчику до подачи иска; ч. 2 ст. 160 КВВТ и п. 443 Правил о предъявлении претензии к перевозчику в пункте назначения; ч. 4 ст. 160 КВВТ и п. 449 Правил о документах, прилагаемых к претензии по перевозкам грузов; ст. 161 КВВТ и п. 444 Правил о надлежащих сторонах претензионного и искового порядка защиты. Нормы п. 155–157 Правил перевозок пассажиров и багажа внутренним водным транспортом по сути повторяют правила ч. 1 и 4 ст. 160, ст. 162 КВВТ.

Дублирование нормы о сроке рассмотрения претензии перевозчиком, возникающей из автомобильной перевозки грузов, имеет место в ч. 2 ст. 57 Закона «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» и в п. 121 Правил автомобильных перевозок грузов.

В-четвертых, в правовом регулировании защиты по транспортным делам имеются расхождения. В частности, в ВК установлен 30-дневный срок рассмотрения претензии перевозчиком (ст. 122), в Авиационных правилах – месячный с возможностью продления, если перевозка осуществлялась несколькими перевозчиками (п. 300).

Не согласованы нормы в части исчисления срока на рассмотрение перевозчиком претензии. Часть 2 ст. 57 Закона «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» определяет его начало моментом получения претензии перевозчиком, ч. 1 ст. 163 КВВТ, п. 55 Правил

перевозок пассажиров городским электрическим транспортом, п. 98 Правил перевозок пассажиров метрополитеном – моментом предъявления претензии, ч. 2 ст. 751 ГК, ст. 308 КТМ, п. 121 Правил автомобильных перевозок грузов – вообще не определяют начало его течения. Правовые последствия при пересылке претензии традиционно возникают с момента ее получения (п. 6, 8 Приложения к Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь), поэтому нормы ч. 1 ст. 163 КВВТ, п. 55 Правил перевозок пассажиров городским электрическим транспортом, п. 98 Правил перевозок пассажиров метрополитеном отличаются от устоявшейся правовой практики и нуждаются наряду с нормами ч. 9 ст. 5 КГС, ч. 2 ст. 751 ГК, ст. 308 КТМ в соответствующем изменении.

В-пятых, дифференциация правового регулирования защиты по транспортным делам зачастую осуществляются посредством нескольких бланкетных норм и не всегда корректно. Так, ч. 1 ст. 751 ГК содержит норму о необходимости соблюдения претензионного порядка до предъявления иска, вытекающего из перевозки груза, к перевозчику в порядке, предусмотренном законодательством. Часть 1 ст. 57 Закона «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» применительно к определению претензионного порядка по требованиям, возникающим из автомобильной перевозки груза, отсылает к Правилам автомобильных перевозок грузов. О претензионном порядке урегулирования требований пассажиров к перевозчику Закон умалчивает. Данный порядок нормируют Правила автомобильных перевозок пассажиров (п. 261–263).

Воздушный кодекс Республики Беларусь в части сроков предъявления претензии по перевозкам грузов (ч. 2 ст. 119), а также порядка уведомления заявителя о ее рассмотрении (ст. 122) отсылает к Авиационным правилам. Последние содержат не только нормы о досудебном урегулировании конфликтов, возникающих из перевозки грузов, но и пассажиров, багажа. Воздушный кодекс Республики Беларусь преимущественно регулирует досудебный порядок урегулирования споров по перевозкам грузов, практически не затрагивая рассмотрение притязаний по перевозкам пассажиров и багажа. Однако отсылка к Авиационным правилам в части урегулирования данных требований, в отличие от отсылки к претензионному порядку урегулирования притязаний по перевозкам грузов, в нем отсутствует.

Неординарная ситуация сложилась в правовом нормировании досудебного порядка урегулирования споров на речном транспорте. Часть 1 ст. 160 КВВТ содержит бланкетную норму об определении порядка предъявления претензий законодательством, а абз. 2 п. 442 Правил перевозок грузов внутренним водным транспортом – такую же норму, отсылающую к КВВТ. Иными словами, оба акта в отношении регулирования претензионного порядка отсылают друг к другу. Правила перевозок пассажиров и багажа внутренним водным транспортом в отношении определения претензионного порядка урегулирования требований пассажиров к перевозчику (п. 155) также отсылают к КВВТ. Здесь также складывается ситуация, при которой оба акта – КВВТ и Правила содержат взаимные отсылки.

Закон Республики Беларусь от 5 мая 2014 г. № 141-З «О городском электрическом транспорте и метрополитене» (в ред. от 17.07.2023 г.) в отношении претензионного порядка урегулирования притязаний к перевозчику также содержит бланкетные нормы о применении Правил перевозок пассажиров городским электрическим транспортом или Правил перевозок пассажиров метрополитеном (ст. 34), которые его и нормируют (соответственно п. 53–55 и п. 96–98).

В настоящей статье нами рассмотрена только одна из существующих проблем дифференциации правового регулирования защиты по транспортным делам и лишь в аспекте нормотворческой техники. Она могла бы быть разрешена локально путем приведения норм в соответствие с ее требованиями. Однако транспортное законодательство с учетом его значительного объема, развитой дифференциации правового нормирования иных общественных отношений в сфере транспортной деятельности, взаимосвязанности предписаний, отсутствия существенных реформ в последние десятилетия, наличия иных проблем требует комплексного анализа в направлении обоснованности пределов дифференциации, целесообразности унификации норм и совершенствования в изменяющихся условиях жизни общества.

Унукович Е. А.

СОГЛАШЕНИЯ СТОРОН КАК ОСНОВАНИЯ ВЫДАЧИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, unukovich@bsu.by*

В цивилистическом процессе законодателем допускается возможность выдачи судом исполнительного документа на основании соглашений, заключаемых сторонами вне рамок юрисдикционной деятельности (ст. 325 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), ст. 460 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК)). К числу таких соглашений относятся медиативные соглашения, международные медиативные соглашения, а также отдельные виды соглашений по вопросам, регулируемым брачно-семейным законодательством. Несмотря на непродолжительный период реализации норм, регулирующих вопросы принудительного исполнения медиативных соглашений, международных медиативных соглашений, степень их регламентации в целом следует оценивать достаточной. Однако в отношении таких соглашений, как Брачный договор, Соглашение о детях, Соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, Соглашение о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей, подход законодателя принципиально отличается.

В целях уяснения сущности рассматриваемых соглашений стоит обратить внимание на специфику самих брачно-семейных правоотношений. Личный характер семейных правоотношений, единство нравственных и правовых начал в их содержании в сочетании с особой государственной заинтересованностью в упрочнении, стабилизации брака и семьи – относятся к факторам-доминантам при определении методов регулирования конкретных видов семейных отношений [1, с. 10]. В связи с этим самоурегулирование спора, возникающего из брачно-семейных отношений, следует рассматривать приоритетной формой разрешения конфликта, и в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) обоснованно расширяются возможности самостоятельного урегулирования сторонами возникающих споров. Так, Законом от 18.12.2019 г. № 277-З КоБС был дополнен ст. 76-1, закрепляющей возможность заключения Соглашения о детях родителями детей, в том числе и не состоящими в брачных отношениях.

В соответствии со ст. 460 ГПК допускается возможность выдачи судом исполнительного листа на основании таких соглашений, как брачные договоры, соглашения о детях, соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, соглашения о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (далее по тексту – Соглашение об уплате алиментов), заключаемые в порядке и на условиях, закрепленных в КоБС. Именно в отношении указанного перечня соглашений в законе закреплены требования об обязательной нотариальной форме: Брачного договора (ст. 13-1 КоБС), Соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов (ч. 3 ст. 24 КоБС), Соглашения о детях (ч. 3 ст. 76-1 КоБС), Соглашение об уплате алиментов (ч. 1 ст. 103-2 КоБС). Основная функция нотариуса – это придание аутентичности частным соглашениям, наделение их особой доказательственной и исполнительной силой, защита публичного интереса» [2, с. 15]. Нотариальная форма удостоверения любого рода соглашения (сделки) предполагает их проверку на предмет соответствия закону в силу основного принципа нотариальной деятельности – законности (ст. 6 Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» от 18.07.2004 г. № 305-З).

В соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» от 22.12.2022 г. № 7 (далее по тексту – постановление Пленума № 7) права и обязанности родителей в отношении детей, урегулированные в Брачном договоре (ст. 13 КоБС), Соглашении о детях (ч. 3 ст. 76-1 КоБС), Соглашении об уплате алиментов (гл. 11-1 КоБС), подлежат безусловному исполнению. В случае нарушения одним из супругов (бывшим супругом) установленных обязанностей исполнительный лист, выданный другому супругу на основании таких соглашений или Брачного договора, подлежит исполнению в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве (п. 14). Таким образом, допускается возможность принудительного исполнения рассматриваемых

соглашений, в рамках реализации судом полномочий по выдаче исполнительного документа.

Следует согласиться, что субъекты семейных отношений ограничены в выборе договорных конструкций для определения своих семейных прав и обязанностей – они могут заключать только те соглашения, которые перечислены в КоБС. Безусловно, стоит учитывать допустимость включения в них условий, касающихся исполнения обязанности в отношении субъекта, который не является стороной договора (соглашения), а именно детей, и как следствие – осуществление контроля за соответствием Брачного договора, иного соглашения, предусмотренного в КоБС, требованиям законодательства со стороны государства. Однако полагаем неверным подход, высказанный М. Короткевич, к определению форм указанных соглашений. По мнению автора, большинство соглашений подлежит нотариальному удостоверению и лишь Соглашение о детях может быть заключено в двух формах: 1) нотариально удостоверено; 2) заключено родителями-супругами при расторжении брака в порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством для удостоверения мировых соглашений [3, с. 78].

В числе оснований исполнения, закрепленных в ст. 460 ГПК, действительно отдельно упоминаются соглашения о детях, утвержденные судом, и просто соглашения о детях. В силу чего возникает объективная необходимость разграничения указанных соглашений, имеющих тождественное наименование. В первом случае речь идет о соглашении, которое заключается родителями детей в рамках рассматриваемого судом дела о расторжении брака. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда № 7, при отсутствии нотариально удостоверенных Брачного договора, Соглашения о детях, Соглашения об уплате алиментов либо если в них урегулированы не все вопросы, связанные со взаимоотношениями между родителями и детьми, супруги в соответствии с ч. 4 ст. 76-1 КоБС при расторжении брака и наличии неурегулированной части соответствующего спора вправе заключить между собой Соглашение о детях, которое может быть утверждено судом в порядке, установленном для заключения мировых соглашений (ст. 285 ГПК). Близкое по содержанию разъяснение содержалось и в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда от 22.06.2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (п. 12).

Вышеуказанное Соглашение о детях, по своей сути, является мировым соглашением, заключаемым сторонами спора в суде, содержанием которого выступают согласованные сторонами условия по вопросам воспитания, содержания детей и другие. Законодательное закрепление указанных соглашений в качестве самостоятельного основания выдачи исполнительного листа было осуществлено с принятием Закона Республики Беларусь от 10.11.2008 г. № 446-З. Расширение перечня соглашений, которые могут быть заключены родителями детей, и дополнение КоБС ст. 76-1 «Соглашение о детях» (Закон от 18.12.2019 г. № 277-З), привело к законодательному закреплению возможности выдачи исполнительного документа на основании

нотариально удостоверенного Соглашения о детях, заключаемого вне рамок судебной юрисдикции. Несмотря на то, что предметом обоих соглашений выступают права и обязанности родителей в отношении своих детей, процедура их заключения предопределяет соответствующие особенности. Мировое соглашение, заключаемое в гражданском судопроизводстве, является актом распоряжения сторонами не только своими материальными правами, но и процессуальным правом на судебную защиту. Указанные соглашения утверждаются судебным постановлением, что порождает соответствующие правовые последствия. Следует согласиться с позицией авторов, которые указывают, что мировое соглашение, утвержденное судом, является одновременно и материально-правовой сделкой и процессуальным действием, влечет как материально-правовые последствия (вносит изменения в содержание правоотношений сторон), так и процессуальные – влечет прекращение производства в суде, недопустимость повторного обращения в суд с тождественным требованием, возможность принудительного исполнения и др.) [4, с. 72]. Мировое соглашение преследует цель – прекращение спора в суде, и процессуально-правовая составляющая мирового соглашения является существенной, ее нельзя игнорировать. Стороны не могут расторгнуть мировое соглашение, изменить его условия, признать его недействительным, тогда как в отношении соглашений, предусмотренных КоБС, такая возможность прямо закреплена в законе. Мировые соглашения могут свободно заключаться сторонами в споре, возникающем из брачно-семейных отношений, находящемся на рассмотрении в суде, в том числе по вопросам воспитания, содержания детей и другим вопросам. Однако полагаем нецелесообразным в этом случае именовать заключаемые соглашения в зависимости от содержания содержащихся в нем условий. Заключаемое в ходе гражданского судопроизводства соглашение сторон, основанное на взаимных уступках, должно именоваться мировым соглашением, что в полной мере отражает правовую сущность указанного соглашения и позволяет отграничивать его от соглашений, заключаемых вне установленной гражданской процессуальной формы. При этом стоит учитывать, что процедура медиации также может быть добровольно избрана сторонами спора, возникающего из брачно-семейных отношений. В соответствии с ч. 2 ст. 36 КоБС при приеме искового заявления о расторжении брака суд предоставляет супругам трехмесячный срок для принятия мер к примирению и достижения соглашения об общих несовершеннолетних детях и разделе имущества, а также разъясняет супругам право на добровольное урегулирование спора с участием медиатора (медиаторов), включая их право на участие в информационной встрече с медиатором. Указанная норма является примером проявления активного содействия суда в реализации сторонами права на урегулирование спора в процедуре медиации. И именно в процедуре медиации супруги имеют право заключить целый ряд соглашений, даже в случае примирения и отказа от иска о расторжении брака. В соответствии со ст. 285-1 ГПК в случае заключения сторонами медиативного соглашения по спору, находящемуся на

разрешении суда, суд утверждает достигнутый результат именно как мировое соглашение, а не медиативное соглашение. Полагаем, что аналогичный подход должен быть избран и в ходе рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей. Вместе с тем в Кодексе гражданского судопроизводства (далее – КГС) указанные отличия сохраняются (п. 1 ст. 480 ГКС). Стоит также учитывать возможность заключения медиативного соглашения по рассматриваемым вопросам вне рамок рассматриваемого судом дела, и в этом случае результатом процедуры медиации будет выступать медиативное соглашение, содержащее согласованные сторонами условия о детях. Таким образом, заключение Соглашения о детях в рамках реализации различных юрисдикционных либо неюрисдикционных форм разрешения (урегулирования) спора не должно приводить к смешению форм заключаемого соглашения и процедур, в рамках которых оно заключается.

Расширение в проекте КГС перечня заключаемых сторонами соглашений в зависимости от реализуемой формы примирения, сохранение существующих различий в наименовании соглашений, которые являются основанием выдачи исполнительного листа, может привести к еще большему усложнению восприятия содержания соответствующих норм, в том числе и в ходе их реализации участниками судопроизводства. Полагаем, что на уровне постановлений Пленума Верховного Суда, в частности по делам о расторжении брака, установления отцовства и взыскания алиментов, системно должны быть разъяснены вопросы о возможных соглашениях, заключаемых сторонами спора в зависимости от реализуемой процедуры: юрисдикционной (судебной), в том числе и с элементами реализации внесудебной медиации; либо неюрисдикционной (медиация, проводимая вне рамок гражданского судопроизводства); либо самостоятельное урегулирование спора сторонами посредством заключения нотариально удостоверенных соглашений. В постановлении Пленума Верховного Суда № 7 такое системное разъяснение отсутствует.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «Об изменении постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь» от 30.06.2022 г. № 4 содержится разъяснение следующего содержания: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20.12.1991 г. № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» применяется в части, не противоречащей законодательству. Полагаем, что указанная формулировка не позволяет в полной мере уяснить смысл и содержание изменений в правовом регулировании вопросов, выступающих предметом рассмотрения в суде. Кроме того, оставление за правоприменителем вопросов толкования новелл в законодательстве не является фактором, способствующим правильному и единообразному применению закона.

Список цитированных источников

1. Тарусина, Н. Н. Защита семейных прав / Н. Н. Тарусина. – Ярославль, 1985. – 63 с.
2. Белова, Т. А. Нотариальное право : пособие / Т. А. Белова. – Минск : БГУ, 2022. – 87 с.
3. Короткевич, М. К вопросу о предмете Брачного договора и пределах свободы усмотрения сторон при определении его содержания / М. Короткевич // Судовы веснік. – 2022. – № 4. – С. 77–81.
4. Белова, Т. Мировое соглашение в процессуальной доктрине, законодательстве и практике судов общей юрисдикции / Т. Белова // Судовы веснік. – 2014. – № 1. – С. 72–74.

Пилат А. Г.

ПРИЗНАНИЕ НАСЛЕДСТВА ДОЛЖНИКА ВЫМОРОЧНЫМ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, madam.pilat@mail.ru*

В своей деятельности автор столкнулась с ситуацией смерти должника по исполнительному производству о взыскании денежных средств. В ходе исполнительного производства (до смерти должника) на недвижимое имущество и предметы быта судебным исполнителем был наложен арест. Хранителем арестованного имущества был назначен должник. В связи со смертью должника имущество не было изъято и реализовано. По истечении шести месяцев никто из наследников наследство не принял, и перед автором встал вопрос о перспективах развития такого исполнительного производства.

В соответствии с абз. 6 ст. 52 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» (далее – Закон) исполнительное производство подлежит прекращению в случае «смерти гражданина, ..., являвшегося стороной исполнительного производства, ..., если права и обязанности стороны исполнительного производства не могут перейти к иным лицам и не могут быть реализованы доверительным управляющим, назначенным органом опеки и попечительства». Исходя из п. 1 ст. 1033 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), «в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью». Перечень прав и обязанностей, неразрывно связанных с личностью наследодателя, которые не переходят к наследникам, определен п. 2 ст. 1033 ГК.

По истечении срока на принятие наследства (6 мес.) при отсутствии денежных средств, иного имущества должника и при отсутствии открытого наследственного дела исполнительное производство, в соответствии со сформировавшейся в органах принудительного исполнения (далее – ОПИ) практикой, подлежит прекращению. Данные обстоятельства рассматриваются

судебным исполнителем как обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии (невозможности) правопреемства.

Ответа на вопрос о том, как действовать судебному исполнителю при *наличии* у умершего должника имущества и *отсутствии* наследников, принявших наследство, не урегулирован законодательством, на него нет единообразного ответа и в практике исполнительных производств.

Полагаем верным следующий алгоритм. Во-первых, по истечении шести месяцев приостановленное исполнительное производство возобновляется. Во-вторых, направляется запрос в соответствующую нотариальную контору для установления факта открытия наследственного дела и уточнения состава наследства. Если наследственное дело не открывалось либо было открыто, но никто из наследников не принял наследство, либо все они от наследства отказались, судебному исполнителю следует уведомить об этом взыскателя и разъяснить его право обратиться в суд с иском о признании наследства выморочным либо обратиться с заявлением в соответствующий местный исполнительный распорядительный орган.

В соответствии со ст. 1039 ГК выморочное наследство переходит в собственность административно-территориальной единицы (далее – АТЕ) по месту нахождения соответствующего имущества, входящего в состав наследства. Признание наследства выморочным является частным случаем наследования по закону.

В практике исполнительных производств встречаются случаи прекращения исполнительного производства в аналогичных ситуациях [1]. Однако мы с такой позицией не согласны, так как правопреемство при признании наследства выморочным имеется, а значит, оснований прекращения исполнительного производства по абз. 6 ч. 1 ст. 52 Закона («если права и обязанности не могут перейти к иным лицам») не имеется.

Соответственно, на основании решения суда о признании наследства выморочным судебный исполнитель должен заменить сторону исполнительного производства на надлежащего должника – АТЕ (п. 2 ст. 1039 ГК) в лице местного исполнительного органа (п. 2 ст. 125 ГК), оформив замену в соответствии с положениями ст. 19 Закона. После замены возникает ситуация, в которой стороной по исполнительному производству о взыскании денежных средств оказывается АТЕ. Следует отметить, что получение денежных средств с Республики Беларусь и АТЕ по исполнительным документам, выданным на основании судебных постановлений, определяется главой 21¹ Бюджетного кодекса Республики Беларусь (далее – БК).

Следует отметить, что соотношение процедур, предусмотренных Законом и БК, Верховным Судом было оценено дважды и позиции этих оценок диаметрально противоположны. Так в № 3 журнала «Судовы веснік» за 2013 г., содержится указание, что нормы Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (в 2013 г. исполнительное производство по гражданским делам регулировалось именно им) неприменимы при исполнении вышеуказанных требований. В то же время имеется

постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь, в котором указано: *«Совокупный анализ названных норм Закона и БК позволяет сделать вывод о том, что бюджетное законодательство, а также законодательство об исполнительном производстве не исключают возможности исполнения исполнительных документов по обращению взыскания на средства бюджетов в рамках исполнительного производства. При этом исполнение таких исполнительных документов судебным исполнителем следует производить в порядке, предусмотренном статьей 109² БК»*¹ [3]. Исходя из данного постановления, можно говорить о том, что нормы БК являются специальными по отношению к нормам Закона при исполнении исполнительных документов по обращению взыскания на средства бюджетов в рамках исполнительного производства.

В силу иммунитетов бюджетов судебный исполнитель никаких реальных мер в отношении АТЕ, направленных на принудительное исполнение, принять не может, соответственно, логичной видится передача документов местному финансовому органу на исполнение. Абзац 1 ч. 2 ст. 109¹ БК допускает направление исполнительного документа в финансовые органы органом принудительного исполнения.

Техническая проблема, которая возникает в связи с реализацией идеи о передаче, – это определение необходимого состава документов. Так, в абз. 1 ч. 2 ст. 109¹ БК устанавливается, что к исполнительному документу должны быть приложены: 1) *надлежащим образом заверенная судом копия судебного постановления, на основании которого он выдан*; 2) *заявление взыскателя с указанием реквизитов банковского счета, на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию*. Строго говоря, судебное постановление о признании наследства выморочным не является тем судебным постановлением, на основании которого выдан исполнительный документ, по которому ведется исполнительное производство. Однако полагаем, что именно оно должно входить в состав передаваемых документов наряду с первоначальным исполнительным документом, неотъемлемой частью которого стало постановление судебного исполнителя о замене стороны правопреемником. Передача имеющегося в материалах исполнительного производства заявления о его возбуждении тоже вызывает вопросы, так как оно составлено в отношении первоначального должника (физического лица) и адресовано ОПИ. Таким образом, требуется корректировка норм БК относительно состава документов, представляемых для взыскания сумм с АТЕ, при признании наследства выморочным.

Считаем, что решение вопроса о форме окончания исполнительного производства возможно несколькими способами:

– закреплением такой новой самостоятельной формы окончания исполнительного производства, как окончание исполнительного производства в связи с передачей исполнительного документа в другой орган для

¹ Вывод судебной коллегии в литературе оценивается критически с учетом ранее высказанной Верховным Судом позиции, дефиниции «исполнительного производства» (абз. 7 ст. 1 Закона), а также иммунитетов бюджетов от взыскания [2].

исполнения из средств бюджета. Данная форма видится наиболее правильной, поскольку она не требует от взыскателя каких-либо дополнительных действий. Так как при исполнении исполнительных документов *в отношении бюджета* взыскатель является «слабой» стороной, требуются дополнительные гарантии защиты его прав и интересов;

– введением нового основания для возвращения исполнительного документа взыскателю в связи с признанием наследства выморочным и с обязательным разъяснением взыскателю права предъявления исполнительного документа в порядке ст. 109¹ БК.

Таким образом, по результатам проведенного исследования автор приходит к следующим выводам.

1. Законодательством об исполнительном производстве не урегулирована ситуация, когда после смерти должника по требованию о взыскании денежных средств имеется наследственное имущество, однако наследство наследниками не принято. Предлагаем закрепить в Инструкции по исполнительному производству алгоритм действий судебного исполнителя вопросов означенной ситуации: 1) по истечении срока на принятие наследства (6 мес. со дня смерти должника) возобновить исполнительное производство; 2) направить запрос в нотариальную контору по месту открытия наследства; 3) в случае получения ответа об отсутствии наследственного дела либо о том, что все известные наследники отказались от наследства, уведомить об этом взыскателя и разъяснить ему право обратиться в суд с иском о признании наследства выморочным либо обратиться с заявлением в соответствующий местный исполнительный распорядительный орган с тем, чтобы дело о признании наследства выморочным в порядке особого производства было инициировано АТЕ.

2. С целью решения судьбы исполнительного производства после признания судом наследства должника выморочным предлагаем:

- закрепить новую форму окончания исполнительного производства – окончание в связи с передачей исполнительного документа в финансовый орган – либо

- закрепить новое основание для возвращения исполнительного документа взыскателю – признание наследства должника выморочным. При возвращении исполнительного документа по такому основанию необходимо разъяснить взыскателю право предъявления исполнительного документа в порядке ст. 109¹ БК.

Список цитированных источников

1. Горелов, Н. В. Взыскание долгов за счет выморочного имущества / Н. В. Горелов // *ilex* : ООО «Юрспектр», 2016–2024. – URL: <https://ilex.by/vzyskanie-dolgov-za-schet-vymorochnogo-imushhestva/> (дата обращения: 11.10.2024).

2. Никонова, Н. Н. Правовое положение Республики Беларусь и административно-территориальных единиц как сторон исполнительного производства / Н. Н. Никонова // *Исполнительное производство: проблемы правового регулирования*. – Минск : Колорград, 2022. – С. 213–223.

3. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 05.07.2022 по делу №155Сж2159 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь: Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/economics/8f680ee9c63e4051.html (дата обращения: 11.10.2024).

Слабейко Н. М.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, slabeika.n@mail.ru*

В условиях реформирования действующего законодательства, расстановке новых приоритетов и задач в различных сферах белорусского общества возникает необходимость обратить внимание на роль и правовой статус прокурора в гражданском судопроизводстве. Актуальность исследуемой темы обусловлена, с одной стороны, существующей в науке гражданского процессуального права дискуссией о месте прокурора среди участников гражданского процесса, о его функциях и полномочиях, а с другой – принятием единого Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), который вступает в силу с 1 января 2026 г.

В юридической литературе большинство ученых разделяют мнение, что участие прокурора в гражданском судопроизводстве призвано способствовать суду в осуществлении правосудия [1, с. 362; 2, с. 102]. Прокурор выступает самостоятельно и независимо от других участвующих в деле лиц, поскольку его заинтересованность в процессе вытекает из его нормативно, прежде всего законодательно определенных полномочий [1, с. 353]. В. П. Скобелев отмечает, что институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве направлен на обеспечение как процессуальной, так и материально-правовой составляющих принципа законности [3, с. 74]. Это связано с тем, что одной из задач прокуратуры в гражданском судопроизводстве является надзор за соответствием закону судебных постановлений, а среди направлений деятельности отдельно выделено участие прокурора в рассмотрении судами гражданских и экономических дел (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. (ред. от 03.01.2024) № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»).

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в суде первой инстанции осуществляется в двух формах: обращение в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, и вступление в уже начатый процесс.

В соответствии с ч. 1 ст. 81 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) прокурор имеет право обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, если это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов

Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, а также юридических лиц и граждан. В отличие от данной нормы в КГС более узко определен круг лиц, права, свободы и законные интересы которых прокурор вправе защищать путем обращения в суд. Так, согласно ч. 1 ст. 71 КГС прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, если это необходимо для защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо имеющих в уставном фонде долю государственной собственности.

При этом условием для обращения прокурора в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан является невозможность этих лиц самостоятельно обратиться в суд по состоянию здоровья, возрасту, в силу недееспособности или по другим уважительным причинам (п. 2 ст. 71 КГС).

Обращает на себя внимание редакция ч. 2 ст. 72 КГС, предусматривающая, что «по делам, которые возбуждаются прокурором в интересах государства, в качестве истца выступают Республика Беларусь или ее административно-территориальные единицы». Поскольку возбуждение гражданских дел относится к компетенции суда, на наш взгляд, следовало в статье указать: «по делам, которые возбуждаются по заявлению прокурора».

Действующее гражданское процессуальное законодательство предусматривает единственную форму обращения с заявлением в суд – письменную (ч. 1 ст. 242 ГПК), с вступлением в силу КГС появится возможность обратиться в суд с заявлением не только в письменной форме, но и в виде электронного документа (ч. 1 ст. 238 КГС).

Содержание искового заявления должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к процессуальным документам. В заявлении прокурора в суд в интересах других лиц должны быть указаны лица, заинтересованные в исходе дела, сформулировано требование, обстоятельства, на которых основывается требование, приведены доказательства, подтверждающие его обоснованность [4, с. 177]. Кроме того, в КГС дополнительно закреплена обязанность прокурора указывать в исковом заявлении, в чем заключается государственный и (или) общественный интерес, какие права, свободы и законные интересы других лиц нарушены, а также приводить ссылки на акты законодательства, на которых основаны требования (ч. 5 ст. 238 КГС).

В отличие от ст. 243 ГПК, определяющей содержание искового заявления, в ч. 6 ст. 238 КГС дополнительно содержится требование о том, что «исковое заявление должно быть подписано истцом или его представителем (при наличии у него полномочий на подписание заявления и предъявление его в суд)». Данная норма дублирует требование о подписании процессуальных документов подателем документа или его представителем, которое предусмотрено в качестве обязательного реквизита процессуального документа в п. 7 ч. 1 ст. 100 КГС, причем в том виде, в котором норма

изложена в ч. 6 ст. 238 КГС, она не предусматривает подписание заявления, подаваемого прокурором, им самим, поскольку при подаче прокурором в суд заявления в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц истцами (заявителями) являются эти гражданин или юридическое лицо (ч. 1 ст. 72 КГС). Иными словами, из буквального толкования ч. 6 ст. 238 КГС следует, что исковые заявления, подаваемые прокурором в интересах других лиц, должны быть подписаны истцами или их представителями, т. е. лицами, в защиту прав, свобод и законных интересов которых обратился прокурор. Полагаем, что ст. 238 КГС подлежит изменению, поскольку необходимость в дополнительном указании на подписание истцом или его представителем искового заявления, которое уже содержится в требованиях, предъявляемых к процессуальным документам, отсутствует.

Кроме того, формулировка ч. 6 ст. 238 КГС о том, что при подаче искового заявления в виде электронного документа оно подписывается электронной цифровой подписью истца или его представителя, не в полной мере направлена на осуществление целей и задач государственной политики, изложенных в Указе Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь», среди которых стоит выделить внедрение цифровых технологий в правореализационную деятельность. Из анализа данной нормы следует, что прокурором исковое заявление в суд может быть подано только в письменной форме. На наш взгляд, требование о наличии электронной цифровой подписи в исковом заявлении, оформленном в виде электронного документа, должно содержаться в общих требованиях, предъявляемых к процессуальным документам, предусмотренных в ст. 100 КГС, часть 1 которой необходимо дополнить п. 7 со следующим положением: «при подаче документа в электронном виде он подписывается электронной цифровой подписью подателя документа или его представителя». Такое положение будет соответствовать проводимой политике цифровизации правосудия и относиться не только к исковому заявлению, но и ко всем процессуальным документам, подаваемым в суд в форме электронного документа.

Отметим, что для обращения прокурора в суд с заявлением в виде электронного документа уже имеются необходимые условия. Так, в органах прокуратуры активно применяется цифровая подпись при направлении электронных документов по имеющимся системам межведомственного электронного документооборота (система межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь (СМДО) и Directum). Данные платформы используются в том числе для электронного документооборота между судами и органами прокуратуры. В последующем использование данных программ возможно и как способ обращения в суд в электронном формате.

КС сохранил установленную ранее в ГПК обязанность прокурора – до подачи в суд заявления выслать указанным в качестве истцов лицам копию искового заявления, а при необходимости – и копии приложенных к нему документов (ст. 82 ГПК, ст. 72 КГС). При обращении прокурора в суд

с заявлением в виде электронного документа копия электронного документа создается путем удостоверения в порядке, установленном законодательством, формы внешнего представления электронного документа на бумажном носителе (ст. 20 Закона об электронном документе) с указанием на то, что является копией соответствующего электронного документа. В таком случае целесообразно предусмотреть возможность направления истцу копии заявления в электронном формате, а также копий приложенных к нему документов, по электронной почте.

Гражданским процессуальным законодательством предусмотрено, что прокурор вправе вступить в начатый процесс в целях защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан (ч. 2 ст. 81 ГПК, ч. 5 ст. 71 КГС).

Согласно ч. 2 ст. 83 ГПК в предусмотренных законодательством случаях суд обязан известить прокурора о времени и месте судебного заседания. Такое же положение сохранено и в ч. 2 ст. 73 КГС.

В гражданском процессуальном законодательстве содержится открытый и достаточно широкий перечень средств связи и способов доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова, которые может использовать суд для вызова участников процесса. В литературе обращается внимание на существующие проблемы, связанные с применением современных информационных технологий для извещения участников гражданского процесса, главной из которых является недостаточная правовая урегулированность данных вопросов. Так, на законодательном уровне четко не определены основания применения современных средств извещения, условия их использования и последствия направления [5, с. 68]. На наш взгляд, использование судом специальных систем (платформ) для доставки электронных документов, в том числе для направления судебного извещения прокурору, позволит своевременно известить прокурора для обеспечения явки в суд в назначенный срок и подготовки к участию в процессе.

По-иному в КГС изложены некоторые положения о составлении мотивировочной части решения. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 289 КГС мотивировочная часть решения составляется по заявлению прокурора по делам, затрагивающим государственные и общественные интересы (в том числе права, свободы и законные интересы неопределенного круга лиц), права и законные интересы юридических лиц государственной формы собственности либо юридических лиц, имеющих в уставном фонде долю государственной собственности, а также права, свободы и законные интересы гражданина, который по состоянию здоровья, возрасту, в силу недееспособности или по другим уважительным причинам не может самостоятельно защитить их, независимо от участия прокурора в таком деле.

Обратив внимание на редакцию указанной статьи, Т. С. Таранова полагает, что «в данном случае не учтено право каждого гражданина на судебную защиту, провозглашенное Конституцией Республики Беларусь, независимо от всех обстоятельств, отличающих одного человека от другого, и

от того, что в защиту прав и законных интересов гражданина обращается прокурор» [6, с. 41]. На наш взгляд, предоставляя прокурору или заместителю прокурора право на основании ч. 5 ст. 555 КГС приносить протест на любое решение суда независимо от того, участвовали ли они в рассмотрении данного дела, следует признать его право на обращение с заявлением о составлении мотивировочной части любого судебного постановления.

Подводя итог, можно сделать вывод о значимости роли, которая придается институту прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве в Республике Беларусь, что подтверждается сохраненным правовым положением прокурора в гражданском судопроизводстве в КГС с учетом определенных изменений, а также о важности участия прокурора в гражданском судопроизводстве по защите государственных и общественных интересов, а также прав, свобод и законных интересов граждан.

Список цитированных источников

1. Бессарабов, В. Г. Прокурорский надзор : учебник / В. Г. Бессарабов. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 536 с.
2. Гражданский процесс : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / Д. Б. Абушенко [и др.] ; отв. ред. В. В. Ярков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 784 с.
3. Скобелев, В. П. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / В. П. Скобелев // Судовы веснік. – 2024. – № 1. – С. 72–79.
4. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / Т. А. Белова, И. И. Верховодко, А. А. Данилевич [и др.] ; под ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 379 с.
5. Скобелев, В. П. Современные информационные технологии в цивилистическом процессе иностранных государств и Республики Беларусь: сравнительно-правовой анализ / В. П. Скобелев // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2024. – № 1. – С. 59–75.
6. Таранова, Т. С. Мотивировочная часть судебного решения в проекте Кодекса гражданского судопроизводства / Т. С. Таранова // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 2. – С. 40–44.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бесецкая Наталья Александровна – начальник Центра системного анализа Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Болохонов Борис Сергеевич – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Бритова Татьяна Константиновна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси.

Василевич Сергей Григорьевич – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Горупа Татьяна Александровна – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент.

Делибозоглова Валентина Витальевна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Журова Юлия Андреевна – аспирант кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Здрок Оксана Николаевна – директор учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», доктор юридических наук, профессор.

Кирвель Ирена Юзефовна – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

Князькин Сергей Игоревич – доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Колядко Иван Николаевич – профессор кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Корень Татьяна Анатольевна – заместитель декана по воспитательной работе факультета экономики и права Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, кандидат юридических наук, доцент.

Курылёва Ольга Сергеевна – заслуженный работник Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мотина Евгения Владимировна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Никонова Наталия Николаевна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Новиков Денис Александрович – доцент кафедры трудового и социального права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Нихайчик Ольга Леонидовна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Петоченко Тамара Михайловна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Пилат Александра Григорьевна – аспирант кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Постовалова Татьяна Александровна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Потапенко Евгений Георгиевич – доцент кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Раздьяконов Евгений Сергеевич – доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

Романова Ольга Николаевна – заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Сенкевич Виктория Валерьевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, кандидат юридических наук.

Сигаева Татьяна Адамовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Слабейко Надежда Михайловна – аспирант кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Таранова Татьяна Сергеевна – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

Унукович Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Чичина Елена Вацлавовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ясинская-Казаченко Анжелика Васильевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....	3
<i>Здрок О. Н.</i> К вопросу о процессуальных особенностях и стадиях судопроизводства по делам о несостоятельности и банкротстве	3
<i>Василевич Г. А.</i> Социальное государство – государство, основанное на труде и социальной ответственности каждого	8
<i>Романова О. Н.</i> Правила допустимости доказательств по пенсионным спорам: актуальные проблемы	11
<i>Колядко И. Н.</i> Развитие научно-педагогической школы гражданского процесса на кафедре гражданского процесса и трудового права	14
<i>Петоченко Т. М.</i> Основные вехи развития науки трудового права и права социального обеспечения на кафедре гражданского процесса и трудового права	20
<i>Таранова Т. С.</i> Иск прокурора в защиту неопределенного круга лиц (некоторые новеллы процессуального законодательства)	25
<i>Мотина Е. В.</i> О моменте начала действия трудового договора с бывшим совместителем.....	30
<i>Скобелев В. П.</i> Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: имеется ли дублирование в правовом регулировании?	34
<i>Кирвель И. Ю.</i> Новые подходы к примирению в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь.....	40
<i>Постовалова Т. А.</i> Судебная защита по делам, возникающим из пенсионных правоотношений	45
ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	50
<i>Курылёва О. С.</i> Общеправовые вопросы судебного нормоконтроля в Республике Беларусь и защита субъективных трудовых прав	50
<i>Бритова Т. К.</i> Защита прав работников при несчастных случаях на производстве	55
<i>Василевич С. Г.</i> О юридической силе актов трудового законодательства ...	58
<i>Горуна Т. А.</i> Принципы социального обслуживания и проблемы их реализации в Республике Беларусь	60
<i>Нихайчик О. Л.</i> К вопросу о порядке совершения действий в электронном виде в трудовом праве.....	64
<i>Новиков Д. А.</i> Алгоритмический контроль в трудовых отношениях: перспективы правового регулирования	67
<i>Ясинская-Казаченко А. В.</i> Гарантии прав нанимателей при заключении трудового договора: постановка вопроса	71

<i>Чичина Е. В.</i> Сверхурочная работа: вопросы коллективно-договорного регулирования	76
<i>Журова Ю. А.</i> Проблемы правового регулирования деятельности агентств по трудоустройству в Республике Беларусь	79
ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ.....	83
<i>Бесецкая Н. А.</i> Принцип языка судопроизводства как гарантия защиты процессуальных прав иностранных лиц в цивилистическом процессе ...	83
<i>Болохонов Б. С.</i> К вопросу об истории становления института групповых исков	87
<i>Вартанова А. Б.</i> Специалист как участник гражданского судопроизводства в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь	90
<i>Делибозоглова В. В.</i> Об основаниях объединения исполнительных производств в сводное исполнительное производство	94
<i>Князькин С. И.</i> Значение фактического компонента спора для обеспечения справедливого судебного решения	98
<i>Корень Т. А.</i> О классификации судебных дел в сфере несостоятельности и банкротства.....	103
<i>Никонова Н. Н.</i> О некоторых аспектах рассмотрения судами дел о применении статьи 137 Жилищного кодекса Республики Беларусь	106
<i>Потапенко Е. Г.</i> Некоторые проблемы приказного производства по гражданским делам в России	110
<i>Раздьяконов Е. С.</i> Судебный приказ в цивилистическом процессе России и Беларуси: в поисках точек роста	113
<i>Сенкевич В. В.</i> Современные способы повышения доступности правосудия в Российской Федерации	116
<i>Сигаева Т. А.</i> Дифференциация правового регулирования защиты по транспортным делам.....	119
<i>Унукович Е. А.</i> Соглашения сторон как основания выдачи исполнительного документа в цивилистическом процессе	123
<i>Пилат А. Г.</i> Признание наследства должника выморочным в исполнительном производстве: процессуальные последствия	128
<i>Слабейко Н. М.</i> Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в суде первой инстанции: инновационные элементы	132
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	137